

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

151

Артур
Конан Дойл

СЭР НАЙДЖЕЛ
БЕЛЫЙ ОТРЯД
ИЗГНАННИКИ

«АЗБУКА»

Иностранная литература. Большие книги

Артур Конан Дойл

**Сэр Найджел. Белый
отряд. Изгнанники**

«Азбука»

1906, 1891

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Сэр Найджел. Белый отряд. Изгнанники / А. Дойл — «Азбука»,
1906, 1891 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-33191-4

Английский писатель Артур Конан Дойл – непревзойденный мастер детективного и историко-приключенческого жанра. Многие персонажи, вышедшие из-под его пера, обрели поистине грандиозную известность: это и гениальный сыщик Шерлок Холмс со своим верным спутником доктором Ватсоном, и неугомонный бригадир Жерар, и эксцентричный профессор Челленджер... В ряду прославленных героев Конан Дойла далеко не последнее место занимает английский рыцарь сэр Найджел Лоринг, с которым читатель встретится на страницах исторических романов «Сэр Найджел» и «Белый отряд», повествующих о событиях XIV века и Столетней войне между Англией и Францией, об эпохе кровопролитных битв, благородных рыцарей и прекрасных дам. Роман «Изгнанники», также включенный в издание, считается эталоном приключенческой литературы наравне с лучшими книгами Александра Дюма, Вальтера Скотта и Фенимора Купера. Действие романа происходит в эпоху правления Людовика XIV. Первая часть посвящена дворцовым интригам, в центре которых тайное поручение короля, мечтающего о браке с самой умной женщиной Франции госпожой де Ментенон. Вторая часть повествует о невероятных приключениях в дебрях загадочной Америки, куда главные герои, исполнив волю короля, вынуждены бежать от карающей руки закона. В книге использованы иллюстрации Артура Твидла, Ньюэлла Конверса Уайета и Туре де Тулструп.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33191-4

© Дойл А., 1906, 1891

© Азбука, 1906, 1891

Содержание

Сэр Найджел	7
Предварение	7
Глава I	8
Глава II	14
Глава III	19
Глава IV	34
Глава V	47
Глава VI	59
Глава VII	67
Глава VIII	82
Глава IX	93
Глава X	101
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Артур Конан Дойл

Сэр Найджел. Белый отряд. Изгнанники

Arthur Conan Doyle
SIR NIGEL
THE WHITE COMPANY
THE REFUGEES

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2026
© Г. П. Злобин (наследники), перевод, 2026
© В. А. Скороденко (наследники), перевод, 2026
© В. О. Станевич (наследники), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление

* * *

**МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

Санкт-Петербург

Сэр Найджел

Предварение

Дама История столь строга, что всякий, кто, по неразумию, позволит себе допустить с ней вольность, обязан незамедлительно загладить свой проступок чистосердечным признанием и раскаянием. В этом повествовании некоторые события ради стройности и гармоничного развития сюжета перемещены во времени на несколько месяцев. Надеюсь, что такое малое отклонение спустя пять с половиной столетий – грех простительный. В остальном же историчность соблюдалась настолько точно, насколько позволяло тщательное и усердное изучение источников.

Вопрос о языке эпохи в исторических произведениях всегда требует такта и вкуса. В 1350 году высшие классы Англии все еще изъяснялись на нормандско-французском, хотя уже порой снисходили до английского. Низшие классы говорили на том английском языке, на котором создавалось «Видение о Петре Пахаре», то есть для современного читателя даже еще более трудном, чем французский их господ. Поэтому автору пришлось ограничиться попыткой воссоздать общий строй и манеру их речи, иногда вводя те или иные архаизмы для передачи ее стиля.

Я отдаю себе отчет в том, что современным читателям многие эпизоды могут показаться жестокими и отвратительными. Однако бессмысленно рисовать двадцатый век и именовать его четырнадцатым. Время было гораздо более суровое, а моральный кодекс, особенно в отношении жестокости, был совсем иным. В романе нет ни единого эпизода, для которого нельзя найти подтверждения в источниках. Изысканные законы рыцарственности были лишь тонкой пленкой на поверхности жизни, а под ней прятались варварство и звериная жестокость, чуждые милосердию. Это была грубая, нецивилизованная Англия, полная стихийных страстей, искупаемых лишь такими же стихийными добродетелями. Вот такой я и стремился ее изобразить.

Каким бы ни получился роман, но своим созданием он обязан множеству книг. Я смотрю на свой письменный стол и радостно прощаюсь с теми из них, которые еще лежат на нем. Я вижу «Средние века» Лакруа, «Искусство войны» Омана, «Общее гербоведение» Ритстепя, «Историю Бретани» Бордери, «Книгу Сент-Олбенса», «Хронику Жослена Брейклонда» и «Старую дорогу» Бернерс, «Старинные доспехи» Хьюитта, «Геральдику» Куссена, «Оружие» Бутелла, «Чосеровскую Англию» Брауна, «Сцены Средневековья» Каста, «Бродячую жизнь» Джасренда, «Кентерберийских паломников» Уорда, «Рыцарство» Корниша, «Британского лучника» Хастингса, «Развлечения» Стратта, «Фруассара» Джонса, «Искусство стрельбы из лука» Харгрува, «Эдуарда III» Лонгмена, «Нравы и обычаи» Райта. Много месяцев они и многие другие были постоянными моими собеседниками. Если почерпнутое из них я не сумел слить воедино с должной силой, вина моя.

Андершо

Октябрь 1906 года

Артур Конан Дойл

Глава I

Благородный дом Лорингов

В месяце июле лета Господня одна тысяча триста сорок восьмого между днем святого Бенедикта и днем святого Суизина¹ приключилось в Англии дотоле невиданное, ибо поднялась на востоке страховидная багровая туча, изнутри бурлящая, исполненная зла, и за клубилась вверх по замершему небосводу. В тени сей невиданной тучи листья на деревьях поникали, птицы смолкали, а коровы и овцы боязливо жались к изгородям. Жуткая мгла окутала страну, и люди не спускали глаз с невиданной тучи, а сердца их тягостно сжимались. В испуге они укрывались в церквах и, дрожа, получали благословение и отпущение грехов от дрожащих священнослужителей. А снаружи – ни крика птицы, ни лесных шорохов, ни других простых и привычных звуков. Все замерло, ничто не шевелилось, и только огромная туча, клубясь, ползла вверх от черного горизонта. На западе еще голубело небо, но зловещий вал продолжал чуть заметно катиться с востока вверх и вперед, пока не заволок последние проблески голубизны и весь необъятный купол небес не навис над землей тяжелым свинцовым сводом.

И тут пошел дождь. Он шел весь день, и всю ночь, и всю неделю, и весь месяц, – и люди позабыли, как выглядят небесная синева и солнечный свет. Он не был проливным, а только непрерывным, холодным, нескончаемым, и люди изнемогали от его шороха и всплесков, от размеренного стука капель, падающих с кровли. А густая злая туча все клубилась и клубилась с востока на запад, проливаясь нескончаемым дождем. И сквозь завесу его струй люди, стоя на пороге своих жилищ, видели не дальше полета стрелы. Каждое утро они искали взглядом разрыв, в который проглянуло бы солнце, но видели лишь все ту же свинцовую пелену, и в конце концов они перестали смотреть вверх, отчаявшись дожидаться перемены. Дождь шел в день Петра в веригах и на Успенье и продолжал идти в Михайлов день². И травы пропитались влагой, почернели и сгнили на полях и лугах, потому что убирать их не имело смысла. Овцы передохли, и телята тоже, и когда подошел Мартынов день³, а с ним и время солить мясо на зиму, засаливать оказалось нечего. Люди страшились голода, но ждало их испытание страшнее, чем голод.

---

¹ 15 июля. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² 1 августа, 15 августа, 29 сентября.

³ 11 ноября.

Ибо дождь наконец перестал и слабое осеннее солнце озарило пропитанную водой полужидкую землю. Леса дымкой окутали вредоносные испарения и запахи мокрой гниющей

листвы. На полях и лугах выросли чудовищные поганки, ни по величине, ни по цвету не имевшие себе никакого подобия – багряные, сизые, желчно-желтые, черные. Казалось, изнемогшая земля покрылась гнойниками. Стены заросли плесенью и лишайниками. А вместе с этими гнусными плодами захлебнувшаяся водой земля взрастила Смерть. Умирали мужчины, и женщины, и дети – барон у себя в замке, вольный хлебопашец у себя в усадьбе, монах в аббатстве и крепостной в глиняной мазанке. Все дышали одним смрадом, и всех губила одна моровая язва. Никто из сраженных ею не выздоровел, и все заболели и умирали одинаково – огромные нарывы, бред и черные пятна, отчего и назвали этот мор Черной Смертью. Всю зиму у дорог валялись гниющие трупы, их некому было похоронить. Во многих деревнях в живых не осталось ни единого человека. Наконец наступила весна, неся с собой солнечный свет, здоровье, веселье и смех, – самая зеленая, самая душистая, самая ласковая весна, какую когда-либо видела Англия. Но увидела ее лишь половина Англии – вторую половину унесла огромная багровая туча.

Однако именно в этих испарениях смерти, в этом смраде гниения родилась новая, более светлая, более свободная Англия. В этот самый темный час блеснул первый луч занимающейся зари. Ибо лишь великие потрясения и перемены могли вырвать нацию из железных цепей феодальной системы, сковавшей ее по рукам и ногам. Год смерти вызвал к жизни новую страну. Бароны погибли сотнями и тысячами – ведь ни самые высокие башни, ни самые глубокие рвы не могли укрыть их от косы Черной простолоудинки. Жестокие законы утратили силу, потому что некому было приводить их в исполнение, а снова наложить раз сброшенные цепи оказалось невозможным. Работник больше не хотел быть рабом. Крепостной разорвал опутавшие его узы. Дела предстояло так много, а тех, кто мог его выполнить, осталось так мало! И эти немногие должны были стать свободными, сами назначать плату за свой труд и работать там и на того, как хотелось им. Черная Смерть расчистила путь для великого восстания тридцать лет спустя, которое сделало английского крестьянина самым свободным по сравнению с остальными его собратьями в тогдашней Европе.

Но вряд ли в те дни нашлось бы даже несколько дальновзорких людей, способных увидеть, что и это зло обернется добром, как бывает всегда. Горе и разорение постигли каждую семью. Павший скот, неубранный хлеб, невспаханные поля... все источники благосостояния пересохли одновременно. Богатые стали бедными, но те, что уже были бедны, попали в поистине безвыходное положение, а тем более если их обременяла необходимость поддерживать достоинство своего благородного рода. По всей Англии дворян подстерегала нищета – ведь у них не было иного ремесла, кроме войны, и жили они чужим трудом. Многие поместья оказались на краю гибели, и особенно поместье Тилфорд, с давних времен принадлежавшее благородному роду Лорингов.

Было время, когда Лоринги держали земли от Норт-Даунсов до Френемских озер, когда их мрачный донжон, вздымающийся над пойменными лугами реки Уэй, был оплотом самой грозной крепости между Гилфордским замком на востоке и Винчестером на западе. Но начались баронские войны, и король воспользовался своими подданными, происходившими от англосаксов, как бичом, чтобы привести к повиновению свою нормандскую знать, и замок Лоринг, подобно многим знаменитым крепостям, сровняли с землей. С той поры Лоринги, чьи владения были беспощадно урезаны, жили в господском доме, куда прежде удалялась овдовевшая хозяйка замка, уступая место супруге нового главы рода. Концы с концами они сводили, но от былой пышности не осталось и помина.

А затем цистерианские монахи Уэверлийского монастыря по соседству затеяли с ними тяжбу, вознамерившись отобрать у них лучшие земли и присвоить феодальные права на остальные – вплоть до прекария и турбария. Великий процесс длился много лет; когда же решение было вынесено, церковники и законники поделили между собой наиболее лакомые куски, а Лорингам остался старый господский дом, откуда из поколения в поколение на очередную

войну отправлялся рыцарь поддержать честь родового имени и показать врагам пять алых роз на серебряном поле там, где они их видели всегда, – в первом ряду авангарда. В маленькой часовне, где Мэттью, домашний капеллан, каждое утро служил мессу, покоились двенадцать бронзовых рыцарей – надгробия двенадцати членов рода Лорингов. У двоих ноги были скрещены в знак их участия в Крестовых походах. Еще шестеро опирались стопами на львов, как павшие в битве. И лишь у ног четверых лежали бронзовые охотничьи псы, свидетельствуя, что их хозяева скончались в дни мира.

В году от Рождества Христова 1349-м имя этого прославленного, но обедневшего рода, вдвойне разоренного законом и чумой, носили лишь двое – благородная дама Эрминтруда Лоринг и ее внук Найджел. Супруг леди Эрминтруды пал под Стерлингом, отражая натиск шотландских копейщиков, а ее сын Юстес, отец Найджела, доблестно погиб за девять лет до начала этой хроники на корме нормандской галеры в морском сражении при Слейсе. Одинокая старуха, столь же яростная и сумрачно гордая, как сокол в клетке у нее в опочивальне, была ласкова только с юношей, которого взрастила. Вся любовь и нежность, так глубоко спрятанные в ее натуре, что никто о них даже не догадывался, были отданы ему. Она не желала расставаться с ним, а он, почитая старшую в роде, как того требовали обычаи века, не мог никуда уехать без ее согласия и благословения.

И вот Найджел, с сердцем льва в груди и кровью сотен воинов, бурлящей в его жилах, на двадцать втором году жизни без толку коротал томительные дни, наманивал пущенных в небо соколов, надевая на них путы и клобучки, или обучал охотничьих псов, которые делили с хозяевами большую залу.

День за днем престарелая леди Эрминтруда видела, как он крепнет и мужает. Некоторый же недостаток роста искупался железными мышцами и пламенным духом. Отовсюду – от коменданта Гилфордского замка, с ристалища Фарнема – до нее доходили вести о том, какой он смелый наездник, как он беззаветно храбр, как искусно владеет любым оружием, и все-таки она, кого кровавая смерть лишила супруга и сына, не могла вынести мысли, что последний из Лорингов, единственная уцелевшая почка прославленного старого древа, разделит ту же судьбу. Изнывая душой, но сохраняя улыбку на лице, Найджел терпел свою монотонную жизнь, а его бабушка все откладывала и откладывала злой час разлуки: вот когда кончится недород, вот когда монахи Уэверли вернут то, что присвоили, вот когда его дядя умрет и оставит ему деньги, чтобы он мог достойно снарядить себя, вот когда... ну, словом, она ссылалась на любой предлог, лишь бы удержать его возле себя.

Но и правда, Тилфорду требовался хозяин, потому что мир между аббатством и господским домом восстановлен не был и монахи находили то один, то другой предлог отрезать у своих соседей еще один ломоть их земли. На том берегу извилистой реки над зелеными лугами высились тяжелая квадратная башня и мощные серые стены угрюмого аббатства, где днем и ночью звонил колокол, точно беспрестанно угрожая маленькому поместью.

И эта хроника дней былых должна начаться в самом сердце богатого цистерианского монастыря: мы расскажем о вражде между монахами и домом Лорингов, о тех событиях, к которым она привела, опишем приезд Чандоса, небывалый поединок у тилфордского моста и подвиги Найджела на войне, снискавшие ему славу. В хронике «Белого отряда» уже описано, каким человеком был Найджел Лоринг. Те, кому он пришелся по сердцу, могут прочесть

здесь, как и почему он стал таким. Отправимся же вместе в прошлое и обозрим зеленую сцену Англии. Декорации – холм, равнина, река – совсем такие, как нынче, актеры же во многом неотличимы от нас самих, а во многом и в мыслях, и в поступках столь от нас далеки, будто обитали они на иной планете.

Глава II

Как дьявол явился в Уэверли

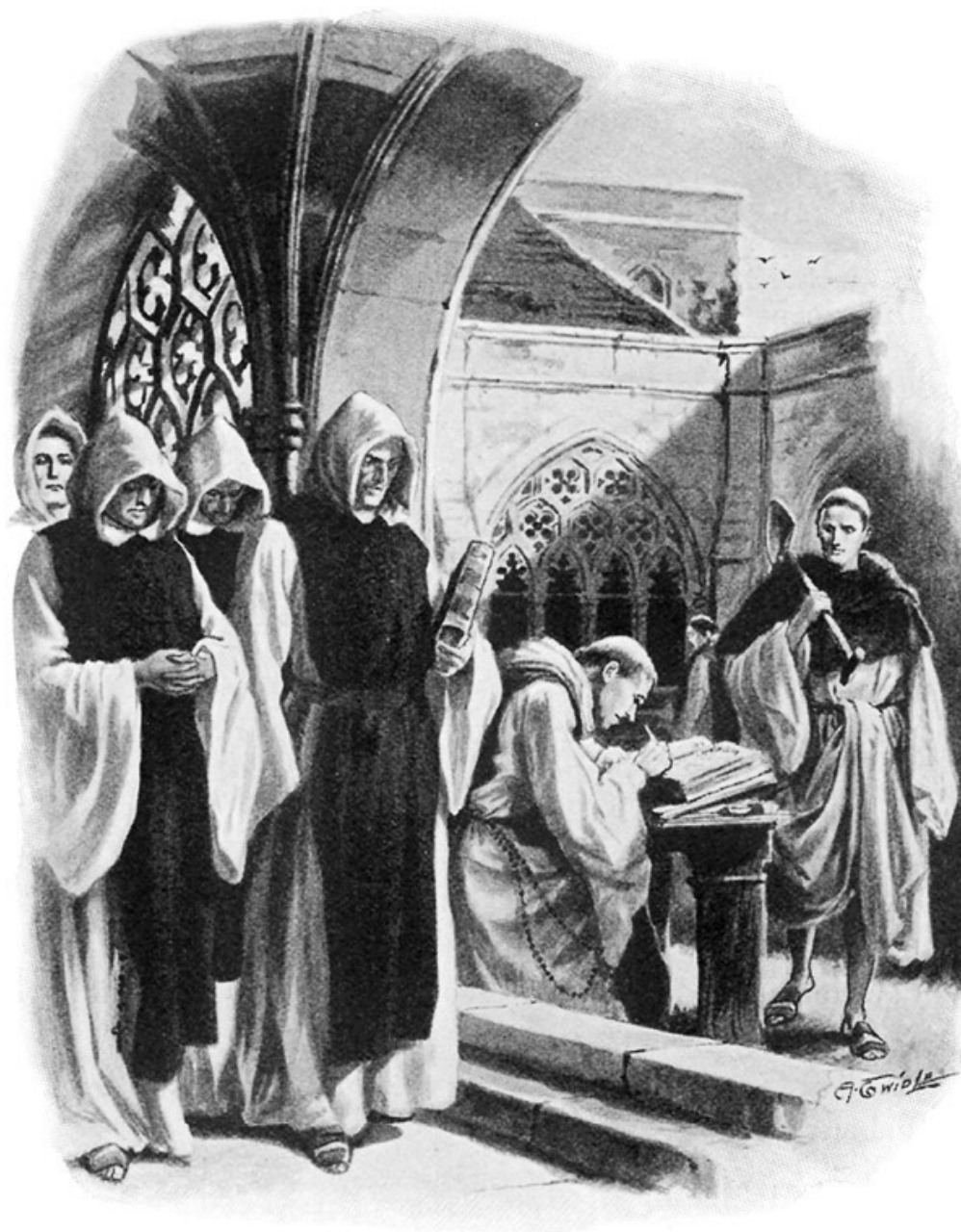
День был первое мая, день святых апостолов Иакова и Филиппа. Год же был одна тысяча триста сорок девятый от Рождества Спасителя нашего.

После девятичасовой молитвы и до полуденной, а потом после полуденной молитвы и до трехчасовой аббат Джон, настоятель Уэверлийской обители, занимался делами у себя в приемной, исполняя многотрудные обязанности, возложенные на него вместе с саном. На много миль вокруг на юг и на север, на запад и восток раскинулись плодородные земли процветающего монастыря, всевластным хозяином которого он был. В самом их сердце поднимались массивные здания аббатства – церковь и кельи, трапезная, странноприимный дом и дом капитула, полные хлопотливой жизни. За распахнутыми окнами слышались приглушенные голоса братьев, которые прохаживались по аркаде внизу, занятые благочестивой беседой. С той стороны внутреннего двора доносились переливы духовного песнопения – там регент разучивал его с хором, а зычный голос брата Питера гремел в доме капитула, где он растолковывал послушникам устав святого Бернарда.

Аббат Джон поднялся, чтобы размять затекшие ноги. Он обвел взглядом зеленеющую траву и изящные готические арки открытой галереи, под сводом которой прогуливались братья. Облаченные в черно-белые одеяния, склонив головы, они медлительным шагом попарно описывали круг за кругом. Наиболее усердные принесли из скриптория свои рукописи, разложили под ласковым солнцем свои дощечки с красками и сусальным золотом и, сутуля плечи, склонялись над белыми листами бумаги. А неподалеку расположился чеканщик со своими резцами. Хотя ученость и искусства не были у цистерианцев в той же чести, как у ордена бернардинцев, из которого они выделились, библиотека Уэверли могла похвастать множеством как бесценных книг, так и благочестивых ревнителей книжной мудрости.

Однако истинную славу свою цистерианцы видели в трудах под открытым небом, и по галерее, возвращаясь с полей или из сада, то и дело проходили братья-трудники, чьи лица были обожжены солнцем, рясы подсучены, а руки сжимали выпачканные в земле мотыги или лопаты. Сочные пойменные луга, где паслись тонкорунные овцы, хлебные поля, отвоеванные у вереска и папоротника, виноградники на южном склоне холма Круксбери, цепь рыбных садков, осушенное, превращенное в огороды болото, вместительные голубятни опоясывали величавое аббатство как видимые доказательства усердия его обитателей.

Круглое румяное лицо аббата, пока он оглядывал свое внушительное хозяйство, светило тихим довольством – такой образцовый царил везде порядок. Как всякий глава богатой обители, аббат Джон – четвертый настоятель, носивший это имя, – был наделен многими талантами и достоинствами. Через посредство им самим выбранных помощников он управлял обширным имением и держал в строгости и благочинии многочисленных обитателей монастыря, удалившихся туда от житейских соблазнов. С теми, кто был ему подчинен, он был суровым и требовательным начальником, но с теми, кто стоял выше его, – ловким и обходительным дипломатом. Он вел ученые беседы с соседними аббатами и лордами, с епископами и папскими легатами, а порой и с его величеством королем. Он должен был разбираться в самых разных предметах – ведь ему приходилось выносить решения и по вопросам церковной доктрины, и по вопросам земледелия, архитектуры, охраны лесов, осушения болот и соблюдения феодального права. Он олицетворял собой правосудие во всех держаниях аббатства, которые охватывали немалую часть Гемпшира и Суррея. Монахам его неудовольствие грозило долгой епитимьей, ссылкой в более строгую обитель или даже темницей и цепями. И мирян он мог подвергнуть любой каре, кроме смерти телесной, зато в его власти было отлучить их от церкви, то есть обречь на гибель духовную, куда более страшную.

Таково было могущество аббата, и неудивительно, что его румяное лицо несло печать власти и что монахи, подняв глаза и увидев в окне это лицо, потуплялись еще смиреннее, а выражение их становилось еще благочестивее.

Стук в дверь напомнил аббату о сиюминутных заботах, и он вернулся к своему столу. Он уже беседовал нынче с келарем и коадьютором, с подателем милостыни, капелланом и чтецом, но теперь, в ответ на его разрешение, в дверь вошел высокий тощий монах, самый важный и самый доверенный из его помощников, брат Сэмюэл, ключарь, обязанности которого в миру соответствовали обязанностям управителя, так что материальное благополучие монастыря и сношения с суетным светом находились полностью в его ведении. Во всем, что касалось их, он поступал по своему усмотрению, отвечая только перед аббатом. Брат Сэмюэл был жилистым стариком с узловатыми руками, острые черты его хмурого лица не озарялись светом духовным и отражали лишь вечную озабоченность суетными мирскими делами и хлопотами. Под мыш-

кой он нес толстую счетную книгу, в другой руке сжимал тяжелую связку ключей – знак его должности, а также в минуты раздражения и орудие наказания, как свидетельствовали шрамы на головах многих вилланов и братьев-трудников.

Аббат устало вздохнул, потому что и ему приходилось терпеть немало мучений от своего усердного управителя.

– Так что же привело тебя сюда, брат Сэмюэл? – осведомился он.

– Святой отец, я пришел доложить, что продал шерсть мастеру Болдуину в Винчестере на два шиллинга за тук больше, чем в прошлом году, потому что из-за падежа овец цена повысилась.

– Ты поступил похвально, брат Сэмюэл.

– Еще я должен доложить тебе, что выселил лесника Уота из его дома. Он не уплатил рождественский оброк и прошлогодние недоимки за кур.

– У него, брат Сэмюэл, жена и четверо детей.

Аббат был добродушным человеком, хотя легко уступал настояниям своего не столь мягкосердечного ключаря.

– Истинно так, святой отец. Но если я спущу ему, как же мне взыскивать недоимки с лесников Путтенема или вилланов в деревнях? О таком снисхождении сразу узнают повсюду, и что тогда останется от богатств Уэверли?

– Что еще, брат Сэмюэл?

– Рыбные садки, святой отец.

Лицо аббата посветлело. Тут он был знатоком. Устав ордена отказывал ему во многих радостях жизни, а потому он весьма ценил те, которые были дозволены.

– Как там форель, брат Сэмюэл?

– Форель благоденствует, святой отец. Но в садке, где содержится рыба для твоего стола, не осталось ни одного карпа.

– Карпам требуется галечное дно. И пускать их в садок необходимо в точной пропорции – три самца на одну самку, брат ключарь, а место для садка нужно выбрать безветренное, каменистое и песчаное, и рыть на глубину двух локтей, и чтобы по берегам были ивы и трава. Ил для линя, брат Сэмюэл. А для карпа – галька.

Ключарь наклонился к нему, как вестник скорби.

– В садке с карпами завелись щуки, – сказал он.

– Щуки! – вскричал аббат в ужасе. – Да лучше уж пустить волка в нашу овчарню. Но как могла попасть щука в садок? Никаких щук весной там не было, а щуки не падают с дождем и не выныривают из источников. Садок необходимо осушить, не то в Великий пост нам придется есть вяленую рыбу и всю братию поразит тяжкая хворь, прежде чем Светлое Воскресенье положит конец нашему воздержанию.

– Садок будет осушен, святой отец. Я уже отдал распоряжение. В ил мы посадим душистые травы для нашего стола, а когда срежем их, снова наполним верхний садок водой и рыбами из нижнего – пусть жиреют, объедая оставшиеся стебли.

– Превосходно! – воскликнул аббат. – По-моему, в каждом хорошем хозяйстве надобно иметь три садка – осушенный под травы, мелкий под мальков и молоди и глубокий под взрослых рыб, а их часть брать для стола, остальных же оставлять плодиться. Но ты не ответил мне, как могли попасть щуки в монастырский садок?

Гримаса ярости исказила угрюмое лицо ключаря, и его костлявые пальцы так сжали связку ключей, что они звякнули.

– Желторотый Найджел Лоринг! – сказал он. – Мальчишка поклялся чинить нам вред, и вот его месть.

– Откуда тебе это ведомо?

– Полтора месяца назад он изо дня в день удил щук в большом Френемском озере. Его там видели. А потом его дважды встречали по ночам на Хэнклейском холме. Под мышкой он нес связку соломы. И уж конечно, солома была мокрая, а внутри связки лежала живая щука.

Аббат покачал головой:

– Я наслышан о необузданности этого юноши, но теперь, если ты говоришь правду, он перешел все пределы. Достаточно дурно было и то, что он, по слухам, охотился на королевских оленей в Вулмерском лесу, а также проломил голову разносчику Хоббсу, который неделю пролежал между жизнью и смертью у нас в лазарете, и спасло его только искусство брата Питера, лечащего травмами. Но пустить щук в монастырский садок... что могло толкнуть его на столь дьявольское дело?

– Он же ненавидит Уэверлийское аббатство, святой отец, за то, что мы, дескать, завладели землями его родителя.

– Но ведь сие отчасти правда.

– Святой отец! Мы владеем только тем, что нам принадлежит по закону.

– Справедливо, брат Сэмюэл, однако, говоря между нами, бывает, что более тяжелый кошелек перевешивает чашу весов правосудия. Когда я проезжал мимо старого дома и видел старуху с морщинистым лицом, чьи злобные глаза шлют мне проклятия, которые произнести вслух она не смеет, то не раз желал, чтобы у нас были другие соседи.

– Желание твое, святой отец, мы скоро исполним. Об этом я как раз и собирался доложить тебе. Нам, несомненно, не составит труда изгнать их из здешних мест. Над ними ведь висит неуплата щитовых денег за тридцать лет, а стряпчий Уилкинс по моему поручению составит такой перечень причитающихся с них платежей, что придется этим гордецам, чья нищета равна их высокомерию, продать крышу у себя над головой, лишь бы расплатиться. Не долее чем через три дня они будут у нас в руках.

– Они принадлежат к старинному и славному роду, брат Сэмюэл. Я не хотел бы обойтись с ними слишком сурово.

– Вспомни о щуках в рыбном садке!

Аббат вспомнил, и сердце его ожесточилось.

– Деяние поистине дьявольское – мы же только-только пустили туда новых форелей и карпов. Ну что же, закон есть закон, и, если ты сумеешь обратить его им во вред, нарушения его в том не будет. А уплаты от них уже потребовали?

– Дикон, управитель, вчера ходил в господский дом с двумя своими помощниками, и они еле унесли ноги. Бежали во всю прыть с воплями, а этот бешеный сорвиголова гнался за ними по пятам. Он ростом мал и на вид щуплый, но от ярости силы его удесятятся. Управитель клянется, что пойдет туда снова, только если с ним пошлют пяток лучников.

Услышав об этой новой дерзости, аббат побагровел от гнева:

– Я покажу ему, что служители церкви, хотя среди ее детей и нет никого смиренней и ниже нас, тех, кто следует заветам святого Бернарда, способны постоять за своих против дерзких насильников! Иди вызови этого человека в суд аббатства! Пусть явится в дом капитула после утренней молитвы.

Но осмотрительный ключарь покачал головой:

– Нет, святой отец, время еще не пришло. Прошу тебя, дай мне три дня, чтобы собрать все обвинения против него. Не забудь, что дед и отец этого непокорного сквайра в свое время слыли лучшими рыцарями на службе самого короля, были в большой чести у него и, снискав славу, пали, исполняя рыцарский долг. А леди Эрминтруда Лоринг была первой дамой при дворе матери нашего государя. Роджер Фиц-Алан, владелец Фарнема, и сэр Хью Уолкотт, комендант Гилфордского замка, оба были товарищами по оружию отца Найджела и состоят с ним в родстве по материнской линии. Уже шли разговоры, что мы обошлись с ними без милосердия. А потому мой совет – мудро выждать, пока чаша дурных его деяний не переполнится.

Аббат открыл было рот, чтобы ответить, но тут их беседу прервали неподобающе громкие восклицания монахов в галерее под окном. Возбужденные вопросы и ответы разносились по двору. Ключарь и аббат в изумлении уставились друг на друга, пораженные тем, что вышколенная ими братия позволяет себе подобное нарушение монастырской дисциплины и благопристойности. Но в ту же минуту на лестнице послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в нее вбежал белый как мел монах.

– Отче аббат! – возопил он. – Увы! Увы! Брат Джон убит, и святой помощник коадьютора убит, а на пятивиргатном поле бесчинствует дьявол!

Глава III

Златой конь из Круксбери

В те простодушные времена жизнь являла собой чудо и глубокую тайну. Человек ходил по земле в трепете и боязни, ибо совсем близко над его головой находились Небеса, а под его ногами совсем близко прятался Ад. И во всем ему виделась рука Божья – и в радуге, и в комете, и в громе, и в ветре. Ну а дьявол в открытую бесчинствовал на земле. В сумерках он устраивал засаду позади живой изгороди, он зычно хохотал в ночном мраке, он рвал когтями грешника на смертном одре, хватал некрещеного младенца и сводил судорогой члены эпилептика. Гнусный враг рода человеческого вечно таился за плечом человека, нашепывал ему черные помыслы, толкал на злодеяния, пока над головой у него, смертного, витал ангел-хранитель, указывая ему узкий и крутой путь добра. Да и как же было усомниться в истинности всего этого, коли сам Папа, священнослужители, ученые мудрецы и король на своем троне верили – и верили истово? И на всем белом свете не раздавалось ни единого возражения?

Каждая прочитанная книга, каждая увиденная картина, каждая история, рассказанная нянькой или матерью, – все учили тому же. А вера тех, кому доводилось ездить по свету, только укреплялась: повсюду им встречались храмы и часовни, где хранились те или иные реликвии того или иного святого, окруженные легендами о бесчисленных нескончаемых чудесах, доказательством которых служили груды костылей, оставленные там исцеленными, и серебряные вотивные сердечки, висящие вокруг. Куда бы человек ни обратил взгляд, он раз за разом убеждался, сколь тонка завеса, отделяющая его от ужасных обитателей невидимого мира, и сколь легко она рвется.

Вот почему слова перепуганного монаха показались тем, к кому были обращены, очень страшными и ничуть не смешными. Румяные щеки аббата даже побелели на миг, однако он взял со стола распятие и храбро поднялся на ноги.

– Веди меня к нему! – приказал он. – Покажи мне гнусное исчадие ада, посмевшееся наложить лапу на братьев благочестивой обители святого Бернарда. Беги к моему капеллану, брат! Пусть приведет с собой брата, сподобившегося изгонять бесов, и принесет реликварий, а также

хранящуюся в алтаре раку с костями святого Иакова. Они и наши смиренные сердца помогут нам возобладать над всеми силами тьмы.

Однако ключарь был наделен более скептическим умом. Он стиснул руку монаха повыше локтя с такой силой, что ее надолго украсили пять синяков.

– Разве входят в келию аббата, не постучав, не склонив головы или хотя бы не сказав «*Rax vobiscum*»?⁴ – грозно спросил он. – Не ты ли был самым кротким из наших послушников? В доме капитула не поднимал глаз, истово пел в хоре и ревностно соблюдал все правила устава. Так опомнись же и отвечай на мои вопросы без уверток. В каком обличии явился гнусный бес и как навлек погибель на наших братьев? Видел ли ты его собственными глазами или повторяешь услышанное от других? Говори же, или тотчас пойдешь и встанешь на скамью покаяния в доме капитула!

Эта речь несколько образумила напуганного монаха, хотя совсем белые губы, выпученные глаза и прерывистое дыхание свидетельствовали, какой страх он продолжает испытывать.

– С твоего разрешения, святой отец, и твоего, преподобный ключарь, случилось это так. Джеймс, помощник коадьютора, брат Джон и я после второй молитвы резали папоротник на холме Хэнкли для коровника. А когда возвращались в обитель через пятивиргатное поле, святой отец Джеймс начал было благочестиво рассказывать нам житие святого Григория, как вдруг раздался шум, словно бы бушующего потока, и гнусный бес перепрыгнул через высокую стену вокруг луга и кинулся к нам быстрее ветра. Брата-трудника он сбил с ног и втоптал в рыхлую землю. Потом ухватил зубами доброго отца Джеймса и помчался по полю, встряхивая его, точно узел старого тряпья. Пораженный таким зрелищем, я застыл на месте, прочитал «Верую» и три «Богородицы», но тут дьявол бросил отца Джеймса и ринулся на меня. С помощью святого Бернарда я перелез через стену, но он успел хватануть меня зубами за ногу и вырвать целую полосу из моего одеяния.

В подтверждение этого он повернулся и показал лохмотья, в которые превратился сзади его длинный балахон.

– Но в каком же обличии явился Сатана? – нетерпеливо спросил аббат.

– Огромного желтого, точно золото, коня, святой отец. Лютого жеребца с огненными глазами и зубами дракона.

– Желтого жеребца! – Ключарь свирепо уставился на злополучного монаха. – Ах ты, глупец! Случись и в самом деле князю тьмы предстать перед тобой, как же поведешь ты себя, коли испугался желтой лошади? Отче, это жеребец вольного хлебопашца Эйлварда, взятый нами за те пятьдесят полновесных шиллингов, которые он нам задолжал, а уплатить никак не может. Говорят, такого скакуна не найти нигде, опричь королевских конюшен. Отец у него испанский боевой конь, а мать – арабская кобыла тех же кровей, что и кони, которых Саладин держал только для себя и, по слухам, делил с ними свой шатер. Я забрал жеребца в уплату долга и велел работникам, которые привели его связанным, снять с него веревки на огороженном заливном лугу и оставить там одного, ибо слышал, что норов у него самый злобный и он уже не одного человека убил до смерти.

– Черным был день для Уэверли, когда ты задумал привести в его пределы такое чудовище, – молвил аббат. – Если помощник коадьютора и брат Джон и правда убиты, то конь этот пусть и не сам дьявол, но уж несомненно его орудие.

– Конь он или дьявол, святой отец, только я своими ушами слышал, что он вопил от радости, когда топтал брата Джона. А коли бы вы видели, как он тряс отца Джеймса, будто пес крысу, так, чаю, подумали бы то же, что и я.

– Так идемте же! – воскликнул аббат. – Посмотрим своими глазами, какое зло совершено.

---

⁴ Мир вам (*лат.*).

И все трое поспешили вниз по лестнице, которая вела в галерею.

Едва они спустились, как худшие их страхи развеялись: во двор как раз вошли в порванной одежде, с ног до головы перепачканные в земле оба предполагаемые покойника, окруженные и поддерживаемые сочувствующими братьями. Однако шум и вопли, доносившиеся снаружи, свидетельствовали, что там разыгрывается новая трагедия, и аббат с ключарем поспешили туда со всей быстротой, совместимой с их достоинством, и, пройдя ворота, приблизились к ограде и заглянули за нее. Их глазам представилось редкостное зрелище.

Там в сочной траве по бабки стоял великолепнейший конь – такой, о каком грезят ваятель и воин. Светло-рыжая масть, а грива и хвост отливают золотом. Рост – семнадцать ладоней в холке. Мощная грудь и крутой круп свидетельствовали о гигантской силе, однако изящные очертания выгнутой шеи, плеч и ног говорили о чистопородности. И как же он был красив в эту минуту, когда, широко расставив передние ноги и чуть присев на задние, гордо откинув голову, насторожив уши и вздыбив гриву, гневно раздувал красные ноздри и с надменной угрозой косил сверкающими глазами!

Шестеро монастырских прислужников и лесников, каждый держа наготове аркан, подкрадывались к нему со всех сторон. Внезапно могучий конь грациозно взвился в воздух и бросился на одного из людей, покушавшихся на его свободу. Шея вытягивалась, грива колы-

халась на ветру, зубы сверкали, и он преследовал вопящую жертву до самой ограды, остальные же быстро забегали сзади и пытались набросить арканы на голову и ноги, но тут же в свою очередь еле улепетывали.

Если бы два аркана затянулись одновременно и если бы людям удалось захлестнуть их концы за пень и большой камень, человеческий разум возобладали бы над быстротой и силой. Но те, кто воображал, будто одного аркана будет достаточно, особой ясностью разума похвастать не могли и только подвергали себя напрасной опасности.

И неизбежное случилось как раз в ту минуту, когда аббат и его спутники поглядели через ограду. Конь, загнав за нее очередного врага, задержался там, презрительно фыркая, и остальные сумели подобраться к нему сзади. Арканы взвились в воздух, одна петля опоясала гордую холку и утонула в пышной гриве. Во мгновение ока взбешенный жеребец обернулся, и люди опрометью бросились врассыпную. Но лесник, столь удачно набросивший аркан, замешкался, не зная, как воспользоваться своим неожиданным успехом. Это промедление оказалось роковым. Раздался отчаянный вопль – гигантский жеребец взвился над беднягой, и тут же передние копыта опустили и опрокинули его наземь. Он вскочил, был снова опрокинут и остался лежать, дрожа, весь окровавленный, а разъяренный жеребец, в минуты бешенства самый свирепый и страшный зверь на свете, схватил зубами, встряхнул и бросил себе под копыта извивающееся тело.

Рты увенчанных тонзурой голов над оградой раскрылись было в стенании, полном ужаса, но оно тут же оборвалось, а затем наступившую на миг мертвую тишину прервали крики радости и благодарности.

По дороге, ведущей к сумрачному господскому дому на склоне холма, трусил на тощей мохнатой лошадке молодой человек в выцветшей и заплатанной лиловой тунике, перехваченной старым кожаным поясом. Но вопреки столь убогой одежде и не менее убогой лошади в осанке юноши, в посадке его головы, в непринужденном изяществе движений и смелом взгляде больших глаз было столько благородства и рыцарственности, что он не потерялся бы и в самом знатном собрании. Невысокая худощавая его фигура была на редкость хорошо сложена, а лицо, хотя загорелое и обветренное, отличалось тонкостью черт, выразительностью и живостью. Из-под темной шапочки выбивались густые золотистые кудри, а золотистая бородка скрывала очертания сильного волевого подбородка. Единственным его украшением было перо скопы, приколотое золотой брошью к шапочке. Но в памяти наблюдателя остались бы не это перо, не короткий плащ, охотничий нож в кожаных ножнах, перевязь с медным рогом или сапоги из мягкой оленьей кожи с простыми шпорами, но обрамленное золотом загорелое лицо и пляшущие огоньки в быстрых, беззаботных, смеющихся глазах.

Таков был молодой человек, который, весело пощелкивая хлыстом, трусил в сопровождении полдюжины собак на невзрачной лошаденке по Тилфордской дороге, а потом остановился и с насмешливо-презрительной улыбкой начал следить за разыгравшейся на поле комедией и неуклюжими попытками слуг аббатства совладать с золотым конем.

Однако едва комедия обернулась черной трагедией, юноша из безучастного зрителя превратился в ее участника. Он соскочил с лошади, одним прыжком перелетел через ограду и стремительно побежал через поле. Оторвавшись от своей жертвы, золотистый жеребец поглядел на нового врага и, отшвырнув задними копытами распростертое, еще шевелящееся тело, кинулся на незваного пришельца.

Но против его ожидания тот не обратился в бегство, и пуститься в веселую погоню за ним не удалось. Человек выпрямился, поднял хлыст и встретил жеребца сокрушающим ударом железной рукоятки по лбу. Снова наскок и снова удар. Тщетно жеребец взвился на дыбы в попытке опрокинуть противника грудью и добить копытами. Человек был начеку и с полным хладнокровием быстро отпрыгнул в сторону от рушащейся на него смерти. Вновь раздался

свист тяжелой рукоятки в воздухе и тяжелый стук, когда она опустилась точно на лоб коня. Тот попятился, с недоумением и яростью осмотрел этого неуязвимого человека, а потом описал круг, вздыбив гриву, насторожив уши, взмахивая хвостом и фыркая от боли и злости. Человек, едва удостоив взглядом опасного противника, подошел к поверженному леснику, подхватил его на руки с силой, неожиданной для его невысокой тонкой фигуры, и отнес к ограде, где десятки торопливо протянутых рук уже приготовились принять постанывающую ношу. Затем, не торопясь, молодой человек перебрался через ограду, с холодным пренебрежением улыбнувшись золотистому коню, который вновь в бешенстве устремился к нему.

Когда он спрыгнул на землю, монахи столпились вокруг него, благодаря и восхищаясь. Но он угрюмо повернулся и молча ушел бы, если бы аббат его не остановил.

– Нет, нет, сквайр Лоринг! – сказал он. – Пусть ты и недруг нашему монастырю, но нынче ты поступил, как подобает доброму христианину, и мы готовы признать, что наш слуга, если дух не покинул его тело, обязан этому, помимо нашего небесного патрона святого Бернарда, еще и тебе.

– Клянусь святым Павлом! Я не желаю вам добра, аббат Джон, – сказал молодой сквайр. – Тень вашего аббатства не сулит дому Лорингов ничего хорошего. А за сегодняшний пустяк я не прошу благодарности. Сделал я то, что сделал, не ради тебя или твоего монастыря, а потому лишь, что так мне было угодно.

Аббат побагровел от этих дерзких слов и гневно закусил губу. За него ответил ключарь.

– Было бы пристойнее и учтивее, – сказал он, – если бы ты обращался к святому отцу аббату с тем почтительным смирением, какого требует высокий сан князя церкви.

Юноша обратил смелый взор на монаха, и лицо его потемнело от гнева.

– Если бы не твое одеяние и не твои побелевшие волосы, я бы ответил тебе по-иному, – сказал он. – Ведь ты тот тощий волк, который неумолчно рычит у нашего порога, зарясь на еще оставшиеся нам крохи. Со мной говори и делай что хочешь, но, клянусь святым Павлом, если ваша ненасытная стая посмеет напасть на благородную даму Эрминтруду, я вот этим хлыстом прогоню их с того клочка, который еще остался нам от земель моего отца!

– Берегись, Найджел Лоринг! Берегись! – вскричал аббат, поднимая палец. – Или закон Англии тебя не страшит?

– Справедливого закона я страшусь и повинуюсь ему.

– Или ты не считаешь Святой Церкви?

– Почитаю все, что есть в ней святого. Но не почитаю тех, кто притесняет бедняков или крадет соседскую землю.

– Дерзновенный! Отлучение от нее карало многих и многих за куда меньшее, чем то, что ты наговорил сейчас. Но нынче нам не подобает судить тебя слишком строго. Ты молод, горяч, и необдуманные слова легко срываются с твоих уст. Как там лесник?

– Раны его тяжки, отче аббат, но он останется жив, – ответил монах, который склонился над неподвижным телом. – С помощью кровопусканий и снадобий на меду я поставлю его на ноги через месяц.

– Так отнесите его в лазарет. А теперь, как нам поступить с этим необузданным зверем, который все еще косится и фыркает на нас вон там за оградой, точно мыслит о Святой Церкви столь же непочтительно, как и сквайр Найджел?

– Вот же Эйлвард, – сказал кто-то из монахов. – Конь принадлежал ему, и, без сомнения, он заберет его назад к себе на ферму.

Но дородный краснолицый крестьянин покачал головой.

– Ну уж нет! – сказал он. – Этот живодер дважды гонялся за мной по выгону и чуть было не вышиб дух из моего парня. Сэмкин знай твердил, что не видать ему счастья, пока он не

поскачет на нем. Вот до сих пор он счастья и не видит. Из моих работников никто носа не смел сунуть в его стойло. Черным был тот день, когда я взял его из конюшен Гилфордского замка, где они не могли с ним сладить и ни один конюх не посмел его оседлать! Ключарь забрал его за пятьдесят шиллингов долга по собственной воле, так пусть и будет по его, а назад я тварь эту ни за какие коврижки не возьму!

– Здесь он тоже не останется, – объявил аббат. – Брат ключарь, раз ты вызвал дьявола, то тебе и изгнать его отсюда.

– С большой охотой! – воскликнул ключарь. – Брат казначей пусть вычтет пятьдесят шиллингов из положенных мне еженедельных сумм, дабы аббатство не понесло ущерба. А пока, вижу, здесь Уот со своим арбалетом и стрелой за поясом. Так пусть же он прикончит проклятого коня, чья шкура вместе с копытами принесут больше пользы, чем это исчадие зла, пока оно живо.

Старый охотник с темным морщинистым лицом, чьей обязанностью было истреблять вредных зверьков в лесах аббатства, выступил вперед с довольным видом. Многие годы он стрелял ласок да лисиц и вот теперь мог показать свое искусство на куда более благородном животном. Заложив стрелу в желоб уже взведенного арбалета, он прижал оружие к плечу и прицелился в гордую гневную голову по ту сторону ограды, непокорно вздергивающуюся и разметывающую гриву. Его палец согнулся, чтобы отпустить тетиву, но тут удар хлыста подбросил арбалет вверх, и стрела пронеслась над яблонями аббатства, никому не причинив вреда, а Уот боязливо попятился, встретив гневный взгляд Найджела Лоринга.

– Береги свои стрелы для хорьков! – воскликнул юноша. – Неужто ты отнимешь жизнь у вольного создателя, виновного лишь в том, что никому еще не удалось сладить с его непокорным духом? И ты убьешь коня, который достоин ходить под седлом самого короля, и все потому, что у мужика, монаха и монастырского работника не хватает ни ума, ни умения справиться с ним?

Ключарь быстро повернулся к сквайру.

– Как ни грубы твои слова, аббатство обязано отблагодарить тебя за нынешний твой поступок, – сказал он. – Коли ты так расхваливаешь сего коня, уж наверное тебе хочется стать его хозяином. Раз я уплачу за него, то, с разрешения святого аббата, могу им распорядиться и дарю его тебе без всяких условий.

Аббат дернул его за рукав.

– Подумай, брат ключарь, – шепнул он, – не падет ли кровь этого человека на наши головы?

– Его гордыня столь же упряма, как у этого коня, святой отец, – ответил ключарь, и его изможденное лицо перекошилось в злорадной усмешке. – Кто-то из них будет сломлен, и мир от него избавится. Но если ты не дозволяешь...

– Нет, брат ключарь, коня этого ты купил и можешь распорядиться им, как пожелаешь.

– Тогда я отдаю его – шкуру и копыта, хвост и норов – Найджелу Лорингу, и пусть он будет так же кроток и покорен с ним, как сам он – с настоятелем аббатства Уэверли!

Ключарь повысил голос под смехи монахов, но тот, к кому была обращена эта речь, вряд ли его услышал. При первых тех словах, показавших ему, какой оборот принимает дело, он быстро побежал к своей лошадке, снял с нее крепкую уздечку с мундштуком и, оставив ее мирно щипать траву у дороги, торопливо вернулся.

– Я принимаю твой подарок, монах, – сказал он, – хотя и знаю, почему ты решил мне его сделать. Все же я тебя благодарю, потому что были у меня два заветных желания, только мой тощий кошелек не сулил надежды, что они когда-нибудь сбудутся. И одно из них – владеть благородным конем, таким конем, на какого не зазорно сесть сыну моего отца. И этого коня я выбрал бы из всех остальных, потому что покорить его – славное и почетное дело. А как он зовется?

– Зовется он Бурелет, – ответил вольный хлебопашец. – Только, благородный сэр, да будет тебе ведомо, объездить его никому не дано. Многие пробовали, и счастлив тот, кто отделался одним сломанным ребром.

– Благодарю тебя за предостережение, – сказал Найджел. – Теперь я вижу, что это и вправду конь, за каким я отправился бы в дальний путь. Я твой человек, Бурелет, а ты – моя лошадь, и сегодня к вечеру ты это признаешь, или больше мне лошадь никогда не потребуется. Мой дух против твоего, да подкрепит Господь его, чтобы труднее было взять над тобой верх и принесло бы это больше чести!

К тому времени, когда молодой сквайр договорил, он уже забрался на ограду и встал на ней, в одной руке сжимая уздечку, в другой хлыст. Он казался воплощением изящества и пылкого мужества. С яростным фырканием конь ринулся к нему, скаля сверкающие белые зубы, но вновь удар тяжелой рукоятки заставил его отпрянуть, и в этот миг, хладнокровно измерив расстояние, Найджел изогнулся, ловкая фигура мелькнула в воздухе, и сильные колени сжали крутые золотистые бока. Но без седла и стремян удержаться на широкой спине оказалось не так-то просто: конь вставал на дыбы, бил задом, и минуту победа вот-вот могла остаться за ним. Однако ноги всадника были словно две стальные полосы, приклепанные к дугам конских ребер, его левая рука, погруженная в песочно-рыжую гриву, ни на мгновение не расслабила хватки.

Никогда еще однообразное существование смиренной монастырской братии не нарушалось столь диким зрелищем. Золотистый конь прыгал вправо, пригибался к земле влево, опускал оскаленную морду между передними ногами, метя траву спутанной гривой, и тотчас взмывал высоко в воздух в стремительном прыжке – багряные ноздри свирепо раздувались, глаза горели бешенством. Он был прекрасен, только красота эта внушала ужас. Но вопреки всем усилиям железных мышц, послушных яростному духу могучего коня, ловкий всадник на его спине сохранял свое преимущество: гибкая фигура клонилась, как тростник на ветру, следуя движениям коня, но колени ее так же сжимали вздымающиеся бока, лицо сохраняло неумолимое спокойствие, а глаза блестели радостным упоением борьбы.

Внезапно из уст монахов вырвался протяжный горестный вопль: в последнем безумном усилии конь поднялся на дыбы, откидываясь все выше, выше, пока не упал на спину, подмяная под себя всадника. Но тот с молниеносной быстротой выскользнул из-под него еще в падении, ударил его каблуком, когда он покатился по земле, а едва он начал подниматься на ноги, ухватился за гриву и легким прыжком вновь взлетел ему на спину. Даже угрюмый ключарь присоединился к одобрительным возгласам, когда Бурелет, ошеломленный тем, что всадник по-прежнему сидит на нем, понесся по лугу, выделявая курбеты и вскидывая задом.

Впрочем, дикий конь только еще больше разъярился. Злоба, переполнившая непокорное сердце, вылилась в свирепое решение уничтожить этого вцепившегося в него человека, пусть даже ценой собственной гибели. Он повел вокруг налитыми кровью сверкающими глазами, ища средства, чтобы осуществить свой отчаянный замысел. С трех сторон луг опоясывала каменная ограда с единственными тяжелыми деревянными воротами, но четвертая сторона примыкала к глухой серой стене длинного амбара. Конь стремительным галопом понесся к ней, чтобы выполнить свое намерение и рухнуть бездыханным рядом с ней, раздавив в кровавую лепешку человека, вознамерившегося стать господином того, кто не признавал над собой ничьей власти.

Мощные ноги подбирались и выпрямлялись в прыжке, торопливые копыта гремели по дерну, и конь все быстрее приближался к роковой стене. Спрыгнет ли Найджел? Это значило бы уступить воле коня. Но у него оставался еще один выход. Быстро, хладнокровно, уверенно юноша переложил уздечку и хлыст в левую руку, все еще вцепляющуюся в гриву. Затем правой рукой он сдернул с плеч короткий плащ и, вытянувшись вдоль спины, на которой волнами вздувались и опадали сильные мышцы, набросил его на морду коня.

Маневр этот оказался настолько успешным, что всадник чуть было не слетел на землю. Когда красные, жаждущие смерти глаза вдруг погрузились во мрак, конь в растерянности остановился так резко, что Найджел съехал ему на шею и еле удержался, главным образом благодаря тому, что его пальцы совсем запутались в гриве. Но опасность миновала еще до того, как он принял прежнюю позу. Конь, ошеломленный непонятностью случившегося, забыл о своем намерении, вновь круто повернул, дрожа всем телом и обиженно вскидывая голову, пока наконец плащ не соскользнул с его морды и пугающая тьма не сменилась привычным солнечным светом, озаряющим траву.

Но какому еще позору его тем временем подвергли? Что это за мерзкая железка распирает ему рот? Что за ремни трутся по изгибающейся шее? Что за кожаная полоса легла на лоб? За те секунды, пока конь стоял, стараясь избавиться от плаща, Найджел наклонился вперед, вставил мундштук между клацающими зубами и накиннул на голову уздечку.

Слепая безграничная ярость вновь переполнила сердце золотистого коня при этом новом унижении, несущем с собой рабство и бесславие. Вновь разыграл в нем грозный дух непокорности и вольнолюбия. Как он ненавидел и это место, и этих людей – все и вся, что покушалось на его свободу! Он покончит с ними раз и навсегда! Больше они его не увидят! Он умчится на край земли, на великие просторы, где его ждет свобода! Куда угодно за далекий горизонт, лишь бы избавиться от омерзительного мундштука и нестерпимой власти человека!

Он молниеносно повернулся и великолепным прыжком с легкостью оленя перелетел через деревянные ворота высотой в человеческий рост. Найджел приподнялся, следуя движению взвившегося в воздух коня, шапочка сорвалась с его головы, и золотые кудри разметались. Впереди на пойменном лугу заблестел ручей, впадавший неподалеку в реку Уэй. Ширина его была тут не менее десяти шагов. Золотистый конь подобрал задние ноги и пронесся над потоком, как стрела. Он оттолкнулся от земли перед валуном, а на том берегу коснулся земли за кустом дрока. Два камня все еще отмечают длину этого прыжка от отпечатка копыт до отпечатка копыт, и расстояние между ними равно добрым двенадцати шагам. Могучий конь промчался под низким суком большого дуба на том берегу (этот *Quercus Tilfordiensis*⁵ все еще называют любопытствующим путешественникам как межевой знак ближних угодий аббатства). Он надеялся сбить всадника со своей спины, но Найджел распластался на ней, уткнувшись лицом в развевающуюся гриву. Грубая кора больно его царапнула, но он даже не вздрогнул и не ослабил хватки. Вскидывая то передние, то задние ноги, выделявая курбеты, Бурелет промчался по молоденькой роще и вырвался на простор длинного склона Хэнкли.

И началась скачка, память о которой еще живет в местных легендах и в припеве старинной непритязательной суррейской баллады, который только от нее и сохранился:

Скажи скорей, кто всех быстрее?
Сапсан в небесной вышине,
Олень, бегущий по холмам,
Иль Найджел на златом коне.

Перед ними простирался океан темного вереска, катящий волны к четко вырисовывавшейся вершине холма. Над ними изгибался чистый небосвод, а солнце уже склонялось к Гемпширской гряде. По вереску, щекотавшему ему брюхо, по овражкам, через ручьи, вверх по крутым откосам несся Бурелет, и сердце у него грозило вот-вот разорваться от бешенства, а все фибры тела трепетали от невыносимого унижения.

Но что бы он ни делал, человек продолжал крепко сжимать коленями его вздымающиеся бока, а пальцами – гриву, безмолвный, застывший, неумолимый, ни в чем ему не препятству-

---

⁵ Тилфордский дуб (*лат.*).

ющий, но неколебимый, как судьба. Все вперед и вперед мчался могучий золотистый конь – через холм Хэнкли, по Терслейскому болоту, где камыш хлестал его по забрызганной грязью холке, вверх по длинному склону Хедленд-Хиндса, вниз по Наткомбскому оврагу, скользя, спотыкаясь, но не замедляя безумного галопа.

Обитатели деревушки Шоттермилл услышали громовой топот копыт, но не успели откинуть бычьи шкуры, закрывавшие вход в их лачуги, как конь и всадник уже скрылись среди высокого папоротника Холсмирской долины. А конь все мчался и мчался, оставляя позади милю за милей. Никакая трясина не могла его остановить, никакой холм не мог заставить его свернуть в сторону. Вверх по крутизне Линчмира и вниз по длинному спуску Фернхерста стучали его летящие копыта, словно по плоской равнине, и только когда он оставил позади склон Хэнли и впереди над рощей поднялись серые башни замка Мидхерст, гордо вытянутая шея чуть поникла, а дыхание участилось. И куда бы он ни обращал взгляд – на леса и на холмы, – нигде его усталые глаза не видели заветного царства свободных степей, к которым он стремился.

И вдруг еще одно унижение! Как будто этому человеку мало прилипнуть к его спине, он теперь позволил себе совсем уж немислимое: принудил его – его! – замедлить бег и направить туда, куда вздумалось ему. Что-то врезалось в уголки его рта, что-то повернуло его голову вновь на север. А впрочем, на север так на север, только человек, видно, совсем лишился рассудка, если думает, что такой конь, как он, Бурелет, сломлен духом или телом! Нет, он скоро покажет ему, что остался непобежденным, пусть порвутся у него сухожилия или разорвется сердце. И он помчался назад вверх по длинному, длинному склону. Да будет ли конец этой крутизне? Но благородный скакун не хотел признать, что у него уже не остается сил бежать дальше, – ведь человек по-прежнему цеплялся за его спину. Крутые бока были все в хлопьях пены, к ним прилипли комья глины. Глаза еще больше налились кровью, из открытого рта с хрипом вырывалось дыхание, ноздри раздулись, от шерсти шел пар, пропитанный запахом пота. Он промчался вниз по длинному склону холма Санди, но болото Кингсли у подножия показалось ему непреодолимым. Нет, это уже слишком! Тяжело вытаскивая из вязкой трясины облепленные черной грязью копыта, он среди камышей с судорожным вздохом сменил бешеный карьер на рысь.

О, верх позора! Неужели нет предела этим унижениям? Ему даже не позволяют самому избрать аллюр! Он столько времени несся галопом по собственной воле, но теперь должен был опять перейти на галоп, подчинившись чужой. В его бока впились шпоры. Жалящий хлыст опустился на его плечи. От боли и стыда он подпрыгнул на высоту собственного роста. Затем, забыв про усталость, забыв, как тяжело вздымаются его потемневшие от пота бока, забыв все, кроме невыносимого оскорбления и жгучего гнева, он вновь помчался бешеным карьером. Теперь перед ним опять были вересковые склоны, и несся он к Уэйдаун-Коммон. Он летел вперед и вперед, и вновь у него потемнело в глазах, вновь его ноги начали подгибаться, вновь он попробовал сменить аллюр, но жестокие шпоры и жалящий хлыст гнали его дальше. Он ослеп от усталости и готов был вот-вот упасть.

Он уже не видел, куда ступают его копыта, ему было все равно, в какую сторону бежать. Им владело только одно всепоглощающее желание – ускользнуть от этого ужаса, этой пытки, от того, кто завладел им и не отпускал. Он миновал деревню Терсли, сердце в груди у него разрывалось, глаза остекленели от муки, однако, все так же уступая шпорам и хлысту, он поднялся на гребень Терсли, но тут дух его угас, могучие силы истощились, и со страдальческим стоном золотистый конь рухнул среди вереска. Столь внезапно он упал, что Найджел перелетел через его плечо, и, пока красный солнечный диск закатывался за вершину Бустера, человек и лошадь лежали бок о бок, лоя ртом воздух, а в лиловом небе уже заблестели первые звезды.

Первым пришел в себя молодой сквайр. Встав на колени рядом с тяжело дышащим, измученным скакуном, он ласково провел ладонью по спутанной гриве и взмыленной морде. Налитый кровью глаз скопился на него, но с удивлением, а не с ненавистью, с мольбой, а не с угрозой. Он продолжал поглаживать мокрую шерсть, и конь с негромким ржанием ткнул носом

ему в ладонь. Этого было достаточно. Поединок кончился, и благородный противник принял условия благородного победителя.

– Ты мой конь, Бурелет, – прошептал Найджел, прижимаясь щекой к изогнутой шее. – Я узнал тебя, Бурелет, ты узнал меня, и с помощью святого Павла мы заставим многих других узнать нас. А теперь пойдём-ка вон к тому озерку. Ведь трудно сказать, кому сейчас вода нужнее, тебе или мне.

Вот так-то припоздавшие монахи Уэверли, возвращаясь в монастырь с дальнего поля, и узрели странное зрелище, столь их поразившее, что рассказ о нем в тот же вечер достиг ушей и аббата и ключаря. Проходя через деревню Тилфорд, они увидели, что по дороге к господскому дому идут бок о бок, голова к голове человек и лошадь. А когда они подняли фонари и посветили на них, то узнали молодого сквайра, который вел, как пастух ведет ягненка, страшного золотого коня из Круксбери.

Глава IV

Как в тилфордский господский дом явился стряпчий

Ко времени этой хроники суровая простота старых нормандских замков отошла в прошлое, и новые обиталища знати, хотя и не выглядели столь внушительно, были куда более удобными и комфортабельными. Строили их теперь для мирной жизни, а не для войны. Сравнение варварской угрюмости Певенси или Гилфорда с величественной изысканностью Бодмина или Виндзора дает наглядное представление о перемене нравов, воплощенной в них.

У первых замков было строгое назначение – они помогали завоевателям держать в повиновении завоеванную страну. Но когда нормандская знать утвердилась прочно, нужда в замках-крепостях отпала, за исключением тех случаев, когда владелец укрывался там от правосудия или в дни смут. У пределов Уэльса, или Шотландии, замок оставался стражем границ королевства, там они строились и укреплялись. Но во всех других местах замки таили угрозу для королевского могущества, а потому сравнивались с землей, новые же не возводились. И к тому времени, когда на престол взошел Эдуард III, большую часть старинных замков-крепостей перестроили так, чтобы в них было удобно жить, или же они были разрушены в годы междоусобиц, и серые их остовы все еще можно видеть на вершинах многих наших холмов. На смену им пришли либо дворцы вельмож, приспособленные к обороне, но рассчитанные главным образом на спокойную жизнь в роскоши, либо помещичьи дома, не обладавшие никаким военным значением.

Таким был и тилфордский господский дом, где леди Эрминтруда и Найджел, последние в древнем и славном роду Лорингов, отдавали все свои силы на то, чтобы поддерживать родовое достоинство и оберегать остатки своего надела от покушений монахов и законников. Дом был двухэтажный, с каркасом из толстых бревен и стенами из нетесаных камней. К опочивальням на втором этаже вела наружная лестница. Первый состоял всего из двух помещений – светлицы дряхлой леди Эрминтруды и обширной залы, служившей и гостиной и столовой, где трапезу разделяли с господами их слуги и челядь. Жилища этих последних, кухни, конюшни и другие службы располагались в постройках позади дома. Там обитали паж Чарлз, старый сокольник Питер, Рыжий Свайр, который сопровождал деда Найджела в войнах с шотландцами, Уэтеркот, состарившийся менестрель, повар Джон и другие слуги, оставшиеся со времен преуспевания и льнувшие к старому дому, точно ракушки к днищу разбитого и выброшенного на риф судна.

Как-то вечером, через неделю после скачки Найджела на золотистом коне, он и его бабушка сидели в этой зале по сторонам большого пустого очага. Ужин кончился, столы на козлах, за которыми ели, были убраны, и зала выглядела голой и унылой. Каменный пол устилали стебли камыша, уложенные в несколько слоев, – их каждую неделю выметали вместе со всем недельным мусором и заменяли свежими. Несколько собак, разлегшись на камыше, обгладывали и разгрызали кости, сброшенные со столов. У одной из стен стоял длинный деревянный буфет с оловянной и глиняной посудой, остальная обстановка залы исчерпывалась скамьями у стен, двумя плетеными стульями, столиком, уставленным шахматными фигурами, и железным сундуком. В одном углу на высокой плетеной подставке величаво восседали два сокола, застыв без движения, – только их желтые гордые глаза иногда поблескивали.

Но если обстановка залы показалась бы скудной тому, кто вдруг заглянул бы в нее из другого, не столь спартанского века, посмотрев вверх, он был бы поражен множеством предметов у себя над головой. Над очагом красовались гербы благородных домов, связанных с Лорингами кровным родством или через брак. Две плоские со смолой, плававшие по их сторонам, отбрасывали блики на лазурного льва семейства Перси, на красных птиц де Валенса, на черный крест де Мохунов, на серебряную звезду де Виров и алые пояса Фиц-Аланов. Все эти гербы были сгруппированы вокруг знаменитых пяти красных роз на серебряном поле – гербе, который Лоринги покрыли славой во многих кровавых сечах. А с тяжелых дубовых балок, пересекавших потолок, свисало много всякой всячины: кольчатые доспехи старинного фасона, щиты, два-три заржавевших, сильно помятых шлема, луки без тетивы, копья, остроги для охоты на выдр, лошадиная сбруя, удочки и разные другие принадлежности для войны или охоты. А выше них в черных теньях под самым потолком можно было различить ряды окороков, куски грудинки, засоленных гусей и прочие мясные запасы, приготовление которых играло столь большую роль в средневековом домоводстве.

Благородная дама Эрминтруда Лоринг, дочь, жена и мать воинов, обладала достойной их внушительностью. Высокая, худая, с суровым, словно вырезанным из дерева, лицом и бес-

пощадными черными глазами, она внушала почтительную боязнь всем, кто ее окружал, пусть голову ее и убелили седины, а спину согнула тяжесть прожитых лет. В мыслях и воспоминаниях она уносилась в более жестокие времена, и Англия, которую она видела теперь, казалась ей изнеженной, павшей страной, забывшей законы рыцарской учтивости и доблести.

Власть, которую начинал обретать народ, растущие богатства церкви, все большее вторжение роскоши в образ жизни благородных (и не только благородных) сословий и некоторое смягчение нравов равно возбуждали в ней глубочайшее отвращение, а потому ее суровое лицо, не говоря уж о тяжелой дубовой клюке, опираться на которую ее вынудила старость, наводили страх на всю округу.

Однако ее не только боялись, но и уважали – ведь в дни, когда книг было мало, а умевших читать немногим больше, память, хранившая события долгих десятилетий, и умение поведать о них ценились очень высоко. От кого, как не от леди Эрминтруды, могли услышать юные неграмотные отпрыски благородных родов Суррея и Гемпшира о жизни и подвигах своих дедов, о битвах, в которых они сражались? Узнать законы геральдики и рыцарственности, изученные ею в более грубый, но и более воинственный век? Как ни была она бедна, к кому, как не к леди Эрминтуде Лоринг, охотнее всего обращались за советом в запутанных вопросах о праве старшинства или правилах поведения?

Теперь она, сгорбившись, сидела возле пустого очага, глядя через него на Найджела, и жесткие черты ее лица смягчались любовью и гордостью. Молодой сквайр, тихонько насвистывая, умело вырезал птичьи стрелы для своего арбалета. Но вот он оторвался от этого занятия и, встретив устремленный на него взгляд темных глаз, наклонился через очаг, чтобы ласково погладить костлявую руку.

– Что тебя радует, милая бабушка? Я по твоим глазам вижу, что ты довольна.

– Нынче, Найджел, я узнала, как ты приобрел боевого коня, который бьет копытами в нашей конюшне.

– Как так, бабушка? Я ведь говорил тебе, что его мне подарили монахи.

– Говорил, милый внук, и ни слова больше не прибавил. Но думается мне, конь, которого ты привел сюда, совсем не похож на того, которого они тебе подарили. Почему ты не рассказал, как все было?

– Говорить о таком, по-моему, стыдно.

– Так бы ответил и твой отец. И его отец. Они хранили молчание на пиру, когда чаши ходили вкруговую, и слушали, как другие рыцари рассказывали о своих подвигах. Но если кто-то говорил громче остальных и словно бы искал, чтобы ему воздали хвалу, твой отец, когда пирующие вставали из-за стола, тихо дергал его за рукав и осведомлялся шепотом, не может ли он помочь ему в выполнении какого-нибудь обета? Или же не снизойдет ли он помериться с ним силой в поединке? Если человек этот оказывался хвастуном и прикусывал язык, твой отец никому ни словом об этом не упоминал. Если же он вел себя достойно, твой отец всюду его восхвалял, но о себе не говорил ничего.

Найджел смотрел на старуху сияющими глазами.

– Я так люблю, когда ты говоришь о нем, – сказал он. – Прошу тебя, расскажи снова, как он погиб.

– Погиб он, как и жил, учтивейшим рыцарем. У побережья Нормандии разыгралось морское сражение, и твой отец командовал воинами на корме корабля самого короля. А за год до этого французы захватили большой английский корабль. Они тогда подошли к нашим берегам, заперли проливы и сожгли город Саутгемптон. Назывался тот корабль «Христофор», и они поставили его впереди своего флота. Да только англичане подошли вплотную к нему, перебрались на него и перебили там всех. А твой отец и мессир Лоредан из Генуи схватились на высокой корме, и все люди на соседних кораблях следили за их поединком. Сам король не удержался от громких восклицаний. Ведь мессир Лоредан был прославленный боец и в этот

день сражался доблестно, и многие рыцари завидовали твоему отцу, встретившему столь именитого противника. Твой отец заставил его отступить и нанес ему такой удар булавой, что шлем у него на голове повернулся прорезями на затылок. Ослепнув, мессир Лоредан бросил меч и сдался для выкупа. Но твой отец ухватил его шлем и повернул его прорезями вперед. Едва мессир Лоредан вновь начал видеть, твой отец поднял его меч, отдал ему и пригласил отдохнуть немного, а потом продолжить поединок, ибо и полезно и радостно смотреть, как благородный воин бьется столь умело и мужественно. И они сели рядом отдохнуть у борта. Но когда они вновь взяли за оружие, в твоего отца попал камень, пущенный из мангонеля. Вот так он погиб.

– А мессир Лоредан? – воскликнул Найджел. – Он ведь тоже погиб?

– Увы! Его сразили лучники. Они любили твоего отца, а на такие вещи простолюдины смотрят иными глазами, чем мы.

– Жаль! – сказал Найджел. – Он ведь был достойным рыцарем и бился храбро.

– В дни моей молодости ни один простолюдин не посмел бы прикоснуться грязными руками к такому человеку. Воины с благородной кровью в жилах, одетые в доспехи, сражались друг с другом, а простые – копейщики или лучники – могли драться между собой. Однако нынче все стали на один покров и лишь изредка кто-то вроде тебя, милый внук, приводит мне на память былых мужчин.

Найджел наклонился и взял ее руки в свои.

– Я такой, каким сделала меня ты, – сказал он.

– Это правда, Найджел. Да, я растила тебя, как садовник растит самый драгоценный свой цветок, ибо ты единственная надежда нашего древнего рода, а скоро, очень скоро ты останешься совсем один.

– Нет, милая бабушка, не говори так.

– Я стара, Найджел, и чувствую, как тьма сгущается вокруг меня. Сердце мое стремится покинуть нашу юдоль, как ее уже покинули все, кого я знала и любила. А ты... для тебя этот день будет светлым, ведь я не отпускала тебя в широкий мир, куда стремится твой доблестный дух.

– Нет, нет! Я счастлив с тобой тут, в Тилфорде.

– Мы очень бедны, Найджел. Не знаю, где мы найдем денег снарядить тебя на войну. Правда, у нас есть добрые друзья. Вот сэр Джон Чандос, покрывший себя славой во французских войнах, заслуживший честь ездить по правую руку короля. Он был другом твоего отца, когда оба они еще не были посвящены в рыцари. Если я отправлю тебя ко двору с письмом к нему, он поможет тебе.

Красивое лицо Найджела вспыхнуло.

– Нет, благородная леди Эрминтруда! Снаряжение я должен добыть для себя сам, как уже добыл коня. Уж лучше я поскачу на битву в этой тунике, чем буду обязан доспехами кому-то другому.

– Я боялась, что твой ответ будет таким, Найджел. Однако я, право, не знаю, как еще нам найти деньги, – печально сказала старуха. – В дни моего отца все было иным. Помню, доспехи тогда никого не заботили, их ведь делали во всех английских городах. Но год за годом люди все больше и больше пеклись о благополучии своего тела, и появлялись то какие-нибудь хитрые сочленения, то особый нагрудник, да чтобы изготовлены они были непременно в Милане или в Толедо, и теперь рыцарю, чтобы облечься в металл, надобно прежде иметь его побольше в кошеле.

Найджел жаждуще взглянул на старинные доспехи и оружие, развешанные на балках у него над головой.

– Ясеновое копьё ещё крепко, – заметил он. – Как и дубовый щит, окованный железом. Сэр Роджер Фиц-Алан осмотрел их и сказал, что лучших ему видеть не доводилось. Но вот латы...

Леди Эрминтруда покачала седой головой и засмеялась.

– Ты унаследовал великую душу своего отца, Найджел, но не его рост и могучие плечи. Во всем королевском войске не было рыцаря выше и сильнее его. Его доспехи тебе не пригодятся. Нет, милый внук, мой тебе совет: продай этот обветшалый дом, когда приспееет время, а с ним и жалкие остатки нашей земли, и снаряди себя на войну в надежде, что твоя правая рука добудет для Лорингов новый родовой дом.

Свежее юношеское лицо Найджела омрачила тень гнева.

– Не знаю, долго ли мы ещё сумеем противостоять монахам и их крючкотворам. Не далее как нынче утром сюда явился человек из Гилфорда с записями, – дескать, все тут принадлежало аббатству ещё до смерти моего отца.

– Где эти записи, милый внук?

– Зацепились за кусты дрока где-нибудь на Хэнкли. Я ведь расшвырял все его пергаменты и грамоты, а ветер умчал их быстрее сокола.

– Нет-нет, Найджел, или ты помрачился в уме? А этот человек где?

– Рыжий Свайр и старый Джордж Лучник бросили его в Терслейскую трясины.

– Увы, боюсь, что нынче так поступать нельзя, хотя мой отец и мой муж отослали бы мужлана назад в Гилфорд без ушей. Церковь и закон теперь сильнее нас, людей благородной крови. Бедой это кончится, Найджел. Ведь аббат Уэверли не из тех, кто отвращает щит церкви от ее слуг.

– Аббат нам зла не причинит. На нашу землю щерит зубы серый волк ключарь. Пусть делает, что может. Я его не испугаюсь.

– Но у него за спиной такая сила, Найджел, что и храбрейшим приходится ее опасаться. Отлучение, губящее душу человека, во власти церкви, а чем можем ответить мы? Прошу тебя, Найджел, говори с ним без зла.

– Нет, милая бабушка, хотя повиноваться тебе и мой долг, и моя радость, но я лучше умру, чем буду просить как милости то, что принадлежит нам по праву. Стоит мне взглянуть вон в то окно, и я вижу пологие холмы и заливные луга, поля и долины, рощи и леса, которые принадлежали нам с той поры, когда нормандец Вильгельм даровал их тому Лорингу, что нес его щит при Сенлаке. Теперь хитростями и обманом они отняты у нас, и среди вольных хлебопашцев немало таких, кто богаче меня. Но никому не будет дано сказать, что я сохранил остатки, склонив шею под монашеское ярмо. Пусть сделают худшее, что в их власти, а я либо стерплю, либо буду отстаивать свои права, как смогу.

Старуха вздохнула, покачав головой:

– Ты говоришь, как подобает Лорингу, и все же я страшусь, что нас постигнет тяжкая беда. Но не будем больше говорить об этом, раз ничего изменить мы не в силах. Где твоя лютня, Найджел? Может быть, ты мне сыграешь и споешь?

В ту эпоху мужчина, принадлежавший к благородному сословию, нередко читал и писал с большим трудом или же вовсе не был обучен грамоте, но он говорил на двух языках, непременно умел играть по крайней мере на одном музыкальном инструменте, не говоря уж о многом другом – начиная с вживления перьев соколу и кончая искусством охоты, а оно требовало знать повадки всех зверей и птиц, знать, когда их следует оставлять в покое, а когда, наоборот, приходит пора отправиться в лес со сворой и копьем либо с луком и стрелами. И наш молодой сквайр умел как никто вскочить на неоседланного коня, поразить зайца на бегу стрелой из арбалета или взобраться на стену замка по выступам. Однако музыка ему не давалась и требовала многих часов унылых усилий. Теперь, правда, струны ему подчинялись, но и голос его, и слух оставляли желать много лучшего. Пожалуй, лишь одна эта любящая слушательница могла получать удовольствие от нормандско-французской песни, которую он выводил высоким жиденьким тенором с большим чувством, но часто сбиваясь и фальшивя, хотя и встряхивал светлыми кудрями в такт мелодии.

О меч! О меч! О, дай мне меч!
Свет деяний великих ждет.
Пусть дорога крута и дверь заперта,
Храбрец в нее войдет.
Пусть Случай и Рок сохраняют порог,
Я ключ железный найду.
Стяг взовьется мой над зубчатой стеной,
Иль доблестно я паду.

О конь! О конь! О, дай мне коня!
Пусть туда он меня умчит,
Где искус трудней, где бой тяжелей,
Где Смерть беспощадней разит.
Охрани мои дни, да не полнят они
Ядом неги и лени мне грудь.
И на подвиг открой, я молю, предо мной
Слез и гнева тернистый путь.

О сердце! О сердце! О, сердце мне дай!
Пусть твердым пребудет оно.

Готовым на бой выйти с Судьбой,
Отваги и чести полно.
Все сумеет свершить, хоть не будет спешить,
Назначив себе свою часть.
Не зная цепей, только дамы своей
Над собой признавая власть.

Может быть, прочувствованность искупала фальшивые ноты, а может быть, возраст приглушил тонкость слуха леди Эрминтруды, но она захлопала худыми морщинистыми руками и не поскупилась на громогласные похвалы.

– Да, Уэтеркот может гордиться таким учеником! – сказала она. – Прошу тебя, спой что-нибудь еще.

– Нет, милая бабушка, теперь твой черед. У нас с тобой ведь такой порядок. Мне хочется послушать рыцарскую повесть, а ты знаешь их все. Сколько уж лет ты мне их рассказываешь, и все новые и новые. Готов поклясться, в твоей памяти их хранится больше, чем во всех толстых книгах, которые мне показывали в Тилфордском замке. Так не откажи мне. «Доон де Майанс», «Песнь о Роланде» или «Сэр Изумбрас».

Старуха, не заставя себя долго просить, начала длинную поэму, декламируя медленно и монотонно, но, по мере того как интерес нарастал, она все больше воодушевлялась, ее лицо покрыла краска оживления, с выразительными жестами она прочувствованно произносила строфы, говорившие о пустоте будничной жизни, о красоте героической смерти, о высокой святости любви и неумолимом долге чести. Лицо Найджела застыло, глаза исполнились задумчивости, он впивал завораживающие слова, пока наконец они не замерли на губах старой дамы и она не откинулась утомленно на спинку кресла. Найджел нагнулся к ней и поцеловал ее руку.

– Твои наставления всегда будут служить мне путеводной звездой, – сказал он.

А потом поставил между ними столик с шахматами и предложил, чтобы они, по своему обычаю, сыграли партию на сон грядущий.

Но их дружеское состязание было внезапно прервано самым бесцеремонным образом. Один из псов насторожил уши и залаял. Остальные с рычанием кинулись к двери. А из-за нее донесся лязг железа, за которым последовал глухой стук, словно стучали палицей или рукояткой меча. И басистый голос именем короля потребовал открыть дверь. Леди Эрминтруда и Найджел вскочили на ноги, столик опрокинулся, шахматные фигуры рассыпались по полу среди камыша. Найджел потянулся за арбалетом, но леди Эрминтруда перехватила его руку.

– Нет, милый внук! Разве ты не слышал, что они требуют открыть им именем короля? – сказала она. – Лежать, Толбот! Лежать, Баярд! Открой дверь ипусти королевского вестника.

Найджел отодвинул засов, и тяжелая дубовая дверь распахнулась наружу. Свет пылающей смолы лег на железные каски, на свирепые бородатые лица, обнаженные мечи и золотистые луки. В залу ввалился десяток вооруженных до зубов лучников, которых вели тощий уэверлийский ключарь и пожилой толстяк, облаченный в дублет и штаны из красного бархата, перепачканные болотным илом и глиной. В руке он держал внушительных размеров пергамент, обвешанный печатями, высоко поднимая его над головой.

– Пусть выйдет Найджел Лоринг! – выкрикнул он. – Я, блюститель королевских законов и стряпчий аббатства Уэверли, требую человека по имени Найджел Лоринг!

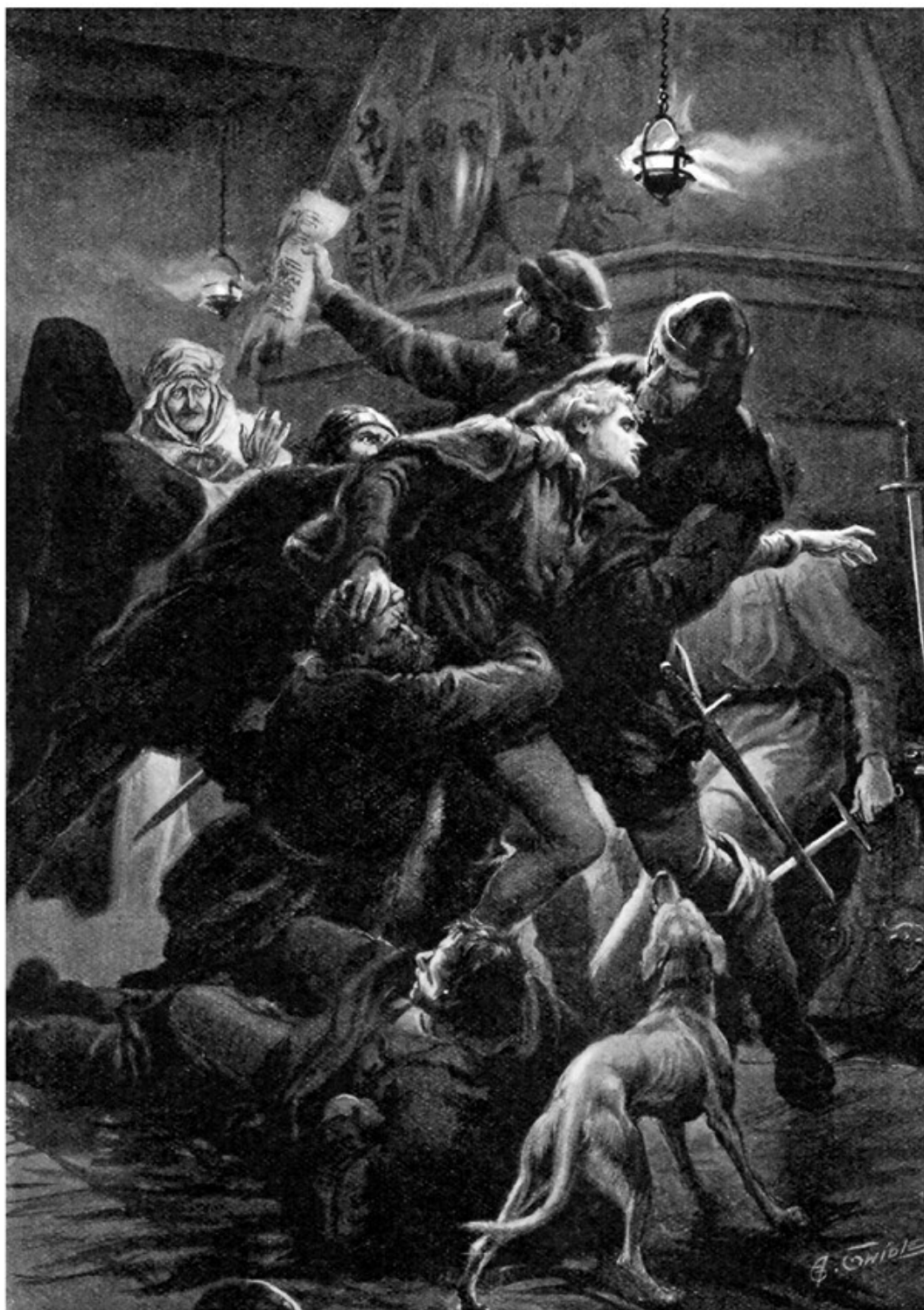
– Это я.

– Да, это он, – буркнул ключарь. – Лучники, исполняйте приказ!

И в тот же миг дюжие лучники набросились на Найджела, как гончие псы на оленя. Найджел рванулся к своему мечу, который лежал на железном сундуке. С силой, рожденной не столько крепостью тела, сколько крепостью духа, он потащил их всех туда, но ключарь схватил меч, а лучники повалили отбивающегося сквайра на пол и опутали веревкой по рукам и по ногам.

– Держите его крепче, добрые лучники! Не отпустите ненароком! – вопил стряпчий. – Только прошу вас, пусть кто-нибудь один оттащит от меня этих злобных псов. Именем короля, прочь! Уоткин, да загороди же меня от этих адских тварей! Они столько же мало уважают закон, как и их хозяин!

Лучник пинками отогнал верных собак. Но не только они готовы были встать на защиту старинного дома Лорингов. Из двери, ведущей во двор, появилась кучка домочадцев Найджела. Было время, когда десять рыцарей, сорок жандармов и двести лучников следовали за пятью розами. А теперь на последний бой, когда юный глава рода лежал связанный в собственной зале, на его зов явились паж Чарлз с дубинкой, повар Джон с самым длинным своим вертелом, Рыжий Свайр, старый, белый как лунь дружинник, высоко вскинувший тяжелый топор, и Уэтеркот с охотничьим копьем. Однако дух дома воспламенял отвагу этого пестрого отряда, и во главе с закаленным старым воином они бросились бы на обнаженные мечи лучников, если бы леди Эрминтруда не встала перед ними.

– Остановись, Свайр! – крикнула она. – Остановись, Уэтеркот! Чарлз, привяжи Толбота и оттащи Баярда! – Ее черные глаза обратились на непрошенных гостей, и они попятились, не выдержав гневного взгляда. – Кто вы такие, подлые разбойники, что смеее, прикрываясь высоким именем короля, накладывать руки на того, чья единая капля крови стоит дороже, чем все ваши грязные мужицкие туши?

– Поосторожнее, благородная дама, поосторожнее! – огрызнулся толстый стряпчий, чья физиономия обрела нормальный цвет, поскольку говорил он теперь с беспомощной старой

женщиной. – В Англии есть закон, не забывай! Следят же за его исполнением и оберегают самые верные подданные и слуги короля. Таков я. А находятся и такие, которые хватают подобных мне и волокут, сиречь доставляют нас в болото, сиречь трясины. Такие, как этот нераскаленный старик с топором, которого я уже видел нынче. А еще есть такие, которые рвут, топчут и разбрасывают письменные повеления закона, и оный молодой человек их предводитель. А посему советую тебе, благородная дама, не поносить нас, а понять, что мы – служители короля и исполняем его волю.

– Так для чего же вы явились в этот дом в такой час?

Стряпчий внушительно откашлялся и, повернув свой пергамент к светильникам, принялся читать длиннейший документ, составленный на нормандско-французском языке в столь сложных выражениях, что наиболее запутанные и нелепые выверты бюрократического стиля нашего времени покажутся самой простотой в сравнении с тем языком, при помощи которого люди в судейских мантиях превратили в темную загадку то, чему следовало бы быть самым четким, самым ясным из всего написанного человеческим пером. Отчаяние ледяной рукой сжало сердце Найджела и заставило побелеть щеки леди Эрминтруды, пока они слушали устрашающее перечисление тяжб, исков, притязаний, а также просрочек прекария и турбария, выплат за лес для починок, за дрова, и прочее, и прочее. Завершался же список требованием во измещение вышеперечисленных просрочек и неуплат передачи аббатству Уэверли всех земель, усадеб и дворов, составляющих их земное достояние, вместе с правами на любые наследства.

Связанного Найджела усадили спиной к железному сундуку, и с пересохшим ртом он слушал слова, обрекавшие его род на гибель, пока его лоб покрывался испариной. Но тут он перебил стряпчего с такой яростью, что тот подпрыгнул.

– Ты пожалеешь о содеянном нынче! Как мы ни бедны, у нас есть друзья, которые не потерпят, чтобы нас бесстыдно ограбили. Я отправлюсь в Виндзор искать правосудия у короля, и его величество, видевший смерть моего отца, узнает, как его именем прикрываются, чтобы обездолить сына! Впрочем, такие дела решаются по закону в королевском суде, так чем же ты оправдаешь такое нападение на мой дом и на меня?

– Тут дело иное, – сказал ключарь. – Тяжбами о долгах ведает королевский суд, тут спора нет. Но поднять руку на стряпчего и его бумаги – значит совершить преступление противу закона и не иначе, как по наущению дьявола, а оно подлежит суду аббатства.

– Воистину! Воистину! – вскричал стряпчий. – Я не знаю греха чернее.

– Посему, – продолжал безжалостный монах, – святой отец аббат повелел, чтобы ты провел ночь в келье аббатства, а утром предстал перед судом в доме капитула, дабы понести достойную кару и за это, и за многие другие бесчинства, кои учинял противу служителей Святой Церкви. Но довольно слов, почтенный стряпчий. Лучники, уведите арестанта.

Четверо дюжих лучников подхватили Найджела на руки. Леди Эрминтруда бросилась было ему на помощь, но ключарь грубо оттолкнул ее:

– Смири гордыню, женщина! Не препятствуя исполнению закона, научи надменное сердце смиряться перед властью Святой Церкви. Или мало урока, преподанного тебе жизнью? Тебе, которая была вознесена высоко, а скоро лишишься крова над головой. Отступи, не то я прокляну тебя!

Старуха внезапно дала волю жгучему гневу.

– Слушай, как прокляну тебя я! – вскричала она, встав перед злобным монахом. Глаза ее метали молнии, костлявая рука грозно поднялась. – Как ты поступил с домом Лорингов, да воздаст тебе тем же Господь! И лишитесь вы власти над английской землей, и останется от вашего могущественного аббатства Уэверли только груда серых камней на зеленом лугу! Вижу это! Вижу! Старые мои глаза видят это! От последнего служки до аббата, от подвалов до башен да сгинет Уэверли и все, что есть в его стенах!

Как ни бесчувствен был монах, он сник перед этим исступлением, не выдержав жгучих, язвящих слов. Стряпчий и лучники уже покинули дом вместе с пленником. Ключарь торопливо повернулся и поспешил захлопнуть за собой тяжелую дверь.

Глава V

Как аббат Уэверли судил Найджела

Средневековые законы, написанные на старинном нормандско-французском диалекте, изобилующие неуклюжестями и всякими неудобопонятными обозначениями, были страшнейшим оружием в руках тех, кто умел ими пользоваться. Не зря же восставший народ поспешил обезглавить лорд-канцлера. Во времена, когда мало кто умел читать и писать, эти головоломные речения и запутаннейшее изложение сути даже простого дела, запечатленные на пергаменте и скрепленные печатями, наполняли ледяным ужасом сердца, не страшившиеся никаких опасностей на поле брани.

Даже бодрый и веселый дух Найджела Лоринга поугаснул за ночь, которую молодой сквайр провел в монастырской темнице, размышляя о том, что никакая доблесть не поможет ему против силы, угрожающей его дому полной гибелью. Меч и щит столь же мало могли оборонить его от Святой Церкви, как и от Черной Смерти. Против аббатства он беспомощен. Монахи давно уже урывали то луг здесь, то рошу там, а теперь они разом заберут остальное вместе с родовым домом Лорингов, и где приклонит седую голову леди Эрминтруда, как прокормят себя старые, никому не нужные их служители? От этих мыслей его пробирала холодная дрожь.

Пусть он пригрозил, что обратится с жалобой к самому королю, но могущественный Эдуард уже много лет не слышал имени Лорингов, а Найджел знал, что память сильных мира сего коротка. К тому же власть церкви во дворце лишь немногим уступала ее власти в лачуге бедняка, и потребуются очень веские доводы, чтобы король помешал замыслам столь влиятельного прелата, как аббат Уэверли, если закон на его стороне. Так где же искать ему помощи? С простодушной и практичной верой своей эпохи юноша начал молиться святым, которых избрал своими покровителями: святому Павлу, чьи приключения на суше и на море восхищали его; святому Георгию, который обрел великую честь, повергнув дракона; и святому Томасу Кентерберийскому – тот ведь и сам нашивал доспехи, а потому поймет человека благородной крови и поможет ему. Наивные мольбы облегчили душевные терзания, и он уснул здоровым сном молодости, от которого его пробудил служка с завтраком, состоявшим из ломтя хлеба и кружки жидкого пива.

Суд аббата открылся в доме капитула после третьей молитвы по каноническому времени, или в девять утра по времени мирскому. Ритуал этот всегда внушал почтительный страх, даже когда виновником был какой-нибудь виллан, поставивший силки в лесу аббатства, или торговец, чьи гири оказались фальшивыми. Но теперь предстояло судить человека благородного рождения, а потому церемония была проведена с соблюдением всех юридических и церковных процедур, как внушительных, так и нелепых. Под дальние отголоски духовной музыки и размеренные удары большого колокола облаченные в белое монахи попарно обошли залу, распевая «Благослови» и «Гряди, Дух Творящий!», и лишь затем уселись справа и слева от судейского стола. Затем по очереди, соблюдая старшинство, к своим местам прошествовали податель милостыни, чтец, капеллан, помощник коадьютора и сам коадьютор.

Потом в залу вступил угрюмый ключарь, смиренно опустив голову, но с выражением тихого торжества в глазах, а следом за ним и аббат Джон, ступавший медленно и величаво, с лицом, исполненным важного спокойствия. На поясе у него висели железные четки, рука сжимала молитвенник, а губы уже произносили слова положенной молитвы. Он преклонил колени на высокую подушку, а братия по знаку коадьютора распростерлась ниц на полу. Негромкие голоса сливались в единый гул, он раскатывался под сводами и отдавался эхом, точно волны, выкатывающиеся из подводной пещеры. Но вот монахи вновь расселись, в залу вошли с пергаментами и перьями одетые в черное писцы, а за ними в красном бархате стряпчий, гото-

вый принести свою жалобу, и наконец Найджел под охраной лучников, тесно его окруживших. Произнесены были на старофранцузском положенные юридические формулы – таинственные в своей недоступности умам простых смертных, и суд аббатства приступил к разбирательству.

Первым к дубовому столу свидетелей приблизился ключарь и сухим голосом монотонно изложил все притязания, какие имелись у Уэверлийского аббатства к семейству Лорингов. Сто с лишним лет тому назад тогдашний глава дома то ли за полученные в долг деньги, то ли в благодарственный знак благодарности за духовную помощь признал за своим поместьем некоторые вассальные повинности по отношению к аббатству. (Тут ключарь высоко поднял пожелтевший, потрескавшийся пергамент с болтающимися свинцовыми печатями.) В их числе были шитовые деньги – ежегодный взнос, равный жалованью одного рыцаря. Так вот, деньги эти ни разу уплачены не были, и служба тоже никакая не неслась, и за прошедшие годы накопилась сумма, превышавшая весь доход с поместья. Имелись и другие задолженности. Ключарь потребовал свои книги и костлявым пальцем алчно указывал на одну запись за другой: уплата за это, оброк за то – столько-то шиллингов в этом году и столько-то ноблей в том. И когда Найджел еще не родился, и когда он был младенцем. Все записи проверил и удостоверил стряпчий.

Найджел слушал это сокрушающее перечисление и чувствовал себя загнанным оленем – неукротимым, храбрым, но понимающим, что он окружен и спасения нет. Его смелое юное лицо, твердый взгляд голубых глаз, гордая посадка головы – все свидетельствовало, что он достойный потомок благородных предков, и солнечные лучи, лившиеся сквозь круглое окно высоко в стене на его некогда богатый, а теперь истертый и выцветший дублет, словно хотели показать, насколько жестоко обошлась судьба с его семьей.

Ключарь кончил изложение иска, и стряпчий уже собрался его поддержать, раз Найджелу нечем было опровергнуть эти записи, как вдруг у него нашелся совершенно неожиданный защитник. То ли некоторое злорадство в голосе ключаря, то ли нелюбовь дипломата к крайностям, то ли искренне доброе побуждение (аббат Джон легко вскипал, но легко и отходил) сыграли тут роль, но пухлая белая рука властно поднялась в воздух, показывая, что разбирательство окончено.

– Брат ключарь исполнил свой долг, предъявив этот иск, – сказал аббат, – ибо земное достояние нашего аббатства отдано под его благочестивую опеку и ему надлежит оберегать нас от всякого ущерба, понеже сами мы лишь блюстители достояния тех, кто придет после нас. Однако под мою опеку отдано нечто куда более драгоценное – дух и добрая слава тех, кто следует заветам святого Бернарда. А с той самой поры, как святой основатель нашего ордена удалился в долину Клерво и построил себе там келью, мы тщимся подавать пример кротости и смирения всем людям. Вот почему строим мы наши обители в низинах и не воздвигаем высоких колоколен в храмах при них, а в стены наши не допускаем ни роскоши, ни иных металлов, кроме олова и железа. Братия наша ест с деревянных блюд, пьет из железных чаш, а свечи ставит в оловянные подсвечники. Посему не подобает суду ордена, уповающего на то, что обещано кротким сердцем, выносить решение по собственному иску и так приобрести земли своих соседей. Коль иск наш справедлив, в чем у меня сомнений нет, рассмотреть его пристойней будет королевским ассизам в Гилфорде, а посему я постановляю не рассматривать его в суде сего аббатства, но передать другому суду.

Найджел беззвучно возблагодарил трех доблестных святых, взявших его под свой покров в час нужды.

– Аббат Джон! – воскликнул он. – Не думал я, что человек, носящий мое имя, будет когда-нибудь благодарить уэверлийского цистерцианца, но, клянусь святым Павлом, нынче ты говорил как благородный муж. Ведь суду аббатства выносить решение по иску аббатства – это же как играть фальшивыми костями!

Восемьдесят облаченных в белое монахов выслушали эту безыскусную речь, обращенную к тому, кто в скудной их жизни представлялся им почти наместником Бога на земле, с

насмешливой досадой. Лучники отступили от Найджела, словно он был волен уйти, но тут тишину нарушил зычный голос стряпчего:

– Отче аббат! Да позволено мне будет сказать, что твое решение касательно иска вашего аббатства к этому человеку поистине *secundum legem* и *intra vires*⁶. Тут твоя воля. Но я, Джозеф, стряпчий, подвергся жестокому и преступному обращению, мои грамоты, крепости, реестры разорваны, власть, коей я облечен, поругана, а мою особу проволокли по болоту, сиречь по трясине, по каковой причине я лишился бархатного плаща и серебряного знака моей должности, и таковые, без сомнения, находятся в вышеуказанном болоте, сиречь трясине, той же самой, что...

– Довольно! – сурово перебил аббат. – Прекрати эти бессмысленные речи и прямо скажи, чего ты требуешь.

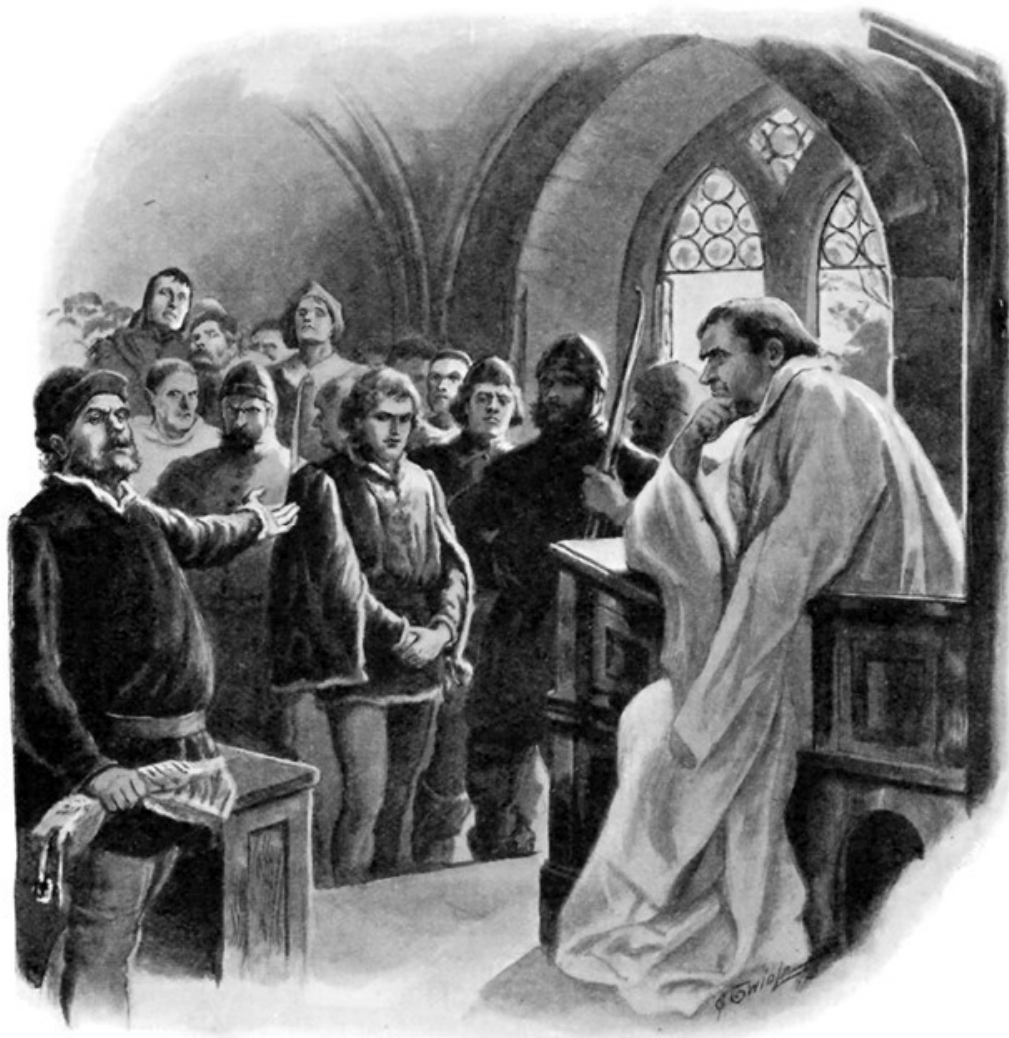
– Святой отец, я служу Святой Церкви и королю, а мне чинились помехи, и я подвергался членовредительству при исполнении возложенных на меня обязанностей, бумаги же мои, составленные именем короля, разорваны, разодраны и развеяны по ветру. Посему я требую от суда аббатства правосудной кары сему человеку, понеже вышеуказанное нападение было совершено в пределах, подсудных аббатству!

– Что скажешь ты, брат ключарь? – спросил аббат в некоторой растерянности.

– Скажу, отче, что в нашей власти быть снисходительными и милосердными, пока дело касается нас самих, но коль оно касается служителя короля, мы не исполним своего долга, если не окажем ему защиты, которой он требует. И напомню тебе, что не впервые сей человек дает волю своей необузданности, но и прежде избивал наших слуг, не подчинялся нашей власти и пустил щук в собственный садок аббата.

---

⁶ Согласно с законом... между мужами (*лат.*).

Толстые щеки прелата побагровели от гнева – воспоминание об этом преступлении было еще слишком свежо в его памяти, и он сурово посмотрел на юношу.

– Ответь мне, сквайр Найджел, ты поистине пустил щук в мой садок?

Найджел гордо выпрямился:

– Прежде чем я отвечу на твой вопрос, отче аббат, не ответишь ли ты на мой, не скажешь ли мне, что хорошего сделали для меня хоть раз монахи Уэверли и почему должен я был бы удержать свою руку, когда представился случай причинить им вред?

По зале прокатился ропот удивления перед такой откровенностью и негодования от такой дерзости.

Аббат опустился в кресло с видом человека, принявшего решение.

– Пусть стряпчий изложит свою жалобу, – произнес он. – Правосудие свершится, и виновный понесет кару, будь он благородного сословия или простолюдин. Пусть жалобщик объяснит, как было дело.

Хотя стряпчий постоянно пускался в лишние подробности и уснащал свою речь всякими юридическими премудростями, повторяя их снова и снова, суть того, что произошло, сомнений не вызвала. В залу ввели Рыжего Свайра, чье заросшее белой щетиной лицо сердито хмурилось, и он сознался в том, как обошелся с законником. Второй виновник, маленький жилистый лучник из Чурта, с лицом коричневым, как каштан, не отрицал, что он помогал и

содействовал старому дружиннику. Но оба они поспешили сказать, что молодой сквайр Найджел Лоринг ничего про их затею не знал. Однако оставался скользкий вопрос о разорванных документах. Найджел, не способный лгать, вынужден был подтвердить, что собственными руками порвал в клочья эти священные бумаги. Гордость не позволила ему снизойти до извинений или оправданий. Чело аббата омрачилось, ключарь поглядывал на подсудимого с усмешкой, а залу окутала мертвая тишина: разбирательство закончилось, и вот-вот должны были прозвучать слова приговора.

– Сквайр Найджел, – начал аббат, – тебе, отпрыску древнего и славного рода, как известно всем в здешних местах, подобает подавать благой пример своим поведением и поступками. Однако твой дом давно уже стал очагом раздора и злокозненности. И теперь, не довольствуясь враждой к нам, цистерианским монахам Уэверли, ты позволил себе выказать неуважение к королевскому закону и руками своих слуг нанес бесчестье особе его вестника. За какие бесчинства в моей власти призвать на твою голову грозный гнев церкви, но я буду мягок с тобой, памятуя о твоей молодости и о том, что на той неделе ты спас от гибели слугу аббатства. Посему я ограничусь лишь телесным обузданием твоего излишне дерзкого духа и усмирением упрямого безрассудства, кои подвигают тебя на всякие бесчинства против нашего аббатства. Шесть недель на хлебе и воде с этого часа и до дня святого Бенедикта и ежедневные увещевания нашего капеллана благочестивого отца Амброза, быть может, еще понудят согнуться твою дерзкую выю и умягчат ожесточенное сердце.

Этот позорный приговор, уравнивавший гордого наследника дома Лорингов с последним деревенским браконьером, привел Найджела в бешенство – кровь бросилась ему в голову, и он обвел залу горящим взглядом, который яснее всяких слов говорил, что покорности от него ожидать не следует. Дважды он попытался заговорить, и дважды гнев и стыд не дали ему сказать ни слова.

– Я не твой вассал, надменный аббат! – наконец крикнул он. – Лоринги всегда были королевскими вассалами. Я не признаю за тобой и твоим судом права выносить мне приговор. Карай своих монахов, которые хнычут, едва ты сдвинешь брови, но не дерзай накладывать руки на того, кто не страшится тебя, ибо он свободный человек и равен знатнейшим в стране, исключая лишь самого короля!

Аббата эти смелые слова и звонкий голос, каким были они произнесены, на миг ошеломили. Но неуязвимый ключарь, как всегда, поспешил укрепить его слабую волю. Он вновь взмахнул старым пергаментом.

– Прежде Лоринги и правда были королевскими вассалами, но вот печать Юстеса Лоринга, которая свидетельствует, что он признал себя вассалом аббатства и держал свои земли уже от аббатства.

– Потому что он был добр и благороден! – вскричал Найджел. – Потому что не ждал от других хитрости и обмана!

– Ну нет! – вмешался стряпчий. – Если, отче аббат, мне будет дозволено поднять свой голос для разъяснения закона, то он гласит следующее: причины, побудившие подписать, засвидетельствовать или подтвердить дарственную, купчую крепость или иной такой же документ, веса никакого не имеют, суд же рассматривает лишь условия, статьи, обязательства и оговорки, в одном документе содержащиеся.

– К тому же, – подхватил ключарь, – суд аббатства вынес приговор и покроеет себя позором и бесчестьем, коль позволит пренебречь им.

– Брат ключарь, – сердито сказал аббат, – думается мне, такая твоя ревность в сем деле излишня, и мы способны поддержать честь и достоинство суда аббатства без твоих советов! Что до тебя, почтенный стряпчий, побереги свои мнения до той минуты, когда они нам понадобятся, а не то тебе придется изведать власть нашего суда. Однако, сквайр Лоринг, твое дело рассмотрено, и приговор вынесен. Мне больше нечего сказать.

Он подал знак, и на плечо молодого человека опустилась ладонь лучника. Но подобная вольность простолюдина возмутила Найджела до самой глубины его мятежной души. Был ли среди его высокородных предков хоть один, кого подвергли бы такому унижению? И не предпочли бы все они смерть? Неужто он станет первым, кто отступит от их высоких заветов, пренебрежет фамильной гордостью? Быстрым гибким движением он вывернулся из-под руки лучника и выхватил короткий меч из ножен у него на боку. Миг спустя он уже стоял в узкой оконной нише, обратив к зале бледное, решительное лицо, пылающие глаза и лезвие меча.

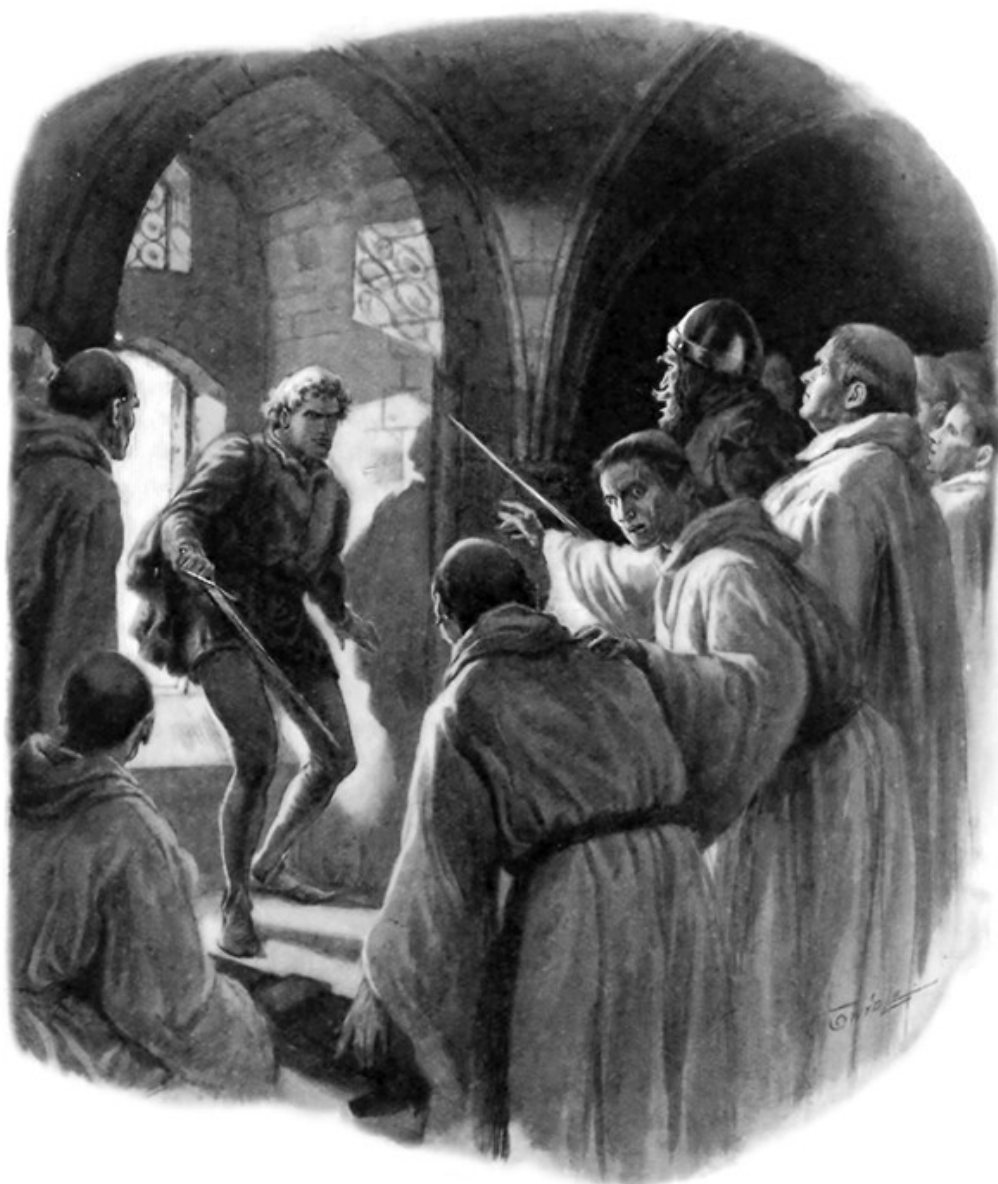
– Клянусь святым Павлом! – сказал он. – Не думал я снискать славу в честном бою под кровлей аббатства, но, быть может, мне представится такой случай, прежде чем вы унесете меня в свою темницу!

В зале капитула поднялся невероятный шум. Никогда еще за всю долгую, благопристойную историю аббатства в его стенах не разыгрывалось подобной сцены. Этот мятежный дух, казалось, на секунду заразил даже монахов. Возложенные ими на себя вериги пожизненного смирения вдруг словно ослабели от столь неслыханного вызова мирской и духовной власти аббата. Они повскакали с мест и сгрудились полукругом перед юношей, бросившим такой вызов, и, глядя на него с испугом, к которому примешивалось почти восхищение, переговаривались, жестикулировали, гримасничали... словом, покрывали себя стыдом на все времена. Сколько недель покаяния, самобичеваний и всяческих эпитимий должно было пройти, прежде чем тень этого дня перестала омрачать аббатство! Пока же восстановить благочиние никак не удавалось. Всюду царили беспорядок и хаос. Аббат встал с судейского кресла и сердито поспешил к своим пасомым, но затерялся в их толпе, точно овчарка, вокруг которой сомкнулось оберегаемое ею стадо.

Лишь ключарь стоял в стороне. Он укрылся за полдюжиной лучников, которые смотрели на дерзкого, посмевшего бросить вызов правосудию, с немалым одобрением и большой нерешительностью.

– Хватайте его! – крикнул ключарь. – Позволено ли ему будет надругаться над властью суда, или вы вшестером не справитесь с одним? Идите, схватите его! Эй, Бэдлсмир, чего ты ждешь?

Высокий лучник с густой бородой, одетый в зеленую куртку, такие же штаны и коричневые сапоги, медленно направился к Найджелу, обнажив меч. Ему совершенно не хотелось выполнять приказ – церковные суды особой любовью не пользовались, а злополучная судьба дома Лорингов вызывала общее сочувствие, и все желали удачи молодому его наследнику.

– Ну будет, благородный сэр, – сказал он. – Ты и так уже наделал шума. Положи меч и выходи оттуда.

– А ты заведи меня отсюда, любезный, – ответил Найджел с опасной улыбкой.

Лучник кинулся к нему, железо лязгнуло о железо, лезвие блеснуло, как язык пламени, и лучник попятился. По его запястью заструилась кровь, каплями падая с пальцев. Он вытер их и буркнул:

– Клянусь черным крестом Бромхольма! – (Так клялись его предки – саксы.) – Уж лучше сунуть руку в нору с лисятами, когда там лисица!

– Отойди! – приказал Найджел. – Я не хотел тебя ранить, но, клянусь святым Павлом, я не позволю, чтобы на меня налапали руки. Кто попробует, тому это дорого обойдется!

Его глаза пылали такой яростью, а меч был занесен так грозно, что лучники, сомкнувшиеся перед узкой оконной нишей, совсем растерялись.

Аббат наконец протолкался через толпу монахов и, весь багровый от возмущения, остановился рядом с ними.

– Он вне закона! – прогремел голос аббата. – Он пролил кровь в суде, а этому греху прощения нет! Я не потерплю такого надругательства над моим судом, такого попирания моего приговора. Всякий, взявший меч, да погибнет от меча! Лесник Хью, возьми свой лук и стрелу!

Лесник, один из светских слуг аббатства, сильно нажал на свой лук, уперев его одним концом в пол, и набросил свободный конец тетивы на зарубку в верхнем, затем вытащил из-за пояса страшную стрелу длиной в три фута, с железным наконечником, с ярко раскрашенными перьями, и положил ее на тетиву.

– А теперь натяни тетиву и прицелься! – крикнул разъяренный аббат. – Сквайр Найджел! Святая Церковь избегает проливать кровь, однако насилие побеждается только насилием, и грех да падет на твою голову. Брось меч, который ты сжимаешь в руке!

– Ты обещаешь, что я свободно выйду из твоего аббатства?

– Когда примешь кару и искупишь свой грех.

– Ну так я лучше умру вот тут, где стою, чем отдам меч.

В глазах аббата вспыхнул опасный огонь. Он принадлежал к воинственному нормандскому роду, как и многие из тех неукротимых прелатов, которые, сжимая в деснице булаву, дабы избежать пролития крови, устремлялись во главе своих воинов в битву, памятуя о том, как их собрат, носивший столь же высокий духовный сан, подъял свой пастырский посох и решил исход кровавого Гастингского сражения, длившегося от зари и до зари. Мягкость слугителя церкви исчезла из его голоса, и с жесткостью солдата он сказал:

– Даю тебе минуту, и не более. Когда я прикажу: «Стреляй!», пронзи стрелой его тело!

Стрела оттянула тетиву, и суровые глаза лесника уставились на указанную ему цель. Минута тянулась медленно-медленно. Найджел вознес молитву трем своим воинственным святым, прося их не о спасении его тела в этом мире, но о спасении его души в том. У него мелькнула была мысль стремительно прыгнуть на врагов, точно рассвирепевшая рысь, но, покинув нишу, он обрек бы себя на неминуемую гибель. Тем не менее в последний миг он решился бы на этот отчаянный прыжок и уже весь подобрался, как вдруг раздался протяжный звон, точно лопнула струна арфы, тетива раскочилась, и стрела звякнула о каменную плиту пола. В то же мгновение молодой кудрявый лучник, чьи широкие плечи и могучая грудь свидетельствовали о незаурядной силе столь же ясно, как бесхитростное веселое лицо и честные карие глаза – о добродушии и мужестве, прыгнул вперед и встал рядом с Найджелом, держа в руке меч.

– Нет, ребята! – воскликнул он. – Сэмкин Эйлвард не станет смотреть, как храбреца пристрелят, точно быка после травли. Пять против одного – это много, но двое против четверых – уже поменьше, и мы со сквайром Найджелом, клянусь всеми десятью моими пальцами, покинем это место вместе, а уж на своих ногах или нет, там видно будет.

Внушительная внешность новоявленного союзника сквайра, а также высокое мнение о нем его недавних товарищей еще больше охладили их и без того не слишком горячий пыл. Левая рука Эйлварда сжимала натянутый лук, а в здешнем краю от Вулмерского леса до Уилда он славился как самый быстрый и меткий стрелок из лука, когда-либо поражавший бегущего оленя с расстояния в двести шагов.

– Э, нет, Бэдлсмир, убери-ка пальцы с тетивы, не то придется этой твоей руке отдохнуть от лука месяца эдак два, – сказал Эйлвард. – Мечи, коли вам так хочется, ребята, но стрелу первым пушу я!

Эта неожиданная новая помеха еще пуще разожгла гнев в сердце аббата и ключаря.

– Горьким будет этот день, Эйлвард, для твоего отца, держателя Круксбери, – сказал ключарь. – Вот лишится он земли с усадьбой и пожалеет, что зачал такого сына.

– Мой отец смелый йомен и еще больше пожалел бы, коли бы его сын стоял сложа руки и смотрел, как творится черное дело! – твердо ответил Эйлвард. – Давайте, ребята, подходите! Мы ждем.

Подбодряемые обещанием награды, если они падут, служа аббатству, и всяческих кар, если они будут и дальше топтаться на месте, четверо лучников уже приготовились броситься к оконной нише, как вдруг внимание всех присутствующих было вновь отвлечено, и события получили совсем уже неожиданный оборот.

У дверей дома капитула собралась порядочная толпа братьев трудников, монастырских слуг и работников, которые следили за разворачивающейся внутри захватывающей драмой с интересом и упоением, понятными, если вспомнить, какой тяжелой и однообразной была их жизнь. Внезапно в задних их рядах началось движение, затем в середине словно закрутился водоворот, и наконец стоявшие впереди были отброшены в стороны, и из образовавшегося просвета появился некто необычного и удивительного вида и сразу же подчинил себе аббатство, дом капитула, монахов, прелата с ключарем и лучников, словно был их господином и властителем.

Был он уже в годах, с жидкими, лимонного цвета волосами, вьющимися усами, бородкой кисточкой лимонного же цвета и рубленным лицом с высокими скулами и носом, подобным изогнутому орлиному клюву. Постоянно подставляемую ветру и солнцу кожу покрывал густой красновато-коричневый загар. Роста он был высокого, худощавая фигура, словно бы небрежно свинченнная, выглядела тем не менее жилистой и крепкой. Один глаз был закрыт – плоское веко прятало пустую глазницу, зато в другом плясали лукавые искры: умный, насмешливый и проницательный взгляд словно давал единственный выход всему пламени его души.

Одежда незнакомца была столь же примечательной, как и его облик: пышный лиловый дублет и плащ с гербом, напоминавшим клин, воротник из дорогого кружева на плечах, в мягких складках которого переливалось червонное золото тяжелой цепи. Рыцарский пояс и позвякивавшие на мягких сапогах из оленьей кожи золотые рыцарские шпоры указывали на его ранг, а на запястье левой руки в кожаной перчатке чинно сидел в клубочке маленький сокол – сам по себе уже свидетельство высокого положения его хозяина. Оружия при нем не было никакого, но за спиной на черной шелковой ленте висела лютня, и ее коричневый гриф торчал над его плечом. Вот какой человек, незаурядный, насмешливый, властный, обладавший какой-то особой внушительностью, смерил взглядом противостоящие группы людей с мечами и разъяренных монахов, заставив все головы повернуться к себе.

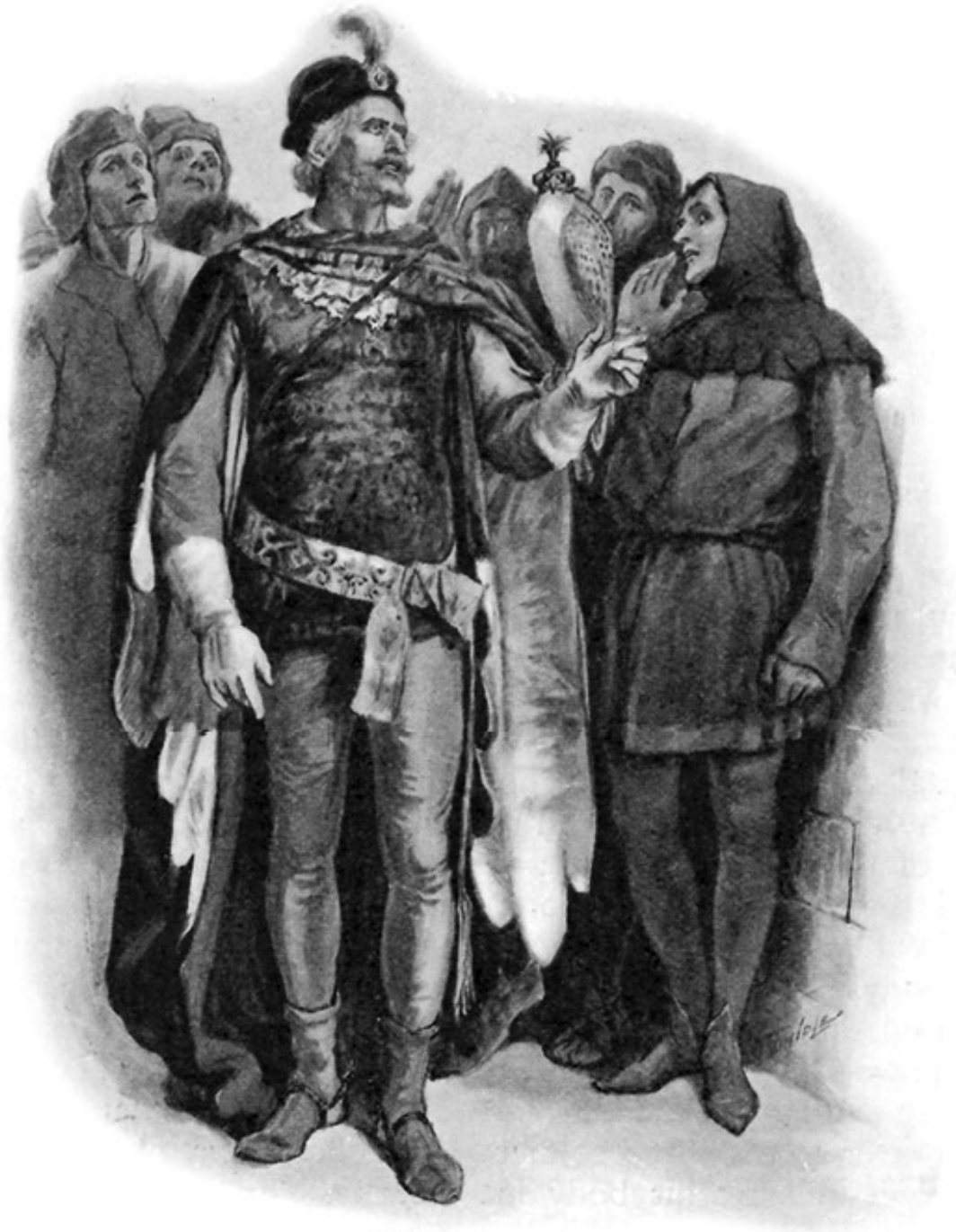
– Excusez! – сказал он, прищепывая, по-французски. – Excusez, mes amies!⁷ Я думал, что отвлеку вас от молитв или праведных размышлений, но никогда еще мне не приходилось видеть под монастырской крышей благочестивых занятий подобного рода, с мечами взамен молитвенников и лучниками взамен послушников. Боюсь, мое появление не ко времени, но я приехал с поручением от того, кто не терпит промедлений.

Аббат да и ключарь тоже успели несколько опомниться и сообразить, что зашли куда дальше, чем намеревались, и что избежать невероятного скандала, сохранив достоинство и доброе имя Уэверли, им будет не так-то просто. А потому, вопреки снисходительной, если не сказать дерзкой, манере держаться, они обрадовались появлению незнакомца и его вмешательству.

– Я аббат Уэверли, сын мой, – сказал прелат. – Если данное тебе поручение касается дел общих, так зала капитула самое подходящее место, дабы сообщить о нем. Если же нет, я приму тебя в своей келье, ибо вижу, что ты высокородный рыцарь и не стал бы без достойного повода нарушать отправление нашего правосудия, тем более в деле, которое, как ты изволил верно заметить, тяжело для мирных служителей Божьих вроде нас, смиренно следующих заветам святого Бернарда.

---

⁷ Извините! Извините, друзья мои! (фр.)

– *Pardieu*⁸, отче аббат! – сказал незнакомец. – Достаточно взглянуть на тебя и твою братию, чтобы увидеть, как мало вам по вкусу это дело. И быть может, оно станет еще меньше вам по вкусу, когда я скажу, что посмею предложить этому, видимо благородному, юноше в окне мою помощь, если эти лучники будут и дальше ему докучать.

От такого прямолинейного предупреждения улыбка аббата исчезла, и брови его насупились.

---

⁸ Еще бы (*фр.*).

– Благородный сэр, если ты и вправду явился сюда с поручением, тебе больше подбало бы изложить его, нежели подстрекать виновного восстать против справедливого приговора суда.

Незнакомец обвел залу насмешливо-вопросительным взглядом:

– Поручение мое не к тебе, отче аббат. А к тому, кто мне неизвестен. Я побывал у него в доме, и меня послали сюда. Зовут его Найджел Лоринг.

– Значит, оно ко мне, благородный сэр.

– Я так и подумал. Я знавал твоего отца, Юстеса Лоринга, и, хотя из него можно было бы выкроить двоих таких, как ты, все же печать его ясно видна на твоём лице.

– Тебе неизвестна суть дела, – вмешался аббат. – Если ты законопослушный человек, то не станешь вмешиваться, ибо сей молодой человек тяжко оскорбил закон, и все верные подданные короля обязаны оказать нам поддержку.

– И вы притащили его сюда, чтобы учинить над ним суд! – воскликнул незнакомец с веселым смешком. – Грачи задумали судить сокола! Видно, судить оказалось легче, чем карать. Позволь сказать тебе, отче аббат, что ты рубишь дерево не по себе. Когда тебе и подобным тебе дали власть судить, то для того лишь, чтобы ты мог унять драчливого слугу или наказать пьяного дровосека, а совсем не затем, чтобы ты хватал того, в чьих жилах течет лучшая кровь Англии, и натравливал на него своих лучников, если он не согласился с твоим приговором.

Аббат не привык выслушивать под крышей своего аббатства столь суровые упреки, произнесенные столь надменно, да еще в присутствии настороживших уши монахов.

– Быть может, тебе придется узнать, что суд аббатства обладает неведомой тебе властью, сэр рыцарь, – сказал он. – Да и рыцарь ли ты? Слишком уж неучтивы твои речи. Прежде чем мы продолжим разговор, могу ли я узнать твое имя и звание?

Незнакомец рассмеялся.

– Да вы и вправду мирные служители Божьи! – произнес он высокомерно. – Во Франции или в Шотландии не нашлось бы воина, который, увидев этот знак на моем щите или знамени, – тут он прикоснулся к эмблеме на своем плаще, – не узнал бы червленую башню Чандоса.

Чандос! Джон Чандос! Украшение английского воинства, зеркало странствующих рыцарей, герой полсотни сражений и стычек, муж, известный и почитаемый повсюду в Европе! Найджел уставился на него, словно ему явилось небесное видение. Лучники в смущении попятнулись, а монахи, наоборот, придвинулись поближе, пожирая глазами героя французских кампаний. Аббат сменил тон, а его сердитое лицо расплылось в улыбке.

– Да, сэр Джон, в нашей мирной обители мы не искушены в рыцарских гербах, – сказал он. – Но как ни толсты наши стены, слава о твоих подвигах проникла и к нам сюда. Коль тебе угодно принять участие в сем юном и сбившемся с пути сквайре, то не нам мешать твоему желанию сотворить добро или отказать в милости, о которой ты ходатайствуешь. И я воистину рад, что он обрел покровителя, в коем найдет для себя во всем благой пример.

– Благодарю тебя за твою любезность, отче аббат, – небрежно ответил Чандос. – Но у сего юного сквайра есть друг получше меня, более милостивый к тем, кого он любит, и более грозный для тех, кто вызвал его гнев. От него-то я и приехал.

– Прошу тебя, благородный, всеми почитаемый сэр, – сказал Найджел, – сообщить мне, что тебе поручено.

– Поручено мне, *mon ami*⁹, передать, что твой друг скоро прибудет в ваши края и хочет переночевать в тилфордском поместье в знак его любви и уважения к вашему роду.

– Наш дом к его услугам, – ответил Найджел, – но от души надеюсь, что солдатская пища и бедный кров придутся ему по вкусу. Мы встретим его всем лучшим, что только у нас есть, но лучшее это очень скромно.

---

⁹ Друг мой (*фр.*).

– Он и вправду солдат, причем из лучших, – сказал Чандос со смехом. – И ему доводилось спать на постелях помягше, чем та, что он найдет у тебя в доме.

– У меня мало друзей, благородный сэр, – произнес Найджел с недоумением. – Прошу, назови мне его имя.

– Эдуард.

– Сэр Эдуард Мортимер, быть может? Из Кента? Или сэр Эдуард Брокас, о котором столько рассказывает леди Эрминтруда?

– Нет. Известен он просто как Эдуард. Ну а если тебе так уж хочется знать, то его родовое имя – Плантагенет. Ибо гостеприимства под твоим кровом ищет твой и мой государь, его величество король Англии Эдуард.

Глава VI

В которой леди Эрминтруда отпирает железный сундук

Эти невероятные, оглушающие слова Найджел выслушал словно во сне. И как во сне он смотрел на улыбающегося, ласкового аббата, на искательно изогнувшегося ключаря и на лучников, которые раздвигали перед ним и королевским посланцем толпу, сгрудившуюся перед дверью капитула. Минуту спустя он уже шагнул рядом с Чандосом по тихой галерее, а впереди за распахнутыми воротами вилась по лугам широкая рыжая дорога. После безумного отчаяния при мысли о бесчестье и темнице, еще недавно леденившей его пылкое сердце, весенний воздух казался еще теплее и душистее. Он уже прошел портал, но тут почувствовал, что его дергают за рукав, и, оглянувшись, увидел открытое загорелое лицо и карие глаза лучника, вступившего за него.

– Ну а мне что ты скажешь, сэр сквайр?

– Что я могу сказать, любезный? Только одно: что благодарю тебя от всего сердца. Клянись святым Павлом! Ты бросился мне на выручку, когда и кровный брат не мог бы сделать для меня больше.

– Э, нет! Этого мало.

Найджел покраснел от досады тем сильнее, что Чандос слушал их разговор с обычной своей насмешливой улыбкой.

– Если ты слышал, что говорилось в суде, – сказал юноша, – то знаешь, как скудно мое имущество. Черная Смерть и монахи совсем разорили наше поместье. Я охотно наградил бы тебя за помощь горстью золотых, ты ведь их просишь? Но золота у меня нет, и потому придется тебе удовольствоваться моей благодарностью.

– На что мне твое золото! – резко сказал Эйлвард. – Да набей ты мой кисет золотыми монетами, мою верность тебе не купить, будь ты мне не по сердцу. Но я видел, как ты сладил с золотистым конем, и я видел, как ты не покорился аббату, и вот такому господину буду рад служить, коли у тебя найдется мне место. Я видел твоих челядинцев и не спорю, в дни твоего деда они, наверное, все были молодцы как на подбор, но кто из них теперь сумеет натянуть тетиву длинного лука? Из-за тебя я бросил службу в аббатстве, так где же мне искать другую? Если я останусь здесь, то мне конец, как истершейся тетиве.

– Ну, пусть это тебя не заботит, – вмешался Чандос. – *Pardieu!* На французской границе всегда есть нужда в крепких, метких лучниках, которые не боятся и самого черта. У меня под знаменем двести таких молодцов, и буду рад увидеть тебя между ними.

– Благодарю тебя, благородный сэр, – сказал Эйлвард. – И я встал бы под твоё знамя без размышлений, потому как слышал, что в битвах оно всегда впереди, а на войне, это и я знаю, тому, кто держится сзади, добычи не видать никакой. А все же если сквайр возьмет меня, то я пойду за пятью розами Лорингов: хоть родился я под Чичестером, но вырос в здешнем краю и здесь научился держать в руках длинный лук. И как свободному сыну свободного держателя, мне сподручней пойти на службу к соседу, чем к чужому.

– Я же объяснил тебе, любезный, – сказал Найджел, – что мне нечем платить тебе за службу.

– Только возьми меня на войну, уж плату я сам раздобуду, – ответил Эйлвард. – А до той поры я у тебя ничего не прошу, кроме местечка за твоим столом да шести футов твоего пола – не то мне в аббатстве заплатят за нынешний день колодками на ноги, чтобы бичу было способней погулять по моей спине. С этого часа Сэмкин Эйлвард твой лучник, сквайр Найджел, и вот этими десятью пальцами клянётся, что ты об этом никогда не пожалеешь, а не то пусть его тут же дьявол унесет! – С этими словами он поднес руку к каске, закинул длинный

лук за спину и, почтительно пропустив своего нового господина перед собой, последовал в нескольких шагах позади.

– *Pardieu!* Я приехал *à la bonne heure*¹⁰, – сказал Чандос. – Я прискакал из Виндзора, но нашел твой дом пустым, если не считать благородной и очень величественной старой дамы. Она поведала мне о твоих невзгодах, я прогулялся до аббатства и успел как нельзя более кстати: длинные стрелы для твоей плоти, колокольный звон, молитвенник и свечи для твоей души сулили мало хорошего... Но если зрение меня не обманывает, это сама благородная дама.

И правда, из двери господского дома им навстречу вышла леди Эрминтруда, согбенная, исхудалая, опирающаяся на клюку, и все-таки внушающая почтение. Узнав о конфузе, каким завершился суд, она разразилась кудахтающим смехом, погрозила клюкой высоким стенам аббатства за рекой и проводила именитого гостя в залу, где его уже ждало лучшее угощение, какое она только могла собрать. В ее собственных жилах текла кровь Чандосов, прослеживаемая через де Греев, де Мултонов, де Валенсов, де Монтегю и прочее ее высокое и благородное родство; во всяком случае, обед был уже съеден и со стола убрано, когда она наконец завершила свои розыски, обозначила все степени родства и свойства и перечислила рассечения, столбы, косоугольники, фигуры обремененные и не обремененные, а также клейноды в родовых гербах, указывающие на общих предков. Ведь леди Эрминтруда знала каждую веточку, каждый бутон любого фамильного древа, восходящего ко времени Нормандского завоевания да и к более ранним временам.

---

¹⁰ Вовремя (*фр.*).

Однако всему наступает конец, и когда они остались в зале втроем, Чандос сообщил ей причину своего приезда.

– Король Эдуард никогда не забывал благородного рыцаря сэра Юстеса, твоего сына, – сказал он. – На той неделе он отправляется в Саутгемптон, и я его гонец. Он повелел известить тебя, высокородная досточтимая дама, что будет ехать не спеша и, побывав в Гилфорде, переночует в твоём доме.

Слушая его, леди Эрминтруда гордо порозовела, но тут же ее лицо вновь стало бледным от горечи.

– Воистину это великая честь для дома Лорингов, – сказала она, – но ты сам видишь, каким убогим стал наш кров, как скудно наше угощение. Королю неизвестно, как мы обеднели, и я боюсь, не сочтет ли он нас скупыми невежами.

Чандос поспешил рассеять ее опасения. Королевская свита сразу же отправится дальше в замок Фарнем. Королева и ее дамы в этой поездке короля не сопровождают. А сам король – закаленный воин и умеет быть неприхотливым. Да и как бы то ни было, раз он известил их о своем намерении, у них нет иного выхода, кроме как сделать все, что в их силах. В заключение Чандос со всевозможной деликатностью сказал, что его кошелек к их услугам. Но леди Эрминтруда уже обрела обычное спокойствие.

– Нет, любезный родич, сие не подобает, – сказала она. – Я приготовлю для короля все, что будет мне по силам. Он же вспомнит, что Лоринги, пусть у них больше ничего нет, всегда отдавали в его распоряжение свою жизнь и кровь.

Чандос намеревался в этот же день захватить в замок Фарнем, а оттуда отправиться дальше, однако изъявил желание принять в Тилфорде горячую ванну. Подобно большинству своих собратьев-рыцарей, он обожал нежиться в воде, нагретой настолько, что непривычный человек не пролежал бы в ней и полминуты. Тотчас в покой для гостей принесли ванну – стянутую обручами широкую кадуюшку, и Чандос пригласил Найджела составить ему компанию, пока он будет отмывать и прогревать свои кости.

Найджел примостился на краю высокой постели и, болтая ногами, взирал с любопытством и изумлением на насмешливое лицо, всклокоченные лимонные волосы и жилистые плечи прославленного бойца за колышущейся завесой пара. Чандос был в разговорчивом настроении, и Найджел с жадностью засыпал его тысячами вопросов о войнах, впивая каждое слово, доносившееся до него из клубящихся облаков, точно вещания древних оракулов. Да и Чандос, ветеран, давно уже видевший в войне лишь привычное дело, словно вновь обрел пыл своей далекой юности, отвечая на торопливые вопросы Найджела и наблюдая, с каким восхищенным вниманием тот выслушивает ответы.

– Расскажи мне про жителей Уэльса, благородный сэр! – воскликнул сквайр. – Какие они воины?

– Весьма отважные, – ответил Чандос, плещась в кадуюшке. – Если поехать в их долины с небольшим отрядом, можно отвести душу в недурных стычках. Они вспыхивают, точно вереск, но если ты сумеешь устоять против жара этого пламени, глядишь, оно и поугаснет.

– Ну а шотландцы? – не отступал Найджел. – Ты ведь и с ними воевал, как рассказывали.

– Шотландским рыцарям равных в мире не сыскать, и тому, кто сумеет продержаться против лучших из них, будь то Дуглас, Мэррей или Ситон, больше уже учиться нечему. Какой бы ты ни был закаленный боец, а поедешь на север и непременно повстречаешь бойца не хуже. Если уэльсцы подобны вересковому пожару, то – *pardieu!* – шотландцы – это торф, ибо они тлеют, и конца этому нет. Я провел много счастливых часов на шотландской границе: ведь даже в мирное время оливки Перси или комендант Карлайла всегда найдут, из-за чего повздорить с пограничными кланами.

– Помнится, отец говаривал, что копейщики у них редкостные.

– Лучшие в мире. Копья длиной в двенадцать футов, и держат они их одно к одному. А вот лучники у них скверные, не считая уроженцев Этрика и Селкерка, которые растут в лесах. Прошу тебя, Найджел, открой ставень, а то пар стал уж слишком густым. А вот в Уэльсе слабы копейщики, зато на наших островах не отыщутся другие такие лучники, как уроженцы Гвента. Луки они делают из вяза и пускают стрелы с такой силой, что я сам видел, как под

одним рыцарем стрела убила лошадь, пробив прежде его кольчужный налядвенник, бедро и седло. Но чего стоит самая грозная стрела в сравнении с нынешней новинкой – железными шарами, которые вспыхнувший огненный порошок швыряет так, что они сокрушают грудь под панцирем, точно камень – куриное яйцо? Наши отцы про такое и не слышали.

– Тем лучше для нас! – вскричал Найджел. – Ибо нам дано свершать благородные подвиги, прежде неведомые!

Чандос расхохотался и посмотрел на раскрасневшегося юношу с чуть насмешливым сочувствием.

– Твоя манера выражаться, – заметил он, – напоминает мне стариков, которых я знал мальчиком. В те дни дух истинных странствующих рыцарей еще не совсем угас, и говорили они, как ты сейчас. Хоть ты и молод, но принадлежишь иному веку. Откуда у тебя такие мысли и слова?

– У меня была только одна наставница. Леди Эрминтруда.

– *Pardieu!* Она выпестовала прекрасного соколенка, готового бить королевскую добычу, – сказал Чандос. – Я рад буду снять с тебя клубочок на первой твоей охоте. Хочешь поехать со мной на войну?

На глаза Найджела навернулись слезы, и он горячо сжал протянутую ему сквозь пар худую руку.

– Клянусь святым Павлом! О каком счастье мог бы я еще просить? Но я страшусь покинуть бабушку, ведь о ней некому заботиться, кроме меня. Но если бы можно было...

– Власть короля велика. Довольно об этом, пока он не прибудет сюда. Но если ты хочешь поехать со мной...

– Кто этого не захотел бы? Найдется ли в Англии хоть один сквайр, кто не пожелал бы стать оруженосцем Чандоса и служить под его знаменем! А куда ты отправляешься, благородный сэр? И когда? В Шотландию? В Ирландию? Во Францию? Но, увы...

Радостное лицо омрачилось. На мгновение Найджел забыл, что необходимое снаряжение было ему по карману не больше, чем золотая посуда. И во мгновение ока все его радужные надежды разлетелись вдребезги. Ах уж эти материальные заботы, встающие между нашими мечтами и их осуществлением! Разумеется, оруженосец такого рыцаря должен быть одет и вооружен так, чтобы ни перед кем не ударить лицом в грязь. А даже всего дохода, приносимого Тилфордом, едва ли хватило на сносные доспехи.

Проницательный и многоопытный Чандос сразу догадался о причине такой перемены.

– Если ты будешь сражаться под моим знаменем, то вооружить тебя обязан я, – сказал он. – И слушать ничего не хочу!

Однако Найджел грустно покачал головой:

– Это невозможно. Леди Эрминтруда скорее продаст и наш дом, и всю землю, еще оставшуюся у нас, чем позволит мне принять твой щедрый и милостивый дар. Но я не отчаиваюсь. Лишь на прошлой неделе я обзавелся благородным боевым конем, который достался мне даром, так, может быть, и доспехи будут мне ниспосланы таким же образом.

– Откуда же у тебя конь?

– Его мне отдали уэверлийские монахи.

– Что за чудо! *Pardieu!* Судя по тому, что мне довелось увидеть, они для тебя расщедрились бы разве что на проклятия!

– Конь не был им нужен, вот они и отдали его мне.

– Следовательно, остается просто отыскать кого-то, кому не нужны доспехи, чтобы он отдал их тебе. Однако надеюсь, ты передумаешь и, раз уж твоя достойнейшая бабушка доказала, что мы в родстве, разрешишь мне снарядить тебя на войну.

– Благодарю тебя, милорд, и если уж я должен буду просить помощи, то, конечно, обращаюсь к тебе. Но только сначала испробую другие способы. А пока, добрый сэр Джон, молю,

расскажи мне что-нибудь о твоих славных поединках с французами. Ведь вся страна восхваляет твои подвиги, и я слышал, что твое копьё за одно утро выбило из седла трех могучих рыцарей. Так оно и было?

– Да. Что и доказывают вот эти шрамы на моем теле. Глупые безумства моей юности, и ничего более.

– Как можешь ты называть их глупыми безумствами? Разве не такими подвигами можно обрести заслуженную честь и прославить свою даму?

– Тебе и положено так думать, Найджел. В твоём возрасте подобает иметь горячую голову и неустрашимое сердце. Вот и я был таким – сражался за перчатку моей дамы или во исполнение обета, а то и просто из любви к поединкам. Но с возрастом, когда ты ведешь на битву других, начинаешь думать иначе – не столько о своей чести, сколько о безопасности всего войска. Не твое копьё, не твой меч, не твоя сильная рука решат ее исход, и победу в почти проигранном сражении всего чаще приносит холодный рассудок. Тот, кто знает, когда его конники должны атаковать и когда им следует сражаться спешившись, тот, кто умеет расположить своих лучников и своих жандармов так, чтобы они поддерживали друг друга, тот, кто способен хорошо укрыть засадные отряды и бросить их в бой в решающую минуту, тот, кто держит в уме все болота и овраги вокруг, – вот человек, который куда нужнее войску, чем Роланд, Оливер и все остальные паладины Карла Великого.

– Благородный сэр, если его рыцари не блеснут доблестью, из самых обдуманных его планов ничего не выйдет.

– И то верно, Найджел. А потому пусть каждый оруженосец отправляется на войну с душой такой же огненной, как твоя. Однако дольше медлить я не могу, поручения короля должно исполнять в срок. Одевшись, я прощусь с благородной леди Эрминтрудой и отправлюсь в Фарнем. Но ты снова увидишь меня здесь в тот день, когда сюда прибудет король.

К вечеру Чандос уже неторопливо ехал по мирным сельским дорогам и наигрывал на лютне, потому что любил музыку и славился умением петь веселые песни. Заслышав звучный голос, то повышавшийся, то понижавшийся в лад звенящим струнам, крестьяне выходили из своих хижин, смеялись и хлопали в ладоши. Мало кто из видевших его мог бы догадаться, что этот странный одноглазый всадник с лимонными волосами на самом деле – самый закаленный боец и самый хитрый военачальник во всей Европе. Только раз, когда он въехал в Фарнем, к нему подбежал одетый в лохмотья, весь израненный ветеран, радуясь, как верный пес, увидевший хозяина. Чандос бросил ему ласковое слово вместе с золотой монетой и направил коня к замку.

Тем временем Найджел и леди Эрминтруда, оставшись наедине, растерянно смотрели друг на друга.

– Погреб почти пуст, – сказал Найджел. – Бочка пива да бочонок канарского вина. Не королю же и его свите пить такое!

– Нам нужны вина из Бордо. А если он только переночует, то теленка пестрой коровы, кур и гусака достанет, чтобы приготовить пристойный ужин. Но сколько с ним будет людей?

– Десятеро, не меньше.

Старуха в отчаянии заломила руки.

– Милая бабушка, не терзайте так свое сердце! – сказал Найджел. – Нам стоит только слово молвить, и король остановится в аббатстве, где его и придворных попочтуют как надлежит.

– Ни за что! – вскричала леди Эрминтруда. – Мы навеки покроем себя стыдом и позором, если позволим королю проехать мимо нашего дома, после того как он милостиво пожелал войти в него. Нет, решено! Не думала я, что буду когда-нибудь вынуждена это сделать, но я знаю, таково было бы его желание, и я сделаю это!

Она подошла к железному сундуку, сняла с пояса связку ключей, выбрала самый маленький и отперла замок. Взвизгнули заржавевшие петли, свидетельствуя, как редко откидывала она крышку, чтобы заглянуть в неприкосновенные недра своей сокровищницы. Сверху лежали останки бывших нарядов: шелковый плащ, расшитый золотыми звездами, серебряная сетка для волос, сверток венецианских кружев. Под ними покоились завернутые в шелковые лоскутки мужская охотничья перчатка, детский башмачок, выцветшая зеленая лента, завязанная «узлом любви», несколько писем, написанных большими корявыми буквами, и платок с ликом святого Томаса. Старуха с благоговейной нежностью отложила их в сторону и достала с самого дна три укутанных в шелк предмета, развернула их и положила на стол кованный золотой браслет, усаженный неограниченными рубинами, золотой поднос и высокий кубок, тоже из золота.

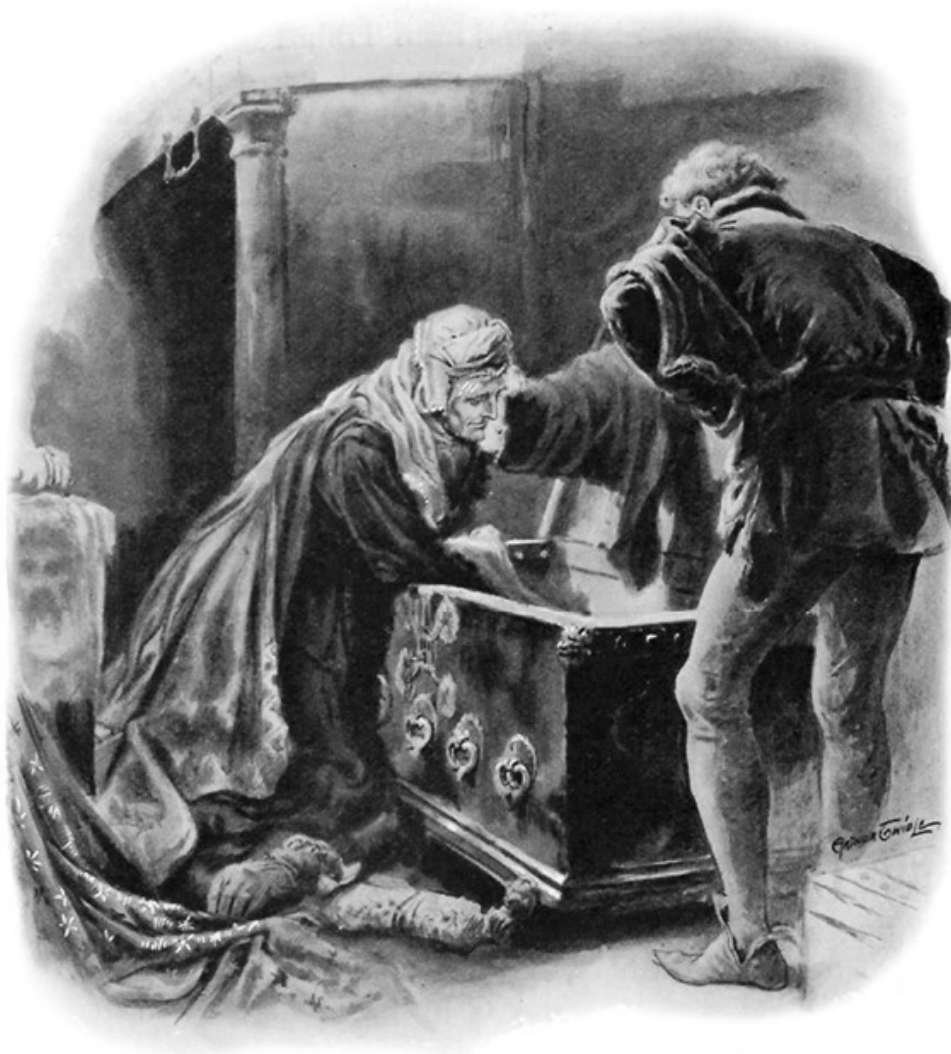
– Ты слышал о них от меня, Найджел, но видишь в первый раз, ибо я не открывала сундук из страха, что наша великая нужда соблазнит нас превратить их в звонкую монету. Я прятала их подальше от моих глаз и от моих мыслей. Но теперь во имя чести нашего дома мы должны расстаться с ними. Кубок этот мой муж, сэр Ниил Лоринг, получил после взятия Белграда, когда он и его товарищи от обедни до вечерни сражались на турнире с цветом французского рыцарства. Поднос подарил ему граф Пемброк на память о его доблести на Фолкерском поле.

– А браслет, милая бабушка?

– Ты не станешь смеяться, Найджел?

– Нет. И с какой стати?

– Браслет был наградой Царице Красоты, и его в присутствии всех высокородных английских дам преподнес мне сэр Ниил Лоринг за месяц до нашей свадьбы. Царица Красоты – я, Найджел, такая сгорбленная и морщинистая. Пятерых храбрых рыцарей выбило из седла его копье – вот так он добыл для меня эту безделку. И теперь, на исходе моих земных дней...

– Нет, нет, милая бабушка! С ним мы не расстанемся!

– Так надо, Найджел. Он бы этого пожелал. Я словно слышу его голос. Честь была для него всем, а прочее он не ставил ни во что. Возьми браслет, Найджел, и поскорее, не то моя решимость ослабеет. Завтра ты поедешь в Гилфорд к золотых дел мастеру Торольду и выручишь за все это столько денег, сколько нам требуется, дабы оказать королю достойный прием.

Она отвернулась к сундуку, чтобы скрыть, как дрожат ее сморщенные губы, и лязг захлопнувшейся железной крышки заглушил вырвавшееся у нее горестное рыдание.

Глава VII

Как Найджел поехал торговаться в Гилфорд

Когда рано поутру Найджел выехал из Тилфорда, яркое июньское солнце уже озаряло дорогу в Гилфорд. Сердце его наполнилось беспричинной радостью, рожденной юностью и чудесным временем года. Могучий золотистый конь весело гарцевал под ним, разделяя беззаботное настроение своего господина. Во всей Англии вряд ли нашлась бы другая такая бодрая и счастливая пара. Песчаная дорога вилась то по ельникам, где веяло сладким смолистым духом, то среди вересковых холмов, уходивших к небу на север и на юг, – крутых и безлюдных, ибо на бесплодной почве верхних склонов мало что росло, да и воды там почти не было. Найджел проехал круксберийский выгон, а затем обширные путтенемские вереска, где свернул на полускрытую папоротником и дроком песчаную тропу, выведившую к Пути Паломников там, где эта древняя дорога поворачивала на восток от Фарнема и Сила. То и дело рука его нащупывала седельную сумку, потому что в нее, проверив, насколько надежно она приторочена, он бережно уложил бесценные сокровища леди Эрминтруды. Глядя на могучую светло-рыжую шею перед собой, ощущая свободные движения могучего коня, слушая приглушенный песком перестук его копыт, юноша готов был петь и кричать от радости бытия.

Позади него на бурой лошаденке, которая прежде носила на себе Найджела, ехал Сэмкин Эйлвард, лучник, взявший на себя обязанности слуги и телохранителя молодого сквайра. Его широкоплечая крепкая фигура, казалось, вот-вот совсем придавит к земле низкорослую клячу, но он беззаботно трусил на ней, насвистывая задорную песенку, с таким же легким сердцем, как и Найджел. Все крестьяне кивали веселому лучнику, а крестьянки улыбались ему, и он не столько смотрел вперед, сколько оглядывался назад на каждое смазливое личико. Только один раз встречный обошелся с ним не столь приветливо. Это был высокий, седой, краснолицый мужчина, с которым они поравнялись на вересковой пустоши.

– День добрый, батюшка! – воскликнул Эйлвард. – Ну, как там в Круксбери? И черная новая коровушка, и ярочки из Элтона? И Мэри, молочница, и вся твоя снасть?

– Не тебе бы спрашивать, бездельник! – ответил тот. – Ты прогневил уэверлийских монахов, а я усадьбу держу от них, и они меня сгонят с моей земли. Ну да срок выйдет через три года, и уж я останусь до его конца, как бы они меня ни выживали. Только кто бы мне раньше сказал, что из-за тебя, Сэмкин, я свою усадьбу потеряю! Хоть ты и такой верзила вымахал, я бы повыбил пыль добрым ореховым прутом из этой вот зеленой куртки, попадись ты мне в Круксбери!

– Завтра, батюшка, и повыбьешь. Я утром загляну тебя проведать. А в Уэверли ты бы на моем месте то же самое сделал или что-нибудь почище. Ну-ка ответь мне, старый ты сорвиголова, и ответь по-честному, стоял бы ты сложа руки и смотрел бы, как последнего Лоринга – вон он едет, веселый и радостный, – так смог бы ты смотреть сложа руки, как по приказу жирного монаха в него пускают стрелу прямо у тебя на глазах? Скажешь, смог бы? Тогда я от тебя отрекаюсь, и ты мне больше не отец!

– Погоди, Сэмкин! Коли дело так было, ты, выходит, не очень уж и виноват. Только горько терять старую нашу усадьбу. Я же сердцем прикипел к доброй этой земле.

– Да о чем ты? Еще три года впереди, а за такое время чего не случится! Я вот на войну отправлюсь, взломаю один-два французских сундука, ты выкупишь усадьбу вместе с землицей, и будет аббат Джон со своими управителями тебе не указ. Чем я хуже Тома Уитсеффа из Чурта? А он через полгода вернулся с кисетом, битком набитым французским золотом, и под ручку с двумя французскими девицами!

– Господи, избави нас от девиц, Сэмкин! А вот денег ты можешь нагрести не меньше всякого, кто побывал на войне. Только поторопись, мальй, поторопись! Вон твой господин уже за гребень спустился.

Лучник помахал отцу рукой в перчатке, ударил каблуками лошадку и вскоре поравнялся со сквайром, который, оглянувшись, придержал коня.

– Верно ли я слышал, лучник, – спросил Найджел, – будто в здешних местах появился разбойник?

– Это так, благородный сэр. Был он вилланом сэра Питера Мандевилла, но сбежал от него в леса. Его прозвали Путтенемским Лесовиком.

– А почему его до сих пор не изловили? Если он разбойник и грабитель, избавить здешний край от такого злодея дело благое.

– Из Гилфорда дважды посылали стражников ловить его, но у лиса много нор, и выкурить его из них очень нелегко.

– Клянусь святым Павлом! Если бы мне не нужно было торопиться, я бы попробовал его отыскать. А где он прячется?

– За Путтенемом тянется большое болото, а по ту его сторону есть пещеры. В них он и укрывается со своими людьми.

– Значит, у него есть шайка?

– Да, он там не один.

– Это был бы славный подвиг! – промолвил Найджел. – Когда король уедет от нас, мы потратим денек на путтенемских разбойников. А нынче, боюсь, нам с ними не переведаться.

– Они подстерегают паломников на Винчестерской дороге, а люди в здешних краях их любят, потому что тут они никого не трогают и за помощь платят щедро.

– Легко быть щедрым, когда деньги у тебя краденые, – заметил Найджел. – Но, думается мне, вряд ли они посмеют напасть на двух воинов с мечами у пояса вроде нас с тобой, и, значит, нам они навстречу не попадутся.

Тем временем они миновали безлюдные вересковые пустоши и ехали теперь по большой дороге, по которой паломники с запада Англии добирались до национального святилища в Кентербери. Дорога эта от Винчестера вела по красивой долине Итчен до Фарнема, где разветвлялась на две: первая тянулась по гряде, носившей название Кабаньей Спины, а вторая уходила на юг к холму Святой Екатерины, где и посейчас видны серые развалины, которые в давние времена были величественным и богатым святилищем, куда отовсюду стекались паломники. На эту вторую дорогу и свернули Найджел с Эйлвардом, торопясь в Гилфорд.

Попутчиков у них не оказалось, зато они встретили большую толпу паломников, возвращавшихся домой, – к их шапкам были прикреплены изображения святого Томаса, раковины улиток и маленькие оловянные фляжки, а на спине они несли узелки с покупками. Чумазые, обносившиеся в дороге, вид они имели довольно плачевный. Мужчины шли пешком, женщины ехали на ослах. И люди, и ослы уныло брели вперед, словно больше всего им хотелось поскорее добраться домой. Потом до деревни Путтенем они больше никого не видели, если не считать двух-трех бродячих менестрелей да нищих, сидевших у дороги в надежде выклянчить медную монетку у сострадательного прохожего.

Солнце припекало уже очень сильно, ветер гнал клубы пыли, и сквайр и лучник с удовольствием промочили глотку кружкой эля в придорожной харчевне, где смазливая хозяйка простилась с Найджелом очень холодно, потому что он остался равнодушным к ее чарам, чего никак нельзя было сказать об Эйлварде, которого она наградила полновесной пощечиной.

По ту сторону Путтенема дорога вела через густой лес, где под могучими дубами и буками густо разрослись папоротник и ежевика. Там им встретился дозор – крепкие молодцы, одетые в кожаные шапки и панцири, усаженные металлическими бляхами. Вооружены они были мечами и копьями и вели на поводу отличных коней, держась тенистой стороны дороги. При виде двух всадников они остановились и спросили, не напал ли на них кто-нибудь.

– Поберегитесь, – добавил один. – Путтенемский Лесовик и его жена вышли на промысел. Вчера они убили купца, ехавшего с запада, и забрали сто золотых монет.

– Его жена?

– Да. Она с ним не расстается и много раз выручала его, когда ему грозила беда. Если он берет силой, так она – хитростью. Рад буду, когда увижу поутру, как их головы скатятся на зеленую траву.

Дозор направился к Фарнему – как оказалось, в противоположную сторону от разбойников, которые, без сомнения, следили за ними из кустов, окаймлявших дорогу. За ее поворотом Найджел и Эйлвард увидели высокую грациозную женщину: сидя на пригорке над дорогой, она горько плакала и ломала руки. При виде несчастной красавицы Найджел пришпорил Бурелета и подскакал к ней.

– Что тебя удручает, прекрасная дама? – спросил он. – Не могу ли я оказать тебе хотя бы малую услугу? Или паче чаяния нашелся столь жестокосердный негодяй, что причинил тебе зло?

Красавица встала и обратила на него взор, полный мольбы и надежды.

– О, спасите моего злополучного отца! – вскричала она. – Быть может, вам повстречались стражники? Они обогнали нас и, боюсь, ускакали уже далеко!

– Да, они отправились дальше, но мы их можем заменить.

– Так поспешите же, поспешите, молю вас! Быть может, в эту минуту они его убивают! Они утащили его вон в ту чащу. Я слышала его голос, но он умолк в отдалении. Поторопитесь, молю!

Найджел спрыгнул на землю и бросил поводья Эйлварду.

– И я с тобой! Сколько было грабителей, госпожа?

– Двое силачей.

– Значит, нам нельзя разделяться, сквайр.

– Иного выхода нет, – возразил Найджел. – Через такую чащу лошадям не пробраться, а оставить их у дороги одних мы не можем.

– Я их постерегу, – предложила красавица.

– Бурелета удержать не просто. Оставайся здесь, Эйлвард, пока я тебя не позову. Ни шагу за мной, я тебе приказываю!

С этими словами Найджел, радостно предвкушая редкое приключение, выхватил меч и быстро скрылся в чаще.

Он бежал долго и быстро от поляны к поляне, продираясь сквозь кусты, перепрыгивал через колючие плети ежевики, легкий на ногу, как молодой олень, оглядываясь по сторонам, напрягал слух, но различал только воркование горлиц. Но не останавливался, подгоняемый мыслью о плачущей красавице у него за спиной и о плененном старце впереди. Только совсем запыхавшись и сбив ноги, он наконец остановился, прижал руку к боку и вспомнил, что у него есть свое дело и нужно ехать дальше в Гилфорд.

Тем временем Эйлвард нашел свой грубоватый способ утешить красавицу, которая продолжала рыдать, прижавшись щекой к седлу Бурелета.

– Да утри глазки, лапушка, – сказал он. – Гляжу я на тебя, и вот-вот у самого слезы потекут ручьем.

– Увы, добрый лучник, он был лучшим из отцов! Такой добрый, такой заботливый! Будь ты с ним знаком, ты не мог бы не полюбить его.

– Ну-ну, ничего плохого с ним не случится. Сквайр Найджел вернет его тебе целым и невредимым.

– Нет, нет! Больше я его уже не увижу! Поддержи меня, лучник, или я упаду.

Эйлвард охотно обвил рукой гибкий стан. Бедняжка положила руку ему на плечо и прильнула к нему, но глаза на бледном лице смотрели куда-то мимо, и вспыхнувший в них жадный огонек, злорадное торжество и жестокая радость внезапно предупредили лучника о грозной опасности. Он оттолкнул ее и отскочил в сторону, только-только избежав сокрушительного удара дубиной, которую сжимал в обеих руках верзила, еще более высокий и широкий в пле-

чах, чем он сам. Перед ним мелькнули свирепо стиснутые крупные белые зубы, растрепанная борода, сверкающие, как у дикого зверя, глаза, и в следующий миг он бросился на врага, поднырнув под снова занесенную страшную дубину.

Обхватив плотное туловище разбойника, уткнувшись головой в его косматую бороду, Эйлвард давил, пытался, нажимал. Сплетенные в тесном объятии, они боролись на пыльной дороге, и призом победителю была жизнь. Дважды могучий разбойник чуть было не опрокинул Эйлварда, и дважды более молодой и ловкий лучник сумел удержаться на ногах и не ослабил хватки. А затем наступил его черед. Заведя ногу под колено противника, он мощным рывком опрокинул его. С хриплым криком разбойник упал на спину и не успел еще коснуться земли, как Эйлвард уперся коленом ему в грудь, а свой короткий меч погрузил ему в бороду, приставив острие к горлу.

– Клянусь десятью моими пальцами! – пропыхтел он. – Только шевельнись, тут тебе и конец!

Впрочем, тот лежал неподвижно, потому что падение его оглушило. Эйлвард посмотрел по сторонам, но женщины нигде не было видно. Дубина только опускалась в первый раз, когда она уже скрывалась за деревьями. Лучника одолел внезапный страх: а что, если его юного господина заманили в гибельную ловушку? Но его дурные предчувствия тут же и рассеялись: по дороге к нему бежал Найджел, вышедший на нее много дальше.

– Клянусь святым Павлом! – крикнул он. – Кого это ты придавил к земле? И где дама, оказавшая нам честь, попросив у нас помощи? Увы, мне не удалось найти ее отца!

– Тем лучше для тебя, благородный сэр, – сказал Эйлвард, – ибо сдается мне, что батюшка ее сам дьявол. По-моему, она жена Путтенемского Лесовика, а это сам Лесовик, который подобрался ко мне, чтобы раскроить мою голову дубиной.

Разбойник уже открыл глаза и угрюмо переводил взгляд со своего победителя на ново-пришедшего.

– Везучий ты человек, стрелок, – сказал он. – Со многими мне доводилось бороться, но никому еще не удавалось меня повалить.

– Да уж, хватка у тебя медвежья, – согласился Эйлвард. – Однако трусливая это штука подослать жену, чтобы она меня держала, пока ты размозжишь мне голову! И уж вовсе злодейство заманивать путников в ловушку, умоляя их о жалости и помощи, так что мы чуть было не погибли из-за собственного мягкосердечия. И тот, кто вправду будет нуждаться в нашей помощи, теперь ее не получит из-за твоих грехов.

– Когда против тебя весь свет, – пробурчал разбойник, – то воюешь с кем и как можешь.

– Ты заслуживаешь петли хотя бы за то, что обрек на такую жизнь эту женщину, прекрасную и красноречивую, – сказал Найджел. – Давай-ка привяжем его за руку к моему стремя, Эйлвард, и отведем в Гилфорд.

Лучник вытащил из колчана запасную тетиву и связал разбойника, как ему было сказано, но тут Найджел внезапно испустил испуганный крик:

– Пресвятая Дева Мария! Где седельная сумка?

Сумка была срезана острым ножом. С седла свисали только остатки ремня. Эйлвард и Найджел в отчаянии уставились друг на друга. Молодой сквайр сжал кулаки, а потом начал горестно дергать себя за золотые кудри.

– Браслет леди Эрминтруды! Кубок моего деда! – восклицал он. – Что я ей скажу? Я не могу вернуться домой, пока не отыщу их. Ах, Эйлвард, Эйлвард! Как ты допустил, чтобы их похитили?

Простодушный лучник сдвинул каску на затылок и запустил пятерню в спутанные волосы.

– Откуда же мне было знать? Ты ведь не сказал, что везешь в сумке дорогие вещи, не то я бы глаз с нее не спускал. Вот что! Срезал ее не этот душегуб: как мы с ним схватились, я его из рук не выпускал. Значит, его женщина сбежала с сумкой, пока мы боролись.

Найджел растерянно расхаживал взад и вперед.

– Я бы за ней на край света отправился, зная бы только куда! Но в лесу этом ее отыскать не легче, чем мышь в пшеничном поле. Святой Георгий, победитель дракона, заклинаю тебя этим славным рыцарским подвигом, помоги мне! И ты, святой Юлиан, добрый покровитель всех путников, укрывающий их от бед. Две свечи будут гореть в твоей готалмингской часовне, если ты вернешь мне мою седельную сумку. Я все отдам, лишь бы она снова была у меня.

– А мою жизнь ты мне отдашь? – спросил разбойник. – Обещай отпустить меня, и она снова будет у тебя, если ее и взаправду унесла моя жена.

– Нет, этого я не могу, – ответил Найджел. – Тут дело пойдет о моей чести. Ведь сумка только мне принадлежит, а тебя отпустить – значит причинить вред многим людям. Клянусь

святым Павлом! Недостойно я поступлю, если свое добро себе верну, а тебя отпущу грабить других.

– Хорошо, не отпускай, – сказал Лесовик. – Только обещай, что мне сохранят жизнь, и получишь свою сумку целой и невредимой.

– Как же я обещаю, раз решать будут гилфордский шериф и судьи?

– Но ты замолвишь за меня слово?

– Это я обещать могу, если получу свою сумку. Только не знаю, много ли толку будет от моего заступничества. Но все это пустые разговоры. Ты же не думаешь, будто мы настолько глупы, что отпустим тебя принести сумку назад?

– Я и не прошу, – ответил Лесовик. – Вернуть ее тебе я могу и не сходя с места. Клянешься ли ты своей честью и всем, чем дорожишь, что попросишь меня пощадить?

– Клянусь!

– И обещаешь, что мою жену отпустишь сразу?

– Да.

Разбойник откинул голову и испустил протяжный волчий вой. На несколько мгновений воцарилась тишина, а затем в лесу совсем близко раздался такой же вой. Вновь Лесовик испустил свой призыв, и вновь донесся тот же ответ. На третий раз из его уст вырвался трубный звук, словно в зеленом лесу звал свою подругу олень. Зашуршали кусты, захрустел валежник, и перед ними появилась та же высокая грациозная красавица. Не глядя ни на Эйлварда, ни на Найджела, она кинулась к мужу.

– Возлюбленный господин моего сердца! – вскричала она. – Они тебя не ранили? Я ждала у старого ясеня, и душа у меня изболелась, потому что ты все не шел.

– Меня наконец схватили, жена.

– Пусть будет проклят этот день! Добрые, милостивые господа, не отнимайте его у меня!

– Они заступятся за меня в Гилфорде, – сказал Лесовик. – Так они поклялись. Но сначала отдай сумку, которую унесла.

Красавица тотчас извлекла ее из складок широкого плаща.

– Вот она, благородный господин! Правду сказать, не по душе мне было брать ее: ты ведь сжалился надо мной в моей беде. Но теперь ты видишь, что меня на самом деле постигла горчайшая беда. Так неужели ты не сжалишься? Смилуйся над нами, благородный сэр! На коленях молю тебя, добрый сквайр.

Найджел крепко сжал сумку и, к великой своей радости, убедился, что его сокровища целы.

– Я дал обещание, – сказал он. – И буду ходатайствовать за него, но решать другим. Прошу тебя, встань, ведь ничего больше я обещать не могу.

– Значит, мне придется довольствоваться этим, – сказала она, поднимаясь с колен, и лицо ее обрело спокойствие. – Я молила тебя о милосердии, и ничего более сделать я не в силах. Но прежде чем я вернусь в лес, позволь дать тебе совет, чтобы ты опять не лишился этой сумки. Знаешь ли, добрый лучник, как я ее срезала? Это ведь очень просто и может снова случиться, а потому я покажу тебе свой способ. У меня в рукаве был вот этот ножик: он маленький, но очень острый. Я сбросила его в руку – вот так. Потом я притворилась, будто плачу, прижалась щекой к седлу и разрезала ремень вот так...

Во мгновение ока она рассекла ремень стремени, к которому был привязан ее муж, он нырнул между ногами коня и ужом проскользнул в кусты. Бурелет, которого он успел ударить кулаком в брюхо, оскорбленно вздыбился, Найджел и Эйлвард повисли на поводьях, стараясь его удержать. Когда он успокоился, Лесовика и его жены давно уже след простыл. Тщетно Эйлвард, наложив стрелу на тетиву, рыскал среди толстых стволов и оглядывал тенистые поляны. В конце концов он вернулся к своему господину ни с чем, и они обменялись пристыженными взглядами.

– Авось воины из нас получатся лучше, чем тюремщики, – буркнул лучник, садясь на свою лошадку.

Но хмурое лицо Найджела уже осветила улыбка.

– Во всяком случае, мы вернули себе то, что потеряли, – сказал он. – Я привяжу ее к седлу перед собой и глаз с нее не спущу, пока мы благополучно не доберемся до Гилфорда.

И они затрусили вперед, миновали часовню Святой Екатерины, вновь перебрались вброд через петляющий Уэй и въехали на крутую улицу, над которой почти смыкались выступающие верхние этажи домов. Слева они увидели монашеский странноприимный дом, где и теперь еще можно выпить кружку доброго эля, а справа встал замок с квадратным донжоном – не серые угрюмые развалины, как нынче, но грозный и бдительный. По ветру реяло расшитое полотнище знамени, а между зубцами парапета поблескивали железные каски часовых. От ворот замка до главной улицы тянулись ряды лавок, и третья от церкви Святой Троицы принадлежала Торольду, золотых дел мастеру, богатому купцу и мэру города.

Он долго с вожделием разглядывал густо-красные рубины на браслете и изящный кубок. Потом погладил пышную бороду, раздумывая, предложить пятьдесят ноблей или шестьдесят: выручить за них можно было все двести. Предложить больше – значит себя же обокрасть. Назначить мало, так юнец возьмет да и поедет в Лондон. Вещи-то редкостные. Правда, одет он бедно, а взгляд тревожный. Наверное, у него спешная нужда в деньгах и, глядишь, цены своим вещам он толком не знает. Надо его прощупать.

– Вещи старые, и найти на них покупателя будет непросто, благородный сэр, – сказал он вслух. – Решить, хороши ли камни, не так-то легко: ведь они тусклые, не ограненные. Однако, если ты за них лишнего не запросишь, я, пожалуй, возьму их, хоть в этой лавке больше продаю, чем покупаю.

Найджел недоуменно нахмурился. В подобной игре ни его смелое сердце, ни крепкие мышцы помочь ему не могли. Тут новая сила брала верх над старой: купец побеждал воина – из века в век выматывая его и ослабляя, пока совсем не подчинил себе, не обратил в рабство.

– Я не знаю, какую назначить цену, почтеннейший, – ответил Найджел. – Торговаться и выгадывать мне и тем, кто носит мое имя, не подобает. Тебе их цена известна, ведь таково твое занятие. У леди Эрминтруды денег нет, а к нам должен пожаловать король, посему дай мне столько, сколько будет честно и справедливо, и на этом покончим.

Золотых дел мастер улыбнулся. Сделка оказалась легкой и очень выгодной. Он думал предложить пятьдесят ноблей, но, право же, грешно дать больше двадцати пяти.

– Ну, возьму я их, а что потом мне с ними делать? – посетовал он. – Но коли тут речь идет о короле, двадцати ноблей я не пожалую.

Сердце Найджела налилось свинцом. На эти деньги не купишь и половины самого необходимого. Видно, леди Эрминтруда переоценила свои заветные сокровища. Но вернуться с пустыми руками нельзя, и раз красная цена им двадцать ноблей, как заверил его почтенный купец, ему остается лишь с благодарностью взять и такие деньги.

– Ну что же, мне печально это слышать, – сказал он. – Но в подобных вещах ты разбираешься лучше меня, а потому я возьму...

– Сто пятьдесят, – прошептал ему на ухо Эйлвард.

– Сто пятьдесят, – повторил Найджел, обрадовавшись, что обрел на этих неведомых путях хотя бы и столь смиренного проводника.

Золотых дел мастер даже вздрогнул. Юнец оказался совсем не таким простодушным воякой, каким выглядел. Открытое лицо и ясные голубые глаза всего лишь ловушка для неосторожных. Никогда еще он так не попадался!

– Пустые слова, благородный сэр, – сказал он, отворачиваясь и побрякивая ключами от своих сундуков. – Однако так уж и быть, себе в убыток дам пятьдесят.

– И сто, – шепнул Эйлвард.

– И сто, – повторил Найджел, краснея при мысли о своей алчности.

– Ну хорошо, бери сто! – вскричал купец. – Обдери меня, как липку, разори и забирай за свои вещи полную сотню!

– Я бы навеки покрыл себя стыдом, если бы обошелся с тобой так скверно, – возразил Найджел. – Ты говорил со мной по-честному, и я никак не хочу чинить тебе убытки. А потому с радостью возьму сто...

– И пятьдесят, – шепнул Эйлвард.

– И пятьдесят, – повторил Найджел.

– Клянусь святым Иоанном Беверлийским! – возопил купец. – Я переехал сюда с севера, где люди слывут прижимистыми, но уж лучше бы мне торговаться с целой синагогой евреев, чем с тобой, хоть ты и благородного рода. Неужто ты и правда меньше ста пятидесяти ноблей не возьмешь? Увы, ты забираешь весь мой месячный доход. Черное для меня выдалось утро! И зачем только ты зашел в мою лавку? – Со вздохами и причитаниями он отсчитал сто пятьдесят золотых монет, и Найджел, не веря своему счастью, спрятал их в кожаную седельную сумку.

Минуту спустя он, весь красный, осыпал Эйлварда благодарностями за дверью лавки.

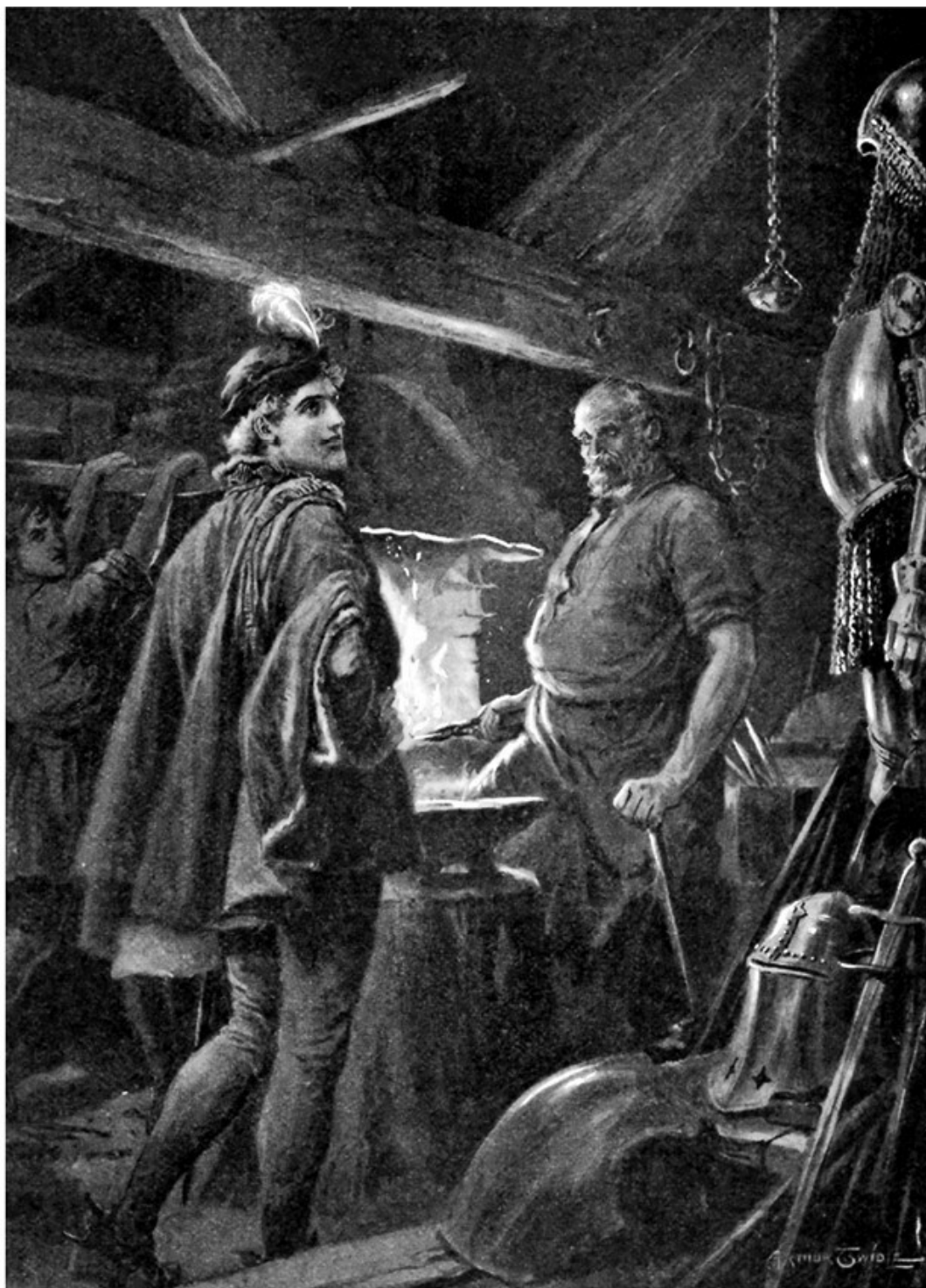
– Увы, мой благородный господин! Торгаш нас все-таки ограбил, – сказал лучник со вздохом. – Мы получили бы еще двадцать, если бы не уступили так легко!

– Откуда ты знаешь, мой добрый Эйлвард?

– Да по глазам его видно было, сквайр Лоринг. Не спорю, в книгах там или в гербах я мало что угляжу, а вот в глазах у людей читать умею и с самого начала знал, что он даст, сколько дал.

Они пообедали в странноприимном доме – Найджел за столом на возвышении, а Эйлвард с простолюдинами. Потом вернулись на главную улицу и зашли в несколько лавок. Найджел купил тафту на занавесы, вино, маринады, фрукты, скатерть из Дамаска и много еще всякой всячины. Под конец он остановился перед лавкой оружейника во дворе замка и, точно ребенок сласти, начал разглядывать чудесные доспехи, нагрудники с красивой насечкой, бармицы с хитрыми застежками для лат, оплечий и шлема.

– Так что же, сквайр Лоринг, ты у меня нынче купишь? – спросил оружейник Уот, поворачиваясь боком к горну, в котором закалял лезвие для меча. – Клянусь Тувалкаином, ковачем всех орудий, что пройди ты хоть весь лондонский Чипсайд, а лучше доспехов, что висят на этом крюке, ты там не сыщешь.

- А их цена, оружейник?
- Для всякого другого двести пятьдесят ноблей, а для тебя двести.
- Почему же мне ты их уступил бы дешевле?
- Потому что снаряжал на войну твоего батюшку, а такого доспеха мне больше изготовить не удавалось. Тогда мы их делали кольчатые, и по мне, надежный доспех из мелких колец никаким кованым латам не уступит. Но молодые рыцари что твои придворные дамы! Им подавай самое модное, вот и требуют латы, пусть они втрое дороже стоят.
- А по-твоему, кольчатые не хуже?

– Тут и спорить нечего.

– Ну так слушай, оружейник! Латы я пока купить не могу, да только доспехи мне очень нужны для одной славной забавы, которую я задумал. Дома у меня в Тилфорде хранится тот самый кольчатый доспех, про который ты говорил, – первый доспех моего отца. Не мог бы ты так его переделать, чтобы он послужил и мне?

Оружейник смерил взглядом стройную, но невысокую фигуру юноши и расхохотался.

– Ты шутишь, сквайр Лоринг! Тот-то доспех на очень высокого человека сделан.

– Нет, я не шучу. Мне бы только один раз обменяться с кем-нибудь ударом копья, а большего я и не чаю.

Оружейник прислонился к наковальне и задумался, Найджел с тревогой вглядывался в его покрытое копотью лицо.

– На один-то раз я бы с радостью одолжил тебе вот те доспехи, сквайр Найджел, да только вдруг из седла вылетишь ты? А тогда они достанутся твоему победителю. Я же человек бедный, и дети у меня мал мала меньше, ну и задаром их лишиться никак не могу. Но тот-то кольчатый доспех и вправду совсем цел?

– Он почти как новый. Только у ворота порван.

– Ну, укоротить его по ногам дело нехитрое – лишнее срезать да закрепить колечки снизу. А вот по туловищу подогнать – нет уж. Никакому оружейнику такое не по зубам.

– А я только на это и надеялся. Добрый оружейник, если ты правда снаряжал моего доблестного отца и любил его, то в память его помоги мне теперь.

Оружейник со стуком швырнул на пол свой молот.

– Память памятью, сквайр Лоринг, да я же видел, как ты на ристалище в замке чуть не с одним щитом выезжал против лучших бойцов. В прошлый Мартынов день у меня просто сердце кровью обливалось, когда я увидел, какое у тебя убогое снаряжение, и все-таки ты одолел сэра Оливера, хоть толстяк и напялил на себя миланскую броню. А когда ты едешь в Тилфорд?

– Прямо сейчас.

– Эй, Дженкин, оседлай-ка жеребчика! – крикнул добросердечный Уот. – Пусть у меня правая рука отсохнет, коли я не отправлю тебя на бой в отцовском доспехе. Завтра мне надо быть тут, но уж нынче потружусь на тебя без всякой платы, а из почтения к твоему роду. Поеду с тобой в Тилфорд, и ты увидишь, как Уот знает свое ремесло.

Хлопотливым же был этот вечер в старом господском доме! Леди Эрминтруда устала полки в кладовой лакомой провизией, которую накупил Найджел в Гилфорде, раскroила тафту и украсила залу новыми занавесами.

Сам же сквайр сидел с оружейником, склонясь над старым кольчатым доспехом – пластинчатый панцирь покоился у них на коленях. Вновь и вновь старый Уот пожимал плечами, словно человек, от которого требуют сделать больше, чем по силам простому смертному. Вдруг в ответ на какой-то вопрос сквайра он откинулся на спинку скамьи и принялся хохотать в пушистую бороду, не обращая внимания на свирепые взгляды леди Эрминтруды, возмущенной таким мужичьим весельем. Затем извлек из мешка с инструментами заточенное долото с молотком и, все еще посмеиваясь, принялся пробивать дырку в центре железной туники.

Глава VIII

Как король тешился соколиной охотой на круксберийских вересках

Король и его свита наконец-то избавились от толпы зевак, упрямо провожавших их из Гилфорда по Пути Паломников. Конные лучники отогнали самых упорных, и теперь пышная кавалькада, растянувшись на дороге, неторопливо двигалась по холмистой равнине среди темного вереска.

В переднем ряду ехал сам король – он взял с собой соколов и надеялся, что для них встретится достойная полевая дичь. Эдуард в те дни был представительным энергичным мужчиной в расцвете лет – заядлым охотником, пылким любезником, храбрым воином. Он мог похвастать и образованностью: говорил по-латыни, по-французски, по-немецки, по-испански и даже немного по-английски.

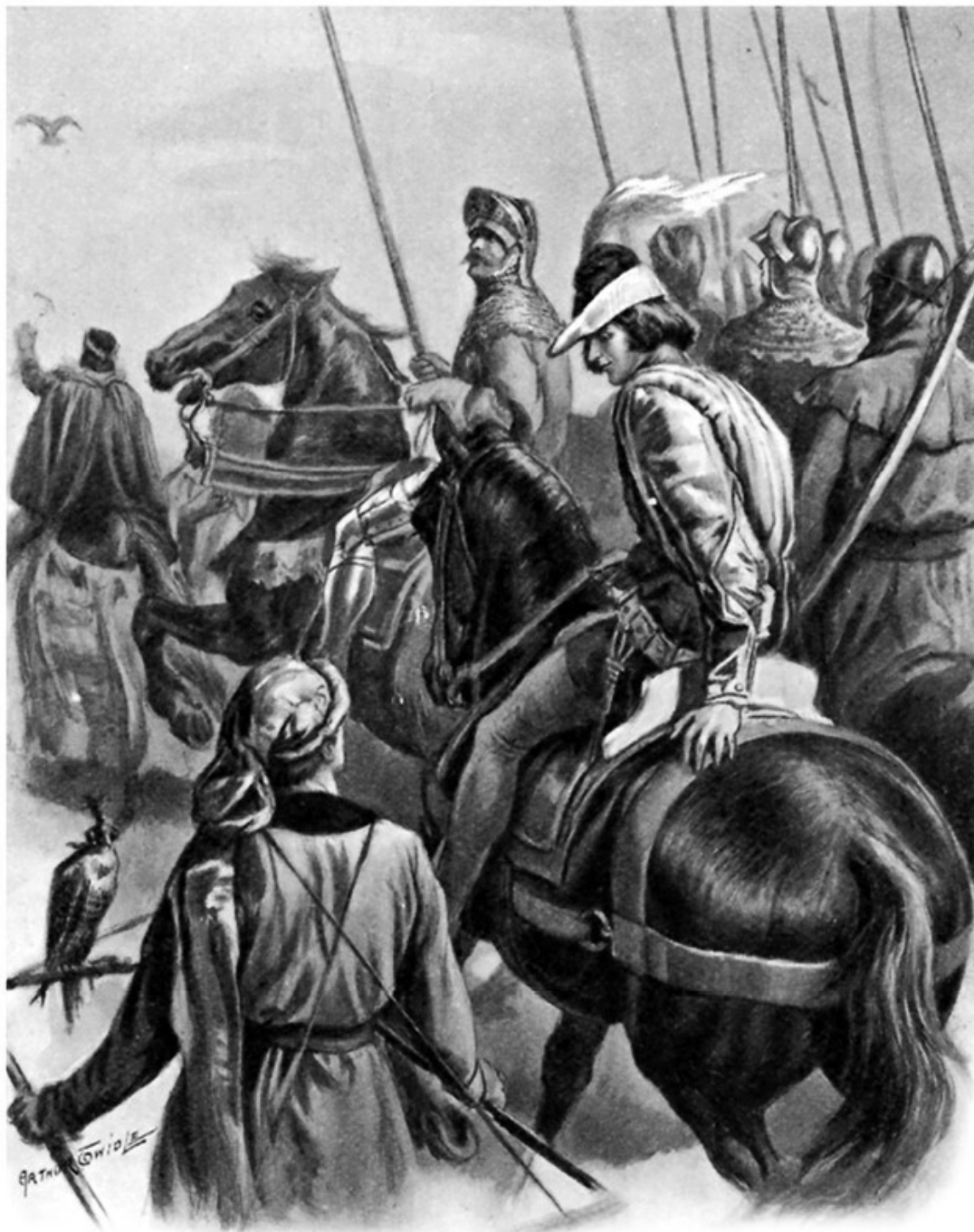
Эти его превосходные качества были известны давно, но в последние годы в его характере открылись и иные стороны: жгучее честолюбие, побудившее его возжелать трон соседнего монарха, а также мудрая предусмотрительность в делах коммерческих – он всячески приглашал в Англию фламандских ткачей, закладывая основу торговли, ставшей на несколько веков источником больших богатств для страны. Все эти душевные свойства нашли отражение в его облике. Лоб под шапкой алого бархата, служившей знаком его сана, был широким и благородным. Большие карие глаза говорили о пылкости и отваге. Бороды он не носил вовсе, а коротко подстриженные темные усы не прятали волевого рта, гордого и великодушного, хотя эти губы умели и сжиматься с беспощадной жестокостью. Лицо его покрывал почти медный загар, приобретенный за долгие годы охоты и походной жизни. На великолепном вороном коне он сидел с беззаботной небрежностью человека, выросшего в седле. Бархатный костюм, плотно облежавший его ловкую мускулистую фигуру, был черным, под масть коня, и черноту эту смягчали только золотой пояс и кайма из вышитых золотом раскрытых коробочек дрока.

Гордая и благородная осанка, простой, хотя и драгоценный наряд, красавец-конь – Эдурд III поистине был в каждом дюйме король. Картину эту дополнял гордый кречет, круживший невысоко над его головой, «в ожидании», как это называлось, любой вспугнутой птицы. Вторая птица сидела на запястье затянутой в перчатку руки сокольничего Рауля, который держался в задних рядах свиты. По правую руку монарха ехал юноша лет двадцати, высокий, худощавый, темноволосый, с благородным орлиным лицом и пронзительными глазами, которые вспыхивали живостью и неподдельной любовью, когда он отвечал на обращенные к нему слова короля.

Богато расшитая золотом темно-малиновая одежда, великолепие седла, чепрака и сбруи его белого коня указывали на высокий сан. Лицо его, еще безбородое и безусое, часто принимало выражение величавой серьезности, которая показывала, что, вопреки своей молодости, он вершит важными делами и мысли и чаяния его достойны государственного мужа и полководца. Тот великий день, когда он, еще почти мальчик, командовал авангардом победоносной армии, сокрушившей мощь Франции в битве при Креси, наложил свою печать на его черты, при всей их суровости еще не приобретшие оттенка свирепости, которая годы спустя наводила ужас на равнины Франции и превратила там имя Черного принца в присловие. И страшная болезнь, отравившая его характер, прежде чем отнять у него жизнь, еще не коснулась его в этот весенний день, когда он весело и беззаботно ехал через верески Круксбери.

По левую руку короля и почти рядом с ним, что указывало на особую милость монарха, ехал мужчина одних с ним лет, с широким лицом, тяжелым подбородком и приплюснутым носом – черты, которые, по мнению многих, свидетельствуют о задиристом характере. Щеки, нос и лоб были у него багровыми, большие голубые глаза отличались выпуклостью, и весь его облик говорил о полнокровии и холеричности. Роста он был невысокого, но широкоплеч, коренаст и, видимо, наделен огромной силой. Однако голос у него звучал мягко, он слегка пришептывал, а держался спокойно и обходительно. В отличие от короля и принца он надел легкие доспехи, с пояса у него свисал меч, а с луки седла – булава, ибо он командовал королевскими телохранителями, а также десятком закованных в броню рыцарей, сопровождавших монарха. Если бы Эдуард вдруг оказался в опасности – что в те незаконные времена случалось не так уж редко, защитника лучше ему не потребовалось бы, ибо это был знаменитый рыцарь из Эно, принявший английское подданство, сэр Уолтер Мэнни, который рыцарской доблестью и дерзкой отвагой мог потягаться с самим Чандосом.

Позади рыцарей свиты, которые обязаны были следовать за особой короля, всегда держась вместе, ехали конные лучники, числом под тридцать, а также несколько оруженосцев, которые вели на поводу запасных лошадей, нагруженных тяжелыми предметами снаряжения их рыцарей, сами же они вооружены не были. В хвосте этой многоцветной кавалькады, которая, колыхаясь, двигалась по пригоркам и ложбинам вересковой пустоши, поспешали сокольники, алебардчики, всевозможные челядинцы, доверенные слуги и ловчие с собаками на сворках.

Королю Эдуарду приходилось обдумывать много важнейших и совсем невеселых дел. С Францией, правда, было заключено перемирие, но оно с обеих сторон постоянно нарушалось вооруженными стычками, внезапными нападениями и засадами, и мало кто сомневался, что вот-вот снова вспыхнет настоящая война. Для этого требовались деньги, а раздобыть их, после

того как парламент только что утвердил новую подать – каждого десятого ягненка и каждый десятый сноп, – представлялось задачей не из легких. К тому же Черная Смерть привела хозяйство страны в полный упадок: пахотные земли все пошли под пастбища, работники, смеясь над всеми королевскими статутами и ордонансами, отказывались трудиться меньше чем за четыре пенса в день. В обществе царил полный хаос, к тому же на северной границе порывивали шотландцы, в полузавоеванной Ирландии продолжались нескончаемые смуты, а его союзники во Фландрии и Брабанте настойчиво требовали давно обещанных денег, выплата которых постоянно оттягивалась.

Все это могло внушить тревогу самому победоносному монарху, но Эдуард решительно сбросил с себя бремя забот и безмятежно радовался жизни, точно школьник на каникулах. Он забыл про банкиров-флорентийцев, настаивавших на уплате по векселям, и про докуки от назойливого парламента, которому всюду надо было совать свой нос. Нет, он выехал с соколами и будет думать и говорить только о тонкостях соколиной охоты. Челядинцы били бичами по вереску и кустам у дороги, оповещая о взлетевших птицах громкими воплями.

– Сорока! Сорока! – крикнул сокольничий.

– Нет-нет, моя золотоглазая королева, она не достойна твоих когтей, – сказал король, взглянув вверх на благородную птицу, которая вилась у него над головой в ожидании свиста, служившего сигналом к началу погони. – Пускай сапсанов, сокольничий! Чего ты мешкаешь? Ха! Негодяйка думает улизнуть в лес! Молодец, сапсан! Успел догнать! Поверни ее к своему товарищу! Вы там вспугните ее! Бейте по кустам! Вон она! Вон она! А-а! Возвращайтесь по местам. Госпожи сороки вам больше не видать!

С хитростью, свойственной всему ее племени, сорока, кружа среди кустов и подлеска, добралась до густой чащи, куда ни снизившийся под деревья сапсан, ни его товарищ над ними, ни челядинцы с палками добраться за ней не могли. Король посмеялся этой неудаче и поехал дальше. Взлетали все новые птицы, и на каждую выпускали своего охотника – сапсана на бекаса, тетеревятника на куропатку, и даже для жаворонка нашелся маленький дербник. Но королю вскоре надоела мелкая дичь, и он пустил коня шагом, а его безмолвная спутница все так же вилась у него над головой.

– Любезный сын, трудно сыскать птицу благороднее, ты не находишь? – сказал Эдуард, поглядев вверх, когда на него вдруг упала крылатая тень.

– О да, государь! Подобной ей еще ни разу не привозили с северных островов.

– Пожалуй. Но мой берберийский сокол бил так же метко, а летал быстрее. С восточной птицей в расцвете сил ничто сравниться не может.

– Был у меня когда-то сокол из Святой земли, – сказал Мэнни. – Такой же яростный, неутомимый и быстрый, как сами сарацины. Про султана Саладина рассказывают, будто он вывел таких охотничьих птиц, собак и лошадей, что ничего подобного им мир не видел.

– Уповаю, любезный батюшка, что настанет день, когда все они станут нашими, – сказал принц, глядя на короля сияющими глазами. – Неужели же Святая земля так и останется в лапах неверных и они и дальше будут осквернять Храм Господень своим присутствием? Мой возлюбленный, мой милостивый государь, дай мне тысячу копий и десять тысяч лучников, таких, каких я вел при Креси, и клянусь тебе своей душой, что и года не пройдет, как я сделаю тебя сюзереном Иерусалимского королевства!

Король со смехом повернулся к Уолтеру Мэнни.

– Мальчики остаются мальчиками! – сказал он.

– Французы меня мальчиком не считали! – вскричал юный принц, краснея от обиды.

– Нет, любезный сын, никто не ставит тебя выше, чем твой отец. Но твой ум и воображение еще не утратили пыл, который влечет к новым свершениям, когда прежние еще не доведены до конца. Что произойдет с нами в Бретани и Нормандии, пока мой юный паладин со своими рыцарями и лучниками будет осаждать Аскалон или биться под стенами Иерусалима?

– Трудам во имя Небес поможет Небо.

– Судя по тому, что мне известно о прошлом, – сухо заметил король, – в тех войнах на Востоке Небеса себя надежным союзником не показали. Я далек от кощунства, но сдается мне, самое малое княжество оказало бы Ричарду Львиное Сердце или Людовику Французскому куда больше помощи, чем все небесное воинство. А ты как полагаешь, милорд епископ?

Дородный прелат, трусивший за королем на сытом гнедом мерине, который легко выдерживал его вес, позволяя ему сохранять подобающую величавость, поспешил подъехать поближе к королю.

– Что ты изволил сказать, государь? Я засмотрелся на тетеревятника, взявшего куропатку прямым боем, и не расслышал.

– Скажи я, что дарю Чичестерской епархии две доходные усадьбы, ты бы, конечно, расслышал каждое мое слово, милорд епископ!

– Проверь же, государь, так ли это, и произнеси оные слова еще раз! – воскликнул весельчак-епископ.

Король расхохотался:

– Ответный удар неплох, преподобный отец! Клянусь святым крестом, твое копьё даже переломилось. Говорил же я вот о чем: Крестовые походы имели главной целью сокрушение

Божьих недругов, так почему же мы, христиане, получали так мало небесного утешения и поддержки, участвуя в них? После стольких усилий и неисчислимых потерь нас окончательно оттуда изгнали, и даже рыцарские ордена, только для того и созданные, с трудом удерживаются на горстке островов Греческого моря. В Палестине не осталось ни единой гавани, ни единой крепости, над которой еще реяло бы знамя креста. Так где же был наш союзник?

– Ах, государь, ты затронул великий вопрос, далеко не исчерпывающийся судьбой Святой земли, хотя она может послужить прекрасным примером. Вопрос этот касается всех грехов, всех страданий, всех несправедливостей. Почему в отмщение не падет огненный дождь, не блеснет молния с Синая? Мудрость Божья для нас непостижима.

Король пожал плечами:

– Слишком легкий ответ, милорд епископ. Ты князь церкви. Но плохо пришлось бы земному князю, коль он не сумел бы найти ответ получше на вопрос, от которого зависела бы судьба его владений.

– Всемиловитый государь, можно указать и на иные причины. Да, Крестовые походы были поистине святым делом и, казалось бы, заслуживают Божьего благословения. Но вот крестоносцы? Были ли они его достойны? Ведь мне доводилось слышать, что непотребнее их лагерей земля не видывала.

– Военный лагерь – это военный лагерь, в каком бы краю он ни находился, и в один миг переделать лучника в святого не может никто. Но уж святой-то Людовик был крестоносцем совсем по твоему вкусу. И все-таки он потерял свое войско под Мансурой, а сам потом умер от чумы в Тунисе.

– Вспомни также, что мир сей лишь преддверье мира иного, – возразил прелат. – Страдания и испытания очищают душу, а посему истинным победителем может стать тот, кто, терпеливо перенося бедствия земные, заслужит блаженство в грядущем.

– Если таков истинный смысл благословения, даруемого церковью, уповаю, оно еще не скоро почиет на наших знаменах во Франции, – ответил король. – Однако в поле, когда под тобой добрый конь, а соколам не терпится пасть на добычу, для беседы можно найти иную тему, кроме богословия. Займемся снова птицами, епископ, не то Рауль, наш сокольничий, явится в твой собор и прервет тебя во время проповеди.

Разумеется, разговор тотчас перешел на тайны лесов и на тайны рек, на темноглазых соколов и на золотоглавых, на благородных соколов и на простых. Епископ разбирался в соколиной потехе не хуже короля, и все вокруг заулыбались, слушая, как они с пеной у рта обсуждают чисто практические, но спорные вопросы, например: способен ли выпестованный в неволе молодой соколик состязаться с птицей, пойманной уже взрослой, или же какой срок следует держать молодика в клетке, а какой – под открытым небом, в путах, но без клубочка, прежде чем его можно будет напустить на добычу.

Король и епископ еще увлеченно вели свой ученый спор, причем епископ говорил с уверенностью и свободой, каких никогда бы не допустил, зайдя речь о государственных или церковных делах, но во все века любовь к охоте, а потом и к спорту была великой уравнилицей. Внезапно принц, чей зоркий взгляд время от времени шарил по голубому небосводу, испустил сигнальный крик и придержал коня, указывая вдаль.

– Цапля! – воскликнул он. – Цапля на крыле!

Наивысшее наслаждение соколиная охота доставляет не тогда, когда цаплю вспугивают с места кормежки и она, отяжелев от проглоченных рыбешек, не успевает даже взлететь толком, как уже становится добычей более быстрого сокола, но когда цапля летит куда-то в вышине, возможно возвращаясь на гнездовье с рыбного ручья. Иными словами, углядеть птицу на крыле значило положить начало самой увлекательной потехе. Принц указывал на черное пятнышко высоко на юге, но напряженные глаза его не обманули: и король, и епископ признали,

что это несомненно цапля и летит она прямо на них – с каждой секундой пятнышко увеличивалось.

– Свистните, государь! – вскричал епископ. – Свистните кречету!

– Нет, цапля еще далеко. Я пушу Марго наперехват.

– Пускайте, государь, пускайте! – вскричал принц, потому что крупная птица, подгоняемая попутным ветром, была уже почти над ними.

Король пронзительно свистнул, и великолепно обученный кречет сделал разведывательный круг, проверяя, где добыча. Затем, увидев цаплю, крылатая охотница взмыла ей навстречу по крутой дуге.

– Молодец, Марго! Умница! – кричал король и хлопал в ладоши, подбодряя кречета, а сокольники, как полагалось в подобные минуты, выпускали своеобразные пронзительные вопли.

Кречет должен был вот-вот пересечь траекторию полета цапли, но та, заметив впереди опасность, положила на силу своих крыльев, на легкость своего тела и взмыла вверх по такой крутой спирали, что зрителям внизу почудилось, будто она летит в небо по прямой.

– Пробует остаться выше, – сказал король. – Но как она ни быстра, Марго быстрее. Епископ, ставлю десять золотых монет против одной, что цапля моя!

– Принимаю, государь! – ответил епископ. – Брать золото, выигранное в таком споре, мне не подобает, да только, уж конечно, какой-нибудь алтарный покров давно нуждается в обновлении.

– У тебя, отче епископ, алтарных покровов запас немалый, – заметил король, – если все золото, какое ты выигрывал на моих глазах, шло на их обновление... А! Клянусь святым крестом! Негодяйка польстилась на низкую дичь!

Зоркий епископ еще раньше успел заметить стаю грачей, которые возвращались к своим гнездам наперерез поднимающемуся кречету. А грач – великий соблазн для всего соколиного племени. Капризная охотница вмиг забыла о величавой цапле у себя над головой и закружила над грачами, удаляясь с ними на запад, пока выбирала самого жирного.

– Еще не поздно, государь! Пускать вторую? – крикнул сокольничий.

– Или, государь, мне будет дозволено показать, как сапсан бьет без промаха, где кречет терпит неудачу? Десять ноблей за один на мою птицу!

– Будь по-твоему, епископ! – ответил король, раздраженно хмурясь. – Клянусь святым крестом, понимай ты писания Отцов Церкви, как понимаешь соколов, быть бы тебе наместником святого Петра! Напускай своего сапсана, докажи, что ты не хвастаешь по-пустому.

Сапанка, хотя и уступала королевскому кречету в величине, была и быстрой, и очень красивой. Сидя у епископа на запястье, она зорким яростным взглядом следила за пролетающими в небе птицами и время от времени развевала крылья от нетерпения. Теперь, когда застежка была расстегнута и путы сняты, сапанка взвилась в воздух, со свистом рассекая его заостренными концами крыльев. По широкой спирали она быстро поднималась, становясь все меньше и меньше по мере приближения к той неизмеримой высоте, на которой цапля, вновь превратившаяся в темное пятнышко, искала спасения. Обе птицы взмывали все выше и выше, а всадники, запрокинув головы, напрягали зрение, чтобы не упустить их из вида.

– Она кружит! Кружит! – закричал епископ. – Она уже над цаплей и сейчас ударит!

– Нет, она много ниже, – возразил король.

– Клянусь душой, милорд епископ прав! – воскликнул принц. – Она выше, выше! Да глядите же, глядите! Она напала прямым боем!

– Ударила! – раздался хор возбужденных голосов, когда два пятнышка внезапно слились в одно.

В том, что птицы быстро падали, сомнения быть не могло: их уже можно было различить на фоне неба. Но тут цапля высвободилась и полетела дальше, хотя и тяжело взмахивала крыльями, – видимо, смертоносное объятие не прошло ей даром. Сапанка же, распушив перья, начала новую спираль, чтобы подняться над добычей повыше и ударить во второй раз более удачно. Епископ улыбнулся: казалось, ничто уже не могло лишить его победы.

– Твои золотые, государь, будут потрачены не напрасно, – сказал он. – Ведь все, что дается церкви, получает дающий.

Однако непредвиденное обстоятельство помешало дорогостоящему обновлению алтарного покрова. Королевский кречет ударил по грачу, нашел эту забаву довольно пресной, вспомнил про заманчивую цаплю и обнаружил, что та еще не скрылась из вида. Почему, ну почему она, Марго, позволила себе соблазниться глупыми галдящими грачами и упустила столь благородную дичь? Но еще не поздно исправить ошибку. По крутой спирали она взмыла вверх и оказалась над цаплей. Но что это? Все ее фибры от хохолка до хвостовых перьев содрогнулись от бешенства и ревности: какое-то ничтожество, какая-то сапанка смеет покушаться на добычу королевского кречета! Взмахнув могучими крыльями, она взлетела над соперницей и в следующее мгновение...

– Сцепились! Сцепились! – закричал король, с хохотом следя, как обе охотничьи птицы вместе стремительно падают вниз. – Сам обновляй свои алтарные покровы, отче епископ! От меня ты на этот раз и медяка не получишь. Сокольник, растащи их, чтобы они друг друга не поранили. А теперь, благородные господа, поторопимся, ведь солнце уже склоняется к закату.

Кречета и сапанку, которые, сцепившись когтями, упали наземь клубком взъерошенных перьев, благополучно разъединили и водворили на жердочки. Обе были в крови и тяжело дышали, а цапля, которую их драка спасла, с трудом работая крыльями, добралась до своего гнезда в Уэверли. Кавалькада, в охотничьем азарте рассеявшаяся по равнине, вновь построилась прежним порядком и продолжила путь. Всадник, направлявшийся навстречу им через пустошь, теперь пришпорил коня, а король и принц с радостными восклицаниями приветственно замахали ему.

– Наш добрый Джон Чандос! – воскликнул король. – Клянусь святым крестом, Джон, вот уже неделю я скучаю без твоих песен и весьма доволен, что вижу у тебя за плечами твою лютню. Откуда ты?

– Из Тилфорда, государь, в надежде повстречать твое величество.

– Вот и хорошо. Ну-ка поезжай между мной и принцем, пусть нам покажется, что мы снова во Франции в полном боевом вооружении. Какие новости, добрый Джон?

Насмешливые губы Чандоса вздрогнули от сдерживаемого веселья, и его единственный глаз заблестел, как звезда.

– Потешились охотой, государь?

– Плохая вышла потеха, Джон. Мы пустили двух соколов на одну цаплю, они сцепились, и цапля улетела. Но почему ты улыбаешься?

– Потому что надеюсь, что в Тилфорде вас ждет потеха получше.

– С соколами или с гончими?

– Нет, куда более благородная.

– Что еще за загадки, Джон? Отвечай же!

– Нет, государь. Ответить – значит все испортить. Просто скажу еще раз, что перед Тилфордом вас ждет редкая потеха, а потому, государь, прошу тебя пришпорить коня, ведь скоро начнет смеркаться.

Король исполнил его просьбу, и кавалькада рысью направилась через вереск туда, куда указывал Чандос. Поднявшись на гребень пологого холма, они увидели перед собой извилистую реку и перекинутый через нее старый горбатый мост. За рекой тянулся выгон с хижинами по дальнему его краю и старинным господским домом на склоне холма над ним.

– Это Тилфорд, – объяснил Чандос, – а вон там – родовой дом Лорингов.

Любопытство короля было сильно возбуждено, и теперь его лицо выразило разочарование.

– Ну а потеха, что ты обещал нам, сэр Джон? Это были пустые слова?

– Нет, государь.

– Так где же она?

На крутой дуге моста на могучем золотом коне сидел всадник в боевых доспехах и с копьем в руке. Чандос тронул короля за плечо и указал на мост:

– Вот, государь.

Глава IX

Как Найджел оборонял тилфордский мост

Король посмотрел на застывшую фигуру всадника, на кучку деревенских зевак на том берегу, а потом перевел взгляд на смеющегося Чандоса:

– Что это, Джон?

– Ты помнишь сэра Юстеса Лоринга, государь?

– Как мог бы я забыть о нем или о постигшей его смерти?

– Он ведь был в свое время странствующим рыцарем?

– Да, и доблестней его мне знать не доводилось.

– Его сын Найджел весь в него – юный боевой сокол, которому не терпится испытать силу своих когтей и клюва, только до сих пор с него не снимали пут. Это его пробный полет. Он готов защищать мост от всех, кто примет его вызов, как водилось в дни наших отцов.

Король по праву считал себя первым рыцарем королевства и был большим знатоком правил и обычаев, которым полагалось следовать странствующим рыцарям, а потому такая встреча пришла ему очень по вкусу.

– Но он же еще не посвящен в рыцари?

– Нет, государь. Он только сквайр.

– Ну так он должен показать себя мужественным бойцом, если не хочет опозориться. Подобаает ли молодому неиспытанному сквайру дерзко обмениваться ударами копья с лучшими бойцами Англии?

– Он вручил мне свой вызов, – сказал Чандос, доставая из рукава свиток. – Дозволишь ли, государь, прочесть его?

– Кто лучше тебя, Джон, осведомлен в рыцарских законах? Ты знаешь этого юношу, и тебе решать, насколько он достоин высокой чести, которой просит. Ну, послушаем его вызов.

Рыцари и оруженосцы в свите короля, почти все ветераны войн во Франции, смотрели с интересом и некоторым недоумением на закованную в железо фигуру перед ними. Теперь по зову сэра Уолтера Мэнни они окружили короля и Чандоса. Последний откашлялся и развернул свиток.

– «À tous seigneurs, chevaliers et éscuyers!»¹¹ Так он начинается, благородные господа. Это вызов сквайра Лоринга, сына светлой памяти сэра Юстеса Лоринга. Сквайр Лоринг, благородные господа, ожидает вас на этом старом мосту. И вот что он говорит: «Я, смиреннейший и недостойнейший сквайр, из великого желания стать известным благородным рыцарем в свите его величества короля, моего господина, жду на мосту через Уэй в надежде, что тот или иной из них снизойдет скрестить со мной копье, или же что мне ниспослано будет освободить их от какого-либо обета, ими на себя принятого. Прошу я об этом не из похвальбы, но уповая, что дано мне будет лицезреть оных прославленных рыцарей с оружием в руках и восхититься искусством, с каким они им владеют. Посему с помощью святого Георгия я, пока не зайдет солнце, буду острым копьем защищать сей мост от всех, кто пожелает удостоить меня поединком».

---

¹¹ «Всем сеньорам, рыцарям и оруженосцам!» (фр.)

– Ну, что вы скажете на это, благородные господа? – промолвил король, глядя вокруг смеющимися глазами.

– Составлен вызов поистине безупречно, – сказал принц. – Ни Кларисье, ни Красный Дракон, ни любой другой герольд, когда-либо носивший табар, не мог бы сочинить его лучше. Картель написан его рукой?

– У него имеется суровая бабка, дама старинной закалки, – ответил Чандос. – Уж конечно, леди Эрминтруде и раньше доводилось составлять картели. Однако, государь, мне надо кое-что сообщить тебе и светлейшему принцу.

Чандос понизил голос, и мгновение спустя все трое разразились громким хохотом.

– Клянусь святым крестом! Только подумать, что человек благородной крови может оказаться в столь стесненных обстоятельствах, – сказал король. – Мне подобает поправить дело. Но что же вы, благородные господа? Этот достойный юноша все еще ждет ответа.

Рыцари его свиты тем временем оживленно обсуждали вызов, и теперь сэр Уолтер Мэнни сообщил королю их решение.

– С позволения твоего величества, – начал он, – мы полагаем, что этот сквайр недопустимо дерзок в своем желании скрестить копьё с рыцарем, ибо еще ничем не доказал своей доблести. Мы окажем ему достаточную честь, если выставим против него такого же сквайра, и, с твоего разрешения, я поручу моему собственному оруженосцу Джону Уиддикомбу открыть нам путь через мост.

– Ваше решение, Уолтер, и верно, и справедливо, – молвил король. – Добрый Чандос, сообщи воину на мосту, что постановили рыцари. А также передай нашу королевскую волю: встретятся они не на мосту, откуда один из них, а то и оба, несомненно, свалятся в воду, но на лугу перед мостом. Скажи ему, кроме того, что для такого поединка достаточно копьё с тупым наконечником, но если оба усидят в седле, то могут обменяться одним-двумя ударами меча или булавы. Сигнал начинать подаст Рауль, протрубив в свой рог.

В дни бывшего расцвета странствующего рыцарства очень часто желающий снискать славу день за днем поджидал на перекрестке, на мосту или у брода, пока судьба не приводила туда достойного противника. И память о таких поединках живо сохранялась в рыцарских повестях и песнях труверов, постоянно о них повествовавших. Однако в жизни они успели стать большой редкостью. А потому придворные следили за тем, как Чандос направил коня вниз по откосу к мосту, с веселым, если не сказать насмешливым, любопытством, и обменивались замечаниями по поводу необычной внешности его защитника. Сложен он и правда был весьма странно: фигура высокого человека, но руки и ноги непропорционально короткие. Голова его клонилась долу, точно он был погружен в глубокую задумчивость или столь же глубокое уныние.

– Видимо, это рыцарь Отягощенного Сердца, – заметил Мэнни. – Какие горести заставляют его столь печально повесить голову?

– Быть может, у него просто шея слаба, – предположил король.

– Но зато голос отнюдь не слаб, – возразил принц, когда до их ушей донесся ответ Найджела на слова Чандоса. – Клянусь Пречистой, он гремит, как болотная выпь!

Пока Чандос возвращался к королю, Найджел сменил старое ясеневое копьё, принадлежавшее его отцу, на турнирное с затупленным наконечником, которое ему подал дюжий лучник, исполнявший роль оруженосца. Затем он съехал с моста на луговину длиной шагов в сто. В ту же секунду оруженосец сэра Уолтера Мэнни, наспех снаряженный своими товарищами для поединка, прищипорил коня и занял позицию у дальнего ее конца.

Король поднял руку, пропел рог сокольничего, и два всадника, ударив коней каблуками и встряхнув поводьями, помчались навстречу друг другу. По одну сторону болотистой луговины, где вода брызгала из-под тяжелых копыт, а доспехи двух пригнувшихся к седлу противников вспыхивали в лучах вечернего солнца, неподвижным полукругом замерли всадники, кто в доспехах, кто в бархате, но все поглощенно и молча следящие за началом поединка. Даже собаки, соколы и лошади словно окаменели. По другую ее сторону – горбатый мост, голубоватые воды медлительной реки, толпа разинувших рты крестьян и старый темный господский дом, где в верхнем окне виднелось суровое лицо.

Хорошим бойцом был Джон Уиддикомб, но в этот день противник его оказался еще лучше. Не ему было удержаться в седле против золотого вихря и словно приросшего к нему наездника. Найджел и Бурелет были единым стремительным снарядом, весь их вес, сила и энергия сосредоточились в тупом конце неподвижно уравновешенного копьё. Порази Уиддикомба небесный гром, он не слетел бы на землю более стремительно и далеко. Оруженосец

сэра Уолтера Мэнни перевернулся в воздухе, латы его загремели, как кимвалы, и он навзничь растянулся на траве.

Лицо короля было помрачнело, но когда Уиддикомб, пошатываясь, встал на ноги, он одобрительно захолопал.

– Отменный поединок, отменный удар! – воскликнул он. – Как вижу, пять алых роз и в дни мира таковы, какими я видел их в битвах. Что скажешь, мой добрый Уолтер? Пошлешь еще оруженосца или сам откроешь нам путь?

И без того красное лицо Мэнни стало багровым, едва выставленный им боец рухнул на землю. Теперь он знаком подозвал к себе высокого рыцаря, чье худое свирепое лицо выглядело из-под поднятого забрала легкого шлема, точно орел из клетки.

– Сэр Хьюберт, – сказал Мэнни, – мне вспомнился день, когда под Каном ты сразил французского бойца. Так не согласишься ли ты быть нашим бойцом сегодня?

– Когда я вышел на поединок с французом, Уолтер, – сурово ответил сэр Хьюберт, – оружие наше было боевым. Я воин, и мое дело война, а не шутовские стычки на ристалищах, придуманные для забавы глупых женщин.

– Какая неучтивая речь! – воскликнул король. – Услышь тебя моя любезная супруга, был бы ты вызван на Суд Любви отвечать за свои грехи перед девицами-присяжными. Но прошу тебя, добрый сэр Хьюберт, возьми тупое копьё.

– Светлейший государь, уж лучше взять павлинье перо, но я повинуюсь. Эй, паж, подай мне эту жердину. Посмотрю, как я сумею с ней управиться.

Но сэру Хьюберту было не суждено испытать ни свою сноровку, ни свою удачу. Его могучий гнедой жеребец был столь же непривычен к турнирным поединкам, как и его господин, но уступал ему в спокойствии и мужестве. Когда он увидел нацеленное копьё, сверкающие доспехи и яростно ринувшегося на него золотого коня, то отпрянул в сторону, повернулся и помчался вдоль реки галопом. Крестьяне покатывались от хохота на своем берегу, королевская свита на своем, а сэр Хьюберт тщетно пытался осадить гнедого, который летел вперед, перемахивая через кусты дрока и заросли вереска, пока вместе со своим господином не превратился в неясное пятно на темном склоне холма. Найджел едва увидел, что его противник не готов его встретить, натянул поводья так, что Бурелет присел на задние ноги, затем отсалютовал копьём и вернулся к мосту.

– Прекрасные дамы сказали бы, что наш добрый сэр Хьюберт был наказан за свои нечестивые речи, – заметил король.

– Будем надеяться, что он вышколит своего жеребца до того, как ему придется вновь выехать на поединок между двумя армиями, – сказал принц. – Не то они примут каприз коня за трусость всадника. Смотрите, как он скачет, одним прыжком переносясь через все кусты на своем пути.

– Клянусь святым крестом! – произнес король. – Если отважный Хьюберт и не добавил себе славы турнирного бойца, зато показал, какой он искусный наездник. Однако мост все еще закрыт для нас, Уолтер. Что скажешь теперь? Так этот юный сквайр и останется в седле или же твой король сам должен будет взять копьё наперевес, чтобы открыть себе путь? Клянусь головой святого Томаса! Я не прочь помериться силами с этим молодцом.

– Нет-нет, государь! – воскликнул Мэнни, гневно взглянув на неподвижного защитника моста. – Ему уже оказано слишком много чести. Этот зеленый юнец и без того задерет свой глупый нос, раз теперь может похвастаться, что за один вечер вышиб из седла моего оруженосца и увидел спину одного из храбрейших рыцарей Англии. Подай мне копьё, Роберт! Посмотрим, как с ним справлюсь я!

Знаменитый рыцарь взял поданное ему копьё, как искусный ремесленник берет в руки инструмент: взвесил его на руке, раза два взмахнул им в воздухе, осмотрел, нет ли какого-нибудь изъяна в древке, и, наконец определив его вес и центр тяжести, аккуратно положил на опорный крюк, приделанный к латам сбоку под рукой. Затем, крепко взяв поводья, чтобы лошадь слушалась каждого их движения, закрылся щитом, висевшим у него на шее, и двинулся к мосту.

Найджел, молодой, неопытный Найджел, никакая милость природы не поможет тебе противостоять искусству и силе такого воина! Настанет день, когда ни Мэнни, ни даже Чандос уже не смогут вышибить тебя из седла, но в этот вечер, будь даже на тебе более удобные доспехи, своей участи ты не избежал бы. Твое падение близко, но когда ты увидел три черные прослав-

ленные стропила на золотом поле, твое мужественное, не знавшее страха сердце преисполнилось только радости и изумления перед такой несказанной честью. Твое падение близко, но и в самых страшных твоих снах тебе не могло привидеться, каким оно окажется!

Вновь, глухо стуча копытами по мягкой земле, кони несутся галопом навстречу друг другу. Вновь всадники сталкиваются под лязг металла, но теперь через круп своего коня на траву, гремя доспехами, падает Найджел, пораженный тупым концом копья в самый центр забрала.

Боже великий, что это? Мэнни в ужасе вскидывает руки, копье выпадает из его ослабевших пальцев. Со всех сторон с испуганными восклицаниями, воплями, проклятиями, призывами к святым туда скачут всадники. Когда еще дружеский поединок завершался столь страшно, столь внезапно, столь непоправимо? Нет, это обман зрения! Какие-то колдовские чары отвели им глаза. Но, увы, все они ясно видят распростертое на траве туловище злополучного защитника моста, а в добром десятке шагов в стороне покоится шлем с его головой!

– Клянусь Пречистой, – крикнул Мэнни, спрыгивая с седла. – Я бы отдал свой последний золотой, лишь бы этого не случилось! Но каким образом? Что это означает? Сюда, сюда, милорд епископ, тут ведь не обошлось без колдовства и дьявола.

Епископ, белый как мел, спешил к неподвижному туловищу и протолкался сквозь сгрудившуюся вокруг толпу пораженных ужасом рыцарей и оруженосцев.

– Боюсь, ни дать ему последнее причастие, ни исповедать его, увы, уже нельзя. Слишком поздно, – произнес он дрожащим голосом. – Злосчастный юноша! Сколь внезапная кончина! *In medio vitae*¹², как сказано в Писании: вот сейчас мы видим его в цвете юности, а в следующий миг голова его отделена от тела... Да помилует меня Бог и все Его святые, да оградят от гибели!

Молитва эта вырвалась из епископских уст с необычной истовостью и силой в ответ на вопль оруженосца, который было поднял шлем с земли и тотчас вновь уронил вне себя от страха.

– Он же пустой! Он же легче перышка! – кричал бедняга.

– Клянусь Богом, это верно! – воскликнул Мэнни, трогая шлем. – В нем ничего нет. Так с чем же я сразился, отче епископ? С существом этого мира или иного?

Для того чтобы вернее обдумать столь сложный вопрос, епископ взобрался в седло.

– Если тут бесчинствует непотребный бес, – сказал он, – мое место возле короля! Несомненно, эта лошадь цвета серы выглядела исчадием ада. Готов поклясться, я видел, как из ее ноздрей било пламя и валил дым. Только такому чудовищу и возить на себе доспехи, которые и скачут, и вступают в бой, а сами внутри пустые.

– Нет, отче епископ, не торопись, – перебил его кто-то из рыцарей. – Может быть, оно и так, как ты говоришь, но только это работа рук человеческих. Когда я был в походе на юге Германии, то видел в Нюрнберге хитрую механическую фигуру, которую изготовил один оружейник, – она и верхом ездил, и мечом махала. Ну и эта...

– Благодарю вас всех за вашу несравненную учтивость, – гулко произнесла распростертая на земле безголовая фигура.

Тут даже бесстрашный Мэнни вспрыгнул в седло. Многие поспешили отъехать от ужасного обрубка подальше, но самые храбрые замешкались.

– Больше же всех, – продолжал голос, – я благодарю благороднейшего рыцаря сэра Уолтера Мэнни за то, что он во всей своей славе снизошел скрестить копье со смиренным сквайром.

– Клянусь Богом! – заметил Мэнни. – Если это дьявол, так изъясняется он весьма учтиво. Сейчас я его выгашу на свет, пусть он хоть молнией меня поразит!

---

¹² В расцвете жизни (*лат.*).

С этими словами рыцарь снова спрыгнул с коня и, засунув руку в отверстие бармицы, крепко ухватил Найджела за кудри. Тот охнул, и Мэнни окончательно убедился, что имеет дело с человеком. В тот же миг его взгляд упал на прорезь в нагруднике, позволявшую юноше видеть все, что делалось снаружи, и он разразился басистым хохотом. Король, принц и Чандос, которые наблюдали эту сцену издали с таким удовольствием, что не пожелали ни вмешаться, ни объяснить, теперь, когда все вышло наружу, подъехали к поверженному бойцу, совсем ослабев от смеха.

– Высвободите его, – сказал король, прижимая ладонь к боку. – Расстегните латы и высвободите его! Я не раз скрещивал копья в поединках, но никогда еще не был так близок к тому, чтобы свалиться с седла, хотя только любовался со стороны. Но я опасался, что он лишился чувств, ведь он даже не пошевелился!

Падение действительно ошеломило Найджела, но так как он не знал, что остался без шлема, то и не мог понять, почему оно сначала вызвало такой ужас, а потом такой смех. Теперь, когда с него сняли непомерно большой панцирь, в котором он был замкнут, как горошина в стручке, молодой сквайр стоял, жмурясь от яркого света, весь красный от стыда, что хитрость, на которую его толкнула нищета, открылась всем этим хохочущим придворным. Но тут ему на помощь пришел король.

– Ты доказал, что умеешь пользоваться оружием своего отца, – сказал он, – и доказал, что достоин и его имени, и герба, ибо в тебе жив доблестный дух, прославивший его. Но думается мне, ты, как и он, не допустишь, чтобы голодные люди томились у твоих дверей, а потому прошу: проводи нас в твой дом, и если трапеза будет не хуже этой благодарственной молитвы перед ней, значит нас ждет великолепный пир.

Глава X

Как король приветствовал сенешаля своего верного города Кале

Никакие хлопоты престарелой леди Эрминтруды не смогли бы поддержать честь тилфордского господского дома, если бы под его кровом расположилась вся королевская свита – и маршал двора, и старший конюший, и юстициарий, и спальник, и телохранители. Но предусмотрительность и тактичность Чандоса помогли предотвратить это бедствие: одни члены свиты разместились в аббатстве, другие отправились дальше в Фарнемский замок, чтобы воспользоваться гостеприимством сэра Фиц-Алана. Гостями же Лорингов были только сам король, принц, Мэнни, Чандос, сэр Хьюберт де Бург, епископ и еще двое-трое.

Но как ни мало было это общество, как ни скромн старь дом, король ни на йоту не пожертвовал обычной своей страстью к пышности, церемониалу и ярким краскам. С багажных мулов были сняты вьюки, всюду сновали слуги, в опочивальнях исходили паром лохани для мытья, развевались шелка и атлас, блестели и позвякивали золотые цепи, и когда под пение труб двух придворных трубачей общество разместилось за столом, можно было смело сказать, что никогда еще почернелые потолочные балки не видели столь яркого, поистине волшебного зрелища.

После того как за шесть лет до описываемых событий в Англию со всех концов христианского мира съехались, блистая роскошью, чужеземные рыцари, чтобы принять участие в празднествах, устроенных в честь постройки виндзорской Круглой башни, и испытать свое счастье и ловкость на турнире, английская манера одеваться претерпела решительную перемену. Привычные верхняя и нижняя туники показались слишком простыми и убогими в сравнении с новой модой, и теперь вокруг короля пламенели красками, сверкали драгоценностями котарди, пурпуаны, блио, сюрко, упелянды, табары и прочие великолепные одежды, двухцветные или затканые узорами, с вышитой каймой, меховой опушкой или разнообразными фестонами по краям. Сам он в черном бархате и золоте был темным, но блистающим центром всего этого великолепия. По правую его руку сидел принц, по левую епископ, леди же Эрминтруда командовала слугами за дверьми, бдительно следя, чтобы кушанья и напитки подавались на стол в нужную минуту, подбодряла уставших, придавала новые силы ослабевшим, поторапливала замешкавшихся, расчетливо пускала в ход свои резервы, и стук ее дубовой клюки тотчас раздавался там, где возникала какая-нибудь заминка.

Позади короля, одетый в свой лучший, но такой жалкий среди этого блеска костюм, стоял Найджел и, хотя все тело у него болело, и особенно растянутое колено, сам прислуживал своим

августейшим гостям, которые через плечо осыпали его веселыми шутками, все еще посмеиваясь над приключением на мосту.

– Клянусь святым крестом! – сказал король Эдуард, откидываясь с куриной косточкой, изящно зажатой в «учтивых» пальцах левой руки. – Спектакль был слишком хорош для деревенской сцены. Ты должен поехать со мной в Виндзор, Найджел, вместе с гигантскими доспехами, твоим тайником. Там ты выедешь на ристалище, оглядывая его из середины панциря, и непременно останешься цел и невредим, разве что кто-нибудь рассечет тебя одним ударом от шлема до седла! Никогда еще я не видел такого маленького ядрышка в такой большой скорлупе!

Принц обернулся со смехом в глазах, увидел по красному, пристыженному лицу Найджела, как ему тяжка его бедность, и вступился за него.

– Нет, – сказал он ласково, – такой мастер заслуживает инструментов получше.

– И его господин должен позаботиться, чтобы он их получил, – добавил король. – Придворный оружейник постарается, Найджел, чтобы в следующий раз, когда с тебя соьбют шлем, твоя голова осталась в нем.

Найджел, багровый до корней льняных волос, пробормотал слова благодарности.

Однако Джон Чандос придумал кое-что другое и, лукаво посмотрев на короля, сказал:

– Не думаю, государь, что твоя щедрость тут так уж необходима. По старинному рыцарскому закону, когда противники сходятся в поединке и один то ли по своей неуклюжести, то ли по воле случая не отвечает на удар, его доспехи становятся достоянием того, кто сохранил боевую позицию. А посему, сдается мне, сэр Хьюберт де Бург, что отменные миланские латы и шлем бордоской работы, в каких ты приехал в Тилфорд, должны остаться тут, на память нашему молодому хозяину о том, как ты побывал у него в гостях.

Слова эти вызвали всеобщий смех и одобрительные восклицания, к которым не присоединился только сам сэр Хьюберт. Вспыхнув от гнева, он свирепо уставился на злокозненно улыбающегося Чандоса.

– Я же сказал, что в эти глупые игры не играю и ничего об их законах не знаю! – крикнул он. – Но тебе, Джон, коли ты хочешь съехаться со мной в поединке на боевых копьях или мечях, из которого живым выйдет только один, хорошо известно, что искать этой встречи тебе придется недолго.

– Неужто ты желаешь съехаться в поединке, Хьюберт? Не лучше ли тебе прежде спешиться? – ответил Чандос. – Вот тогда, я знаю, мы не увидим твоей спины, как увидели ее нынче. Говори что хочешь, но твой конь тебя предал, и я требую твои доспехи для Найджела Лоринга.

– Язык у тебя слишком длинный, Джон, и мне надоела его глупая болтовня! – отрезал сэр Хьюберт, чьи пшеничные усы на малиновом лице ошетинились. – Раз ты требуешь мои доспехи, так сам походи и возьми их. Если нынче светит луна, то хоть теперь же, когда уберут со стола.

– Нет, благородные господа! – воскликнул король, переводя улыбающиеся глаза с одного на другого. – Больше об этом ни слова! Наполни-ка свой кубок гасконским, Джон, и ты тоже, Хьюберт. А теперь, прошу вас, выпейте за здоровье друг друга, как добрые и верные товарищи, которые берутся за оружие только в ссорах их короля. Пока для доблестных сердец столько дела за морем, мы не можем поступиться ни тем и ни другим. А что до причины спора, то Джон Чандос был бы прав, если бы речь шла о поединке на турнире, но, по нашему суждению, этот закон неприменим в сем случае: ведь была лишь встреча у дороги без обмена ударами. Но вот доспехи твоего оруженосца, любезный Мэнни, ему, без всякого сомнения, больше не принадлежат.

– Печальное известие для него, государь, – ответил Уолтер Мэнни. – Он человек бедный, и снарядиться на войну ему было нелегко. Но твоя воля будет исполнена, государь. Сквайр Лоринг, зайди ко мне завтра утром, и доспехи Джона Уиддикомба будут тебе вручены.

– С позволения короля, я их ему возвращаю, – запинаясь, сказал Найджел, очень расстроенный. – Уж лучше мне навсегда остаться дома, чем отобрать у достойного человека его единственные доспехи.

– Узнаю дух твоего отца! – воскликнул король. – Клянусь святым крестом, ты мне нравишься, Найджел! Предоставь все мне. Но я дивлюсь, почему Ломбардец, сэр Эймери, все не едет к нам из Виндзора!

Уже не раз после своего прибытия в Тилфорд король Эдуард нетерпеливо осведомлялся, не приехал ли сэр Эймери и нет ли от него известий, а потому теперь сидевшие за столом обменялись недоуменными взглядами. Все они знали Эймери, знаменитого итальянского наемника, недавно назначенного сенешалем Кале, и такой неожиданный и спешный вызов его к королю вполне мог означать начало новой войны с Францией, о чем все воины только и мечтали. Дважды король отворачивался от стола с кубком в руке и прислушивался, не доносится ли снаружи конский топот. На третий раз слух его не обманул: стук копыт и позвякивание сбруи раздавались все ближе, а затем послышались хриплые оклики, на которые тотчас отозвались лучники, поставленные в карауле у дверей.

– Кто-то приехал, государь, – сказал Найджел. – Что ты повелишь?

– Это может быть только Эймери, – ответил король. – Только ему я оставил распоряжение последовать за мной. Пригласи его войти и прими как желанного гостя.

Найджел выдернул горящий факел из скобы и распахнул дверь. Снаружи он увидел полдесятка вооруженных всадников. Один из них уже спешил – невысокий плотный человек со смуглым крысиным лицом и беспокойными карими глазами, которые торопливо заглянули через плечо Найджела в залитую красноватым светом залу.

– Я сэр Эймери из Павии, – шепнул он. – Ответь, заклинаю Богом, король там?

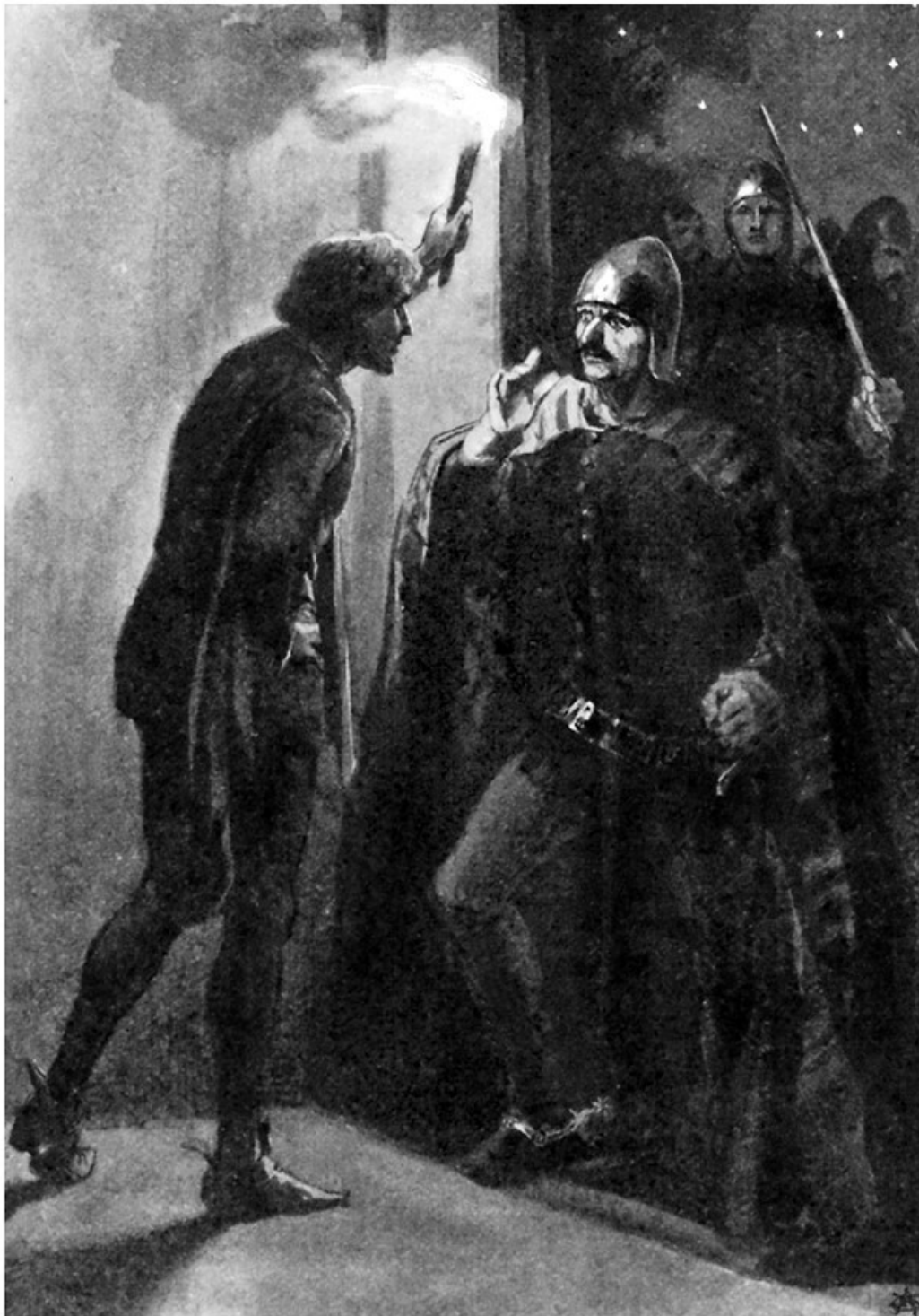
– Он ужинает, благородный сэр, и приглашает тебя войти.

– Чуть-чуть погоди, молодой человек. Секретное словечко тебе на ушко. Ты не знаешь, почему король послал за мной?

И Найджел заметил ужас в темных хитрых глазах, которые поглядывали на него искоса.

– Нет.

– Мне бы узнать... До того, как я явлюсь к нему...

– Тебе стоит лишь переступить порог, благородный сэра, и, без сомнения, ты все узнаешь из уст самого короля.

Сэр Эймери, казалось, собрался с духом, точно перед прыжком в ледяную воду. Потом быстрым шагом вышел из темноты на свет. Король поднялся ему навстречу и протянул руку с улыбкой на длинном красивом лице, но итальянцу почудилось, что улыбаются только губы, но не глаза.

– Добро пожаловать! – воскликнул Эдуард. – Добро пожаловать, наш благородный и верный сенешаль Кале! Входи же и садись за стол напротив меня, ибо я послал за тобой, чтобы

узнать от тебя, что нового за морем, и поблагодарить за то, как ты бережешь город, который дорог мне, словно жена или сын. Поставьте табурет для сэра Эймери вот тут, накормите и напоите его, ведь он нынче проделал тяжелый и долгий путь, исполняя мою волю.

И до конца долгого пира, который сумела приготовить леди Эрминтруда, Эдуард весело беседовал с итальянцем и придворными. Наконец последние блюда были убраны, пропитанные мясным соусом толстые ломти хлеба, служившие тарелками, брошены псам, кувшины с вином пошли вкруговую, и в залу робко вступил старый менестрель Уэтеркот в надежде, что ему будет дозволено развлечь монарха своим искусством, однако Эдуард замыслил другую забаву.

– Прошу тебя, Найджел, отошли слуг, и пусть у каждой двери поставят двух вооруженных стражей, дабы никто не помешал нашей беседе, ибо речь пойдет о тайном деле. Вот теперь, сэр Эймери, эти благородные лорды, как и я, твой господин, будут рады услышать от тебя самого, что деется во Франции.

Лицо итальянца было невозмутимо, но глаза беспокойно оглядывали сидящих за столом.

– Насколько мне ведомо, государь, на французской границе все тихо, – сказал он.

– Так, значит, ты не слышал, что там собираются отряды в намерении нарушить перемирие и посягнуть на наши владения?

– Нет, государь, ничего подобного я не слышал.

– Ты успокоил мою тревогу, Эймери, – сказал король. – Коль никакие дурные вести не достигли твоих ушей, надобно признать пустыми слухи, будто неистовый де Шарньи явился в Сент-Омер, зарясь на мой бесценный алмаз, и уже тянет к нему жадные руки в железных рукавицах.

– Что же, государь, пусть попробует. Он убедится, что алмаз надежно укрыт в своем крепком сундуке и его охраняет бдительный страж.

– Страж моего алмаза – это ты, Эймери.

– Да, государь, я.

– И ты верный страж, коему я могу доверять, не так ли? Ты же не продашь на сторону то, что столь мне дорого, когда из всего моего войска для его охраны я избрал тебя?

– Государь, в чем причина таких вопросов? Они задевают мою честь. Тебе ведомо, что с Кале я расстанусь, лишь расставшись со своей душой.

– Так ты ничего не знаешь о намерении де Шарньи?

– Ничего, государь.

– Лжец и злодей! – загремел король, вскакивая на ноги и ударяя тяжелым кулаком по столу так, что кубки зазвенели. – Взять его, лучники! Взять! Держите его за локти, чтобы он ничего над собой не сотворил. Ты смеешь говорить, глядя мне в лицо, бесчестный Ломбардец, что ничего не знаешь о де Шарньи и его планах?

– Бог мне свидетель, ничего!

Губы итальянца побелели, и говорил он тонким, дрожащим голосом, отводя глаза от грозного взгляда разгневанного короля.

Эдуард горько усмехнулся и достал спрятанную на груди бумагу.

– Вы будете судьями: ты, любезный сын, и ты, Чандос, и ты, Мэнни, и ты, сэр Хьюберт, и ты тоже, милорд епископ. Дарованной мне властью я назначаю вас судьями над этим человеком, ибо, клянусь Божьим Оком, я не выйду из этой залы, пока не разберусь с ним до конца. Сперва я прочту вам это письмо. На нем означено, что посылается оно сэру Эймери из Павии, прозванному Ломбардцем, в замок Кале. Это твое имя и твое прозвище, предатель?

– Мои, государь, но никакого письма я не получал.

– Иначе твое злодейство осталось бы нераскрытым! Подписано оно «Изадор де Шарньи». Так о чем же пишет мой враг де Шарньи моему доверенному слуге? Слушайте! «В прошлое новолуние мы не могли прибыть, ибо не собрали достаточно войска, не успели мы достать и двадцать тысяч золотых монет, назначенную тобой цену. Но когда вновь настанет новолуние,

в самый темный час мы прибудем, и ты получишь свои деньги у потайной калитки, где растёт рябина». Ну, предатель, что ты скажешь теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.